

2025 | Том 17 | № 2

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2025
Т. 17
№ 2

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ОБЩЕСТВО

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2025 || Том 17 || № 2

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2025

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025
Том 17
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2025.
197 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016,
Калининградская обл., г.
Калининград, ул.
А.Невского, д. 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>

© БФУ им. И. Канта, 2025

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО МИД России (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретицин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 16.07.2025 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309
от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политика и экономика

Байков А. А., Виньо А., Неклюдов Н. Я., Чжан Т. Интеграционная динамика в условиях кризиса: к новой интерпретативной модели 4

Войников В. В. Правовые аспекты использования странами ЕС доходов от российских суверенных активов 30

Трунов Ф. О. Подход ФРГ к взаимодействию с Республикой Польшей в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х годов) 49

Пространственное развитие

Жуковский А. Д. Оценка уровня развития и современного состояния сельских территорий стран Балтии 73

*Комарова В. Ф., Ружа О. П., *Хейманис Б. М., Арбидане И., Островска И.* Автотранспортная развитость территории Латвии в контексте пространственного неравенства 100

Логвинов И. А., Лачининский С. С., Белозёров С. А. Адаптация пространственных стратегий крупнейших застройщиков жилой недвижимости Санкт-Петербурга к антироссийским санкциям 122

Общество

Михайлов А. С., Михайлова А. А., Филатов М. М. Научные связи России в 1990—2024 годах: на примере Балтийского и Индийского регионов 152

Манаков А. Г., Кроток Р. Н., Иванов И. А. Трансформация конфессиональной структуры населения Северо-Запада России и Прибалтики (конец XIX — первая четверть XXI века) 175

EDN: ACLMFN

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: К НОВОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ МОДЕЛИ

А. А. Байков¹

А. Виньо¹

Н. Я. Неклюдов¹

Т. Чжан²

¹ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
² Пекинский университет,
100871, Китайская Народная Республика, Пекин,
район Хайдянь, ул. Ихэюань, 5

Поступила в редакцию 17.03.2025 г.
Принята к публикации 25.04.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1
© Байков А. А., Виньо А., Неклюдов Н. Я.,
Чжан Т., 2025

Цель статьи — изучить нелинейное влияние кризисных ситуаций на политическую динамику интеграционных структур на материале четырех кейсов с опорой на теоретический, эмпирический и сравнительно-аналитический исследовательский инструментарий. Представлен новый объяснительный подход к тому, как интеграционные структуры реагируют на кризисные ситуации различной глубины и интенсивности. Постулируется, что не природа или сила кризиса, а зрелость и плотность институционального устройства интеграционного объединения, а также фактический баланс власти между уровнями управления в нем в конечном итоге определяют, будет ли организация продолжать консолидацию или начнет распадаться. Исследование, основанное на опросе 409 специально отобранных экспертов по вопросам интеграции, показывает, что сильно интегрированные союзы укрепляются в периоды кризиса, но сталкиваются с дезинтеграционным откатом после его завершения. Напротив, слабо интегрированные союзы снижают интенсивность своих связей во время кризиса, но вскоре после него быстро восстанавливают способность к сотрудничеству. Данная модель апробирована на материале четырех кейсов, отражающих влияние кризиса на Украину в 2022 г. и его последствий на интеграционную динамику ЕС (с фокусом на энергетический кризис), НАТО, БРИКС и квазиинтеграционную сеть, образующую ведущими мировыми университетами.

Ключевые слова:

кризис, интеграция, ЕС, АСЕАН, НАТО, высшее образование

Введение

Французский дипломат Жан Монне, убежденный сторонник европейской интеграции, чьи идеи легли в основу плана Шумана по объединению металлургической, железорудной и угледобывающей промышленности Франции и Германии,

Для цитирования: Байков А. А., Виньо А., Неклюдов Н. Я., Чжан Т. Интеграционная динамика в условиях кризиса: к новой интерпретативной модели // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 4–29.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1

известен своей вдохновляющей речью о европейской интеграции. Он прогнозировал, что процесс объединения Европы будет происходить в результате цепных реакций на кризисные ситуации [1], однако практически не учитывал потенциальный ущерб, который кризисы должны были нанести интеграционным структурам. Исторический анализ интеграционных структур в литературе демонстрирует, что в одних случаях кризис может подтолкнуть партнеров к более институционализированному сотрудничеству («еще более тесный союз»), в других же случаях кризис приводит к разрыву кооперативной ткани. Изучая этот феномен, эксперты отмечают, что реакция на кризис может зависеть от характера вызова. Так, Шиммельфенниг [2] утверждает, что если «неудачи» влекут за собой дальнейшее наращивание потенциала, то «атаки» лишь активизируют уже существующие механизмы преодоления и, следовательно, наносят больший вред интеграции. Ограничение этой точки зрения заключается в том, что большинство кризисов — это и неудачи, и атаки, поскольку эти два типа усиливают друг друга.

В настоящей статье мы проверяем гипотезу о том, что характер организации и уровень интеграции имеют большее значение для прогнозирования последствий кризиса, чем природа самого вызова или его интенсивность. Рассматривается как немедленное реагирование, так и средне- и долгосрочные последствия кризисов. В статье дается оригинальное определение интеграции — это явление, которое в специальной литературе обычно сводится к процессу, при котором соседствующие страны сознательно передают посредством ряда официальных соглашений и менее формализованных договоренностей полномочия по принятию решений наднациональной структуре. С нашей точки зрения, интеграция не обязательно должна осуществляться в наднациональном формате или происходить между географически близкими государствами. Интеграция в соответствии с нашим пониманием может быть определена как процесс развития общих институтов и правил в различных секторах акторами из разных стран, результатом которого является взаимная зависимость и преференции в сделках. Таким образом, мы рассматриваем ЕС, НАТО, БРИКС и взаимодействие между ведущими мировыми университетами в сфере высшего образования как интеграционные структуры с разным уровнем институционализации. Термины «интеграция в сфере высшего образования» и «ведущие мировые университеты» используются как взаимозаменяемые для обозначения четвертого кейса и относятся к процессам глубокого сотрудничества и внедрения общих институтов, которые создали взаимную зависимость между университетами в мире¹. Исследование фокусируется на этих четырех конкретных интеграционных структурах, но полученные выводы применимы и к другим образованиям, обладающим схожими характеристиками.

Мы применяем смешанный метод трехуровневого исследования, основанный на теоретическом, сравнительном и эмпирическом изучении явлений кризиса и интеграции. Процесс сбора данных, включающий 409 ответов экспертов на стандартизированные вопросы анкеты и их индивидуальные комментарии, позволяет получить информацию о том, как организации с разной глубиной интеграции реагируют на кризисы с течением времени. Респонденты из 83 стран были отобраны на основе уровня их экспертных знаний по одному из четырех кейсов в соответствии со строгими критериями и являются либо авторитетными учеными, либо профессиональными дипломатами. Результаты исследования показывают, что глубоко интегрированные объединения укрепляют свою власть во время кризиса, но после его окончания страдают от дезинтеграционной реакции. И наоборот, слабо интегрированные объединения демонстрируют ослабление связей во время кризи-

¹ Более подробную информацию о стандарте ведущих мировых университетах см. в [6].

са, но впоследствии быстро восстанавливают свою способность к сотрудничеству. Новизна этой точки зрения заключается в анализе воздействия кризисов в среднесрочной и долгосрочной перспективах, которые, в свою очередь, могут оказать большее влияние на структуру организации, чем немедленная реакция на кризис. Особое внимание также уделяется механизмам, лежащим в основе запоздалых последствий кризисов.

Последующая часть данного исследования состоит из четырех разделов: за обзором научной литературы по вопросам кризисов и интеграции следует решение задач исследования и метод самого исследования. Выводы, сопровождающиеся цитатами и графиками, предваряют дискуссию, которая содержит рекомендации субъектам интеграции.

Интеграция и кризис

Интеграция может принимать различные формы, что приводит к множеству определений этого термина. Однако в силу того что европейская интеграция была в центре внимания многих ученых, произошло сокращение объема самого понятия и, как следствие, возникли трудности в его применении к другим, менее глубоким формам интеграции. Исторический обзор литературы позволяет сделать некоторые теоретические выводы: определение интеграции, данное Эрнстом Хаасом в 1958 г., как «процесса, в ходе которого политические акторы в нескольких различных национальных окружениях убеждаются в необходимости сместить свои лояльность, ожидания и политическую активность в сторону нового центра, институты которого обладают или требуют юрисдикции над ранее существовавшими национальными государствами» [3], имеет преимущество в том смысле, что оно сочетает в себе как социальные, так и политические аспекты интеграции. В рамках же межправительственного подхода фокус смещается в сторону политических аспектов интеграции и создания совместных институтов. Проблематизации именно этого вопроса будет уделено основное внимание в данной работе.

Несмотря на то что поведенческие параметры не остались без внимания в этом определении, тот факт, что в фокусе находятся преимущественно институциональные аспекты интеграции, накладывает на него значительные ограничения, в результате чего не учитываются некоторые интересные кейсы. Интеграцию лучше всего рассматривать как добровольное и обратимое делегирование полномочий по принятию решений от правительств к некой коммунитарной структуре. И если неофункционалисты и межправительственники смотрят на интеграцию как на процесс, а не на как политический результат, то другие авторы, в частности специалисты по ЕС, проявляют интерес к конечной политической форме, которую может принять ЕС [4]. Эксперты, специализирующиеся на интеграции ЕС, предлагают весьма специфические аналитические взгляды на интеграцию, которые не всегда применимы к различным кейсам интеграции [5].

Изучение различных типов интеграционных тенденций и сравнительный анализ различных типов интеграции имеют практическую ценность, поскольку помогают объяснить, как могут развиваться различные организации. Неофункционалистский «перелив», описанный Хаасом, был позже применен к иным случаям интеграции в других странах мира, в частности в Латинской Америке [7]. На вопрос, приведет ли экономическая интеграция группы стран к большему политическому единству, Хаас и Шмиттер [8] отвечают отрицательно, отмечая, что ускоренная интеграция является результатом довольно редкого стечения обстоятельств, называемого «творческим кризисом», в результате которого члены группы осознают, что они лучше справляются с последствиями проблемы как группа, чем в одиночку или с другим

набором партнеров. Углубление интеграции представляется скорее исключением, чем правилом, и было отмечено, что интеграция — это процесс, который не отличается непрерывностью, может протекать в обратном направлении, и что каждый регион, в котором происходят интеграционные процессы, следует индивидуальному набору механизмов. Это означает, что не существует «теории интеграции», которая была бы универсально применима [9]. Существующие теоретические взгляды на интеграцию развивались параллельно с объединением европейских стран: оптимизм первых лет существования процесса Европейского объединения угля и стали, переросшего в Европейское экономическое сообщество, был временем бурного академического интереса к тому, как будет развиваться интеграция. Однако кризис 1960-х гг., характеризующийся сопротивлением Франции голосованию квалифицированным большинством и последовавшим за ним компромиссом 1966 г., в котором шесть членов «согласились не соглашаться», ознаменовал начало застоя в академическом сообществе. Некоторые авторы теоретизировали о торможении и даже обращении вспять интеграции, например Линдберг и Шейнгольд в исследовании «Европа должна стать государством», опубликованном в 1970 г. Сам Хаас выразил разочарование в процессе интеграции Европы, написав фундаментальную работу об «устаревании региональной интеграции» [10]. Однако разочарование от стагнации европейского проекта было недолгим и сопротивление генерала де Голля развитию интеграции за пределами межправительственных отношений закончилось с его уходом из власти. Некоторые авторы отмечают, что 1970-е гг. были не временем стагнации, а подготовкой к следующему этапу интеграции, что в то время неверно истолковали многие политики и эксперты [11]. С принятием Единого европейского акта, а затем в 1991 г. Маастрихтского договора интеграция в Европе возобновилась, а академический интерес к этой теме вновь появился [5].

Возникли различные новые теории о том, что интеграция посредством правовых средств может стать следующим шагом вперед после экономической интеграции [7]. Развитие теории интеграции было разделено на три этапа Вайнером [12], который выделяет этап «объяснения интеграции», продолжавшийся с 1960-х гг. и объяснявший причины интеграции. Второй этап «анализа управления» датируется 1980-ми гг. В это время ЕС представлялся как политическое образование и предпринималась попытка понять политические процессы, происходящие в нем, и способы функционирования регулятивной политики [12]. Третий этап «конструирования ЕС» начинается в 1990-е гг. В этот период рассматриваются последствия интеграции и универсальность интеграционного феномена. Показано, что теория интеграции эволюционирует от либеральной и реалистской перспективы (в зависимости от авторов) через подход политического анализа к социально-конструктивистской, нормативной и политэкономической перспективам [12]. Вайнер отмечает отсутствие застоя в академическом развитии теории интеграции и считает этап начиная с 1970-х гг., продуктивным с точки зрения концептуального понимания процесса интеграции.

Самые ранние идеи интеграции предшествовали европейскому проекту всего на несколько лет. Либеральные подходы к международным отношениям критиковали реалистский подход к государственному суверенитету и отмечали, что мир будет более стабильным, если транснациональные организации смогут оказывать давление на государства [13]. Основное внимание уделялось развитию глобальных форм сотрудничества, а не региональных, хотя при этом наметились сдвиги в области исследования федерализма. Изучение интеграции активно началось в 1950-х и особенно 1960-х гг., когда внимание было сосредоточено на потенциале развития наднациональных институтов в различных областях политики, «переплески-
вающихся» в другие области, что приводило к усилению наднациональных обяза-

тельств [14]. Функциональные «переплескивания» означают разработку политики в одной сфере по мере ее развития естественным образом и ее переход в другие сектора. Например, совместная экономическая политика часто приводит к разработке совместного законодательства, регулирующего экономическую практику. Политические «переплескивания» возникают в результате изменения идентичности акторов, начавших процесс интеграции, то есть чем глубже интеграция, тем выше стремление укрепить обязательства. Также были выявлены культивируемые «переплескивания», которые являются результатом стремления наднациональных институтов увеличить свою власть и расширить количество вопросов, подлежащих совместному управлению [15].

В этот период были предприняты попытки теоретизировать интеграцию, происходящую за пределами Европы, и определить черты, лежащие в основе успешных интеграционных процессов. Теория транзакционизма, разработанная Дойчем, предсказывала наступление периода интенсивных транснациональных коммуникаций, которые должны были создать высокую степень солидарности между людьми за пределами национальных границ [16]. В других исследованиях предполагалось, что правительства, не отказываясь от суверенитета, объединяются временно, а некоторые исследования утверждали, что в конечном итоге интеграция усиливает власть суверенных государств, а не уменьшает ее [17]. Моравчик придерживается государствоцентричного подхода и подчеркивает важность добровольных межгосударственных согласований в интеграционных процессах [18]. Он считает, что европейская интеграция была обусловлена не геополитическими или идеологическими факторами, а привлекательностью транзакционных выгод. Эта точка зрения отвергает идею зависимости выбранного пути от интеграции и само понятие неофункционалистского «переплескивания». Отдельное направление теоретической мысли подчеркивало, что государству брошен вызов со стороны над- и субнациональных образований и оно постепенно приходит в упадок. Розенау описывает эти изменения как «турбулентность в мировой политике» и пишет об агрегировании частей и дезагрегировании целого [19]. В исследованиях также утверждалось, что интеграционные процессы никогда не могут быть полностью подконтрольны государствам-участникам и что возврат к ситуации, существовавшей до интеграции, невозможен [20]. Наднациональные институты позволяли государствам уменьшить неопределенность, но создавали уровень зависимости, не сводимый только к отношениям межправительственного порядка.

В результате второго этапа теоретизации интеграции произошло усиление междисциплинарности и расширилось понимание функционирования европейского кейса. Исследования были сосредоточены на анализе новых институтов, которые, казалось, возникли из ниоткуда. В «анатомии института» были изучены различные уровни управления и проведено их сравнение с сетями, обладающими официальными и неофициальными векторами влияния [21]. Рагги объяснял появление и развитие ЕС тем, что возникли новые нормы и режимы, которые стали управлять международной системой в целом, что, в свою очередь, способствовало развитию регионального сотрудничества [22]. Различные наднациональные институты рассматриваются в этот период как поддерживающие друг друга, а интегрированная Европа как опора НАТО. По мере развития ЕС после 1992 г. внимание уделялось поддержанию надлежащего уровня организациями и теоретизации «демократического дефицита», а также необходимости прозрачности работы наднациональных структур, особенно Европейской комиссии [23].

Появление конструктивизма в 1990-х гг. открыло еще один путь для исследования интеграционных процессов. Фокус внимания на агентности, идентичности, нормах и социальном поведении проложил путь к новому анализу причин, лежа-

щих в основе европейского строительства [24]. Основные дебаты среди политиков и правительств о расширении и углублении обязательств в ЕС, а также о перераспределении ресурсов привели к росту научного внимания к будущему формату Европы [25]. Исследования нарушений правил ЕС странами-членами показали, что за конфликтами следуют «механизмы декомпрессии», в результате которых вырабатываются политики, позволяющие дифференцировать страны-участники [26]. Принятие сформировавшегося разнообразия и идеи интеграции, проходящей двумя или более различными темпами, возникло в качестве ответа на сопротивление некоторых членов. Политизация ЕС в 1990-е гг. привела к обновленному анализу процессов «переплескивания», а так называемая Конституция Европы 2004 г. — к более тонкому анализу механизмов управления в рамках ЕС. Критическая теория применялась при анализе интеграции, а дискурс-анализ позволил «деконструировать» концепции, лежащие в основе европейской конструкции, и выявить таким образом предубеждения и недостатки [11]. Вопрос о легитимности наднациональных образований в плане управления и принятия решений по сей день остается предметом интереса ученых [27]. Представление о том, что ЕС постоянно претерпевает изменения, используя механизмы «переплескивания», сегодня широко распространено среди политиков [28]. Недавние взгляды также критикуют идею исключительности ЕС, отмечая, что природа его суверенитета состоит в объединении национальных суверенитетов, а не в отказе от их части, и сравнивая при этом ЕС с неосредневековой империей, которая имеет сложную, многоуровневую систему власти с многочисленными дублированиями [29].

Обзор литературы показывает, что, если ранние исследования отличались некоторой гибкостью и представляли различные точки зрения на интеграцию, то более поздние были сосредоточены на развитии ЕС. Это привело к сужению определения того, что такое интеграция, а представление об «исключительности ЕС» и «нормативной силе» ЕС [30] вытеснили другие точки зрения. Возникновение конструктивизма и, в частности, представление о том, что изменения в международной политике не всегда иницируются национальными правительствами, расширяет взгляд на интеграцию, которая может быть обусловлена субнациональными акторами и не иметь географических ограничений. Интеграция может быть определена как развитие общих институтов и правил в различных секторах акторами из разных стран, приводящих к взаимозависимости. Таким образом, мы рассматриваем ЕС, НАТО, БРИКС и высшее образование как интеграционные структуры с разным уровнем институционализации.

Несмотря на то что анализ степени влияния кризисов на интеграцию в значительной степени направлен на ЕС, литература по управлению кризисами в международных организациях также позволяет сделать некоторые ценные выводы. Кризис можно определить как «срочную угрозу базовым структурам или фундаментальным ценностям [организации], которая таит в себе множество “неизвестных” и требует далеко идущих ответных мер» [31, р. 5]. Восприятие угрозы само по себе субъективно, и для того чтобы считаться кризисом, вызов должен представлять экзистенциальную угрозу для государства [31]. Если рассматривать региональную организацию, то основная угроза может быть сформулирована как риск дезинтеграции, широко описываемый как откат от общей политики, сокращение территориального охвата или авторитета общих институтов [32]. Глубина кризиса часто оценивается через интенсивность ответных мер, которые могут варьироваться от минимальных (незначительная реформа политики) до масштабных (серьезные институциональные изменения, создание коалиции для победы над государствами, бросившими вызов) [33]. Реакция организации на кризис может зависеть

от природы кризиса: внешние вызовы чаще требуют примирительного поведения и укрепления связей между членами организации, а внутренние вызовы чаще приводят к взаимным обвинениям.

Также был проведен анализ того, как триггер кризиса влияет на его результаты: «неудачи» влекут за собой дальнейшее наращивание потенциала, в то время как «атаки» лишь запускают уже существующие механизмы преодоления и оценивается как более разрушительная для интеграции [2]. Атаки могут быть вызваны не отсутствием потенциала, а несогласием с идентичностью или ценностями организации и представляет собой преднамеренные действия, направленные на подрыв целостности организации. Большинство прошлых кризисов были при этом одновременно и провалами, и атаки, поскольку нет более продуктивного периода для нападения на политику, чем тот, когда она переживает неудачу. В некоторых случаях концептуальное различие не позволяет определить потенциальные последствия кризиса до его естественного завершения. Характер атаки, а точнее, ее внутреннее или внешнее происхождение, может быть более значимым фактором, определяющим, будет ли политика реагировать на угрозу единым образом, или подвергнется риску дезинтеграции; группы с большей вероятностью объединятся для противостояния общему внешнему противнику, чем внутреннему. В конкретной ситуации, когда вызов исходит от государства-члена, совместное решение принять примирительный подход к этому государству или проявить твердость и попытаться изолировать его играет ключевую роль в окончательном исходе кризиса и требует определения того, является ли приоритетом для организации полное или всеобъемлющее участие всех стран-членов [33].

Различие, проведенное в конструктивистских исследованиях между оспариванием валидности норм и их применением, также показывает, что кризис, ставящий под сомнение основные ценности организации, будет иметь более тяжелые последствия, чем проблемы, связанные с вопросами политики (или способами применения ценностей) [34]. Реакция на кризис также зависит от культуры организации, времени выявления кризиса и того, рассматривается ли он как экзистенциальный. При этом в качестве стратегии преодоления иногда используется отрицание [35]. Однако со временем, когда последствия вызова становятся очевидными, восприятие ситуации может быть «повышено» до уровня кризиса, что приводит к появлению поздних механизмов реагирования. В интегрированных организациях угрозы могут восприниматься как появляющиеся на уровне правительств стран-участниц, на уровне представительных органов и бюрократии организации или на обоих уровнях одновременно. Совместная оценка угроз позволяет прогнозировать угрозы более высокого уровня интенсивности, а также проводить более эффективное и скоординированное управление кризисом. Совместное признание проблемы является защитным фактором от оспаривания валидности норм, но, однако, не гарантирует меньшего оспаривания их применимости [36].

Методология и контекст анализа кейсов

Выбор кейсов

Для исследования того, как кризисы влияют на интеграцию, были выбраны четыре различные организации, причем авторы использовали новое определение интеграции, описанное в разделе 1 данной статьи. ЕС широко признан как высокоинтегрированная региональная организация, и его выбор не требует обоснования. НАТО также является глубоко интегрированной региональной организацией, хотя в ней отсутствуют традиционные географические и многосферные характеристики

ЕС. Тем не менее тот факт, что члены Альянса теснейшим образом интегрированы с точки зрения политики безопасности, практически неоспорим. БРИКС традиционно не считается интеграционной структурой, поскольку члены этой организации не делегируют ей часть своих полномочий по принятию важнейших решений. Однако они создали общие институты и правила в различных секторах, и в результате возникла взаимная зависимость. Связи характеризуются взаимодействием перед принятием важных внешнеполитических решений и общим курсом на противостояние однополярности США. Международная интеграция высших учебных заведений, которую мы также определяем как норму «университетов мирового уровня», — это микроуровень и отраслевая форма интеграции, в результате которой ее члены являются участниками общих институтов и регулирующих органов с целью развития конкурентоспособности университетов на основе общей модели. Это соответствует нашему определению интеграции, поскольку интегрированные университетские системы взаимозависимы: от борьбы за мировое признание до привлечения лучших студентов, профессоров и спонсоров, участия в глобальных рейтингах, конкуренции за лучшие деловые партнерства — университеты следуют общим правилам, регулирующим форму и содержание высшего образования. Все эти структуры затронул украинский кризис, хотя в случае ЕС особое внимание уделяется энергетическому кризису, возникшему в результате украинского кризиса.

Эти четыре случая были выбраны в соответствии с методом «наибольшего различия»: две высокоинтегрированные структуры, которые имеют мало общего (ЕС и НАТО: разный масштаб, охват, отраслевая специализация), и две структуры с низким уровнем формальной интеграции, которые радикально отличаются друг от друга (БРИКС и университеты мирового уровня: интеграция сверху вниз и снизу вверх, разный уровень информированности общественности). Выбор этих кейсов позволяет показать, что уровень интеграции важнее, чем характер организации. Выбор одного и того же кризиса для всех случаев позволяет провести более точное сравнение между случаями. Таким образом, мы проверяем, будут ли результаты схожими, если разные организации сталкиваются с воздействием одного и того же кризиса. Рисунок 1 иллюстрирует положение каждого кейса по уровню интеграции.

Рис. 1. Расположение кейсов на прямой интеграции

Сбор данных

Исследование, представленное в данной статье, основано на смешанном методе сбора данных, включающем четыре опроса, в которых приняли участие 409 экспертов в области интеграции. Цель исследования — изучая особенность восприятия текущих и прошлых событий, определить, как кризисные явления влияют на интеграционные структуры. Анализ каждого кейса проводился с помощью отдельного опроса, состоящего из специальных вопросов, выявляющих конкретное интеграционное явление и его реакцию на кризис. В опросе о ЕС и энергетическом кризисе 2022—2023 гг. приняли участие 102 респондента, в опросе о НАТО и украинском кризисе — 100, в опросе о БРИКС и украинском кризисе — 101, в опросе об университетах мирового уровня и украинском кризисе — 106. Каждый опрос содержал 9 вопросов: первый уточняет сферу деятельности респондента, следующие семь представляют собой постепенное исследование того, как кризисы влияют на ин-

теграционные механизмы, а последний предполагает возможность респондента оставить свой комментарий в свободной форме. Такая структура позволила авторам получить ответы на конкретные вопросы, представляющие интерес, и в то же время учесть мнения респондентов о причинных факторах или мнения о самом исследовании.

Вопросы для интервью по каждому опросу представлены в приложении. В работе проверяется гипотеза о том, что кризисные события по-разному влияют на интеграционные структуры в зависимости от глубины интеграции. Вопросы переходят от подтверждения общих тенденций к изучению роли акторов в организациях, а также краткосрочных и долгосрочных последствий кризисных событий. Опросы проводились с апреля по август 2024 г. среди экспертов по интеграции в ЕС (опрос 1), НАТО (опрос 2), БРИКС (опрос 3) и университетов мирового уровня (опрос 4). Респонденты являются представителями различных сфер: академическое сообщество (123 респондента), СМИ (97), энергетическая отрасль (43), институты ЕС (13), местные и национальные правительства (133). Респонденты отбирались с учетом соответствия хотя бы одному из следующих критериев:

- не менее 3 научных статей, опубликованных в журналах 1-го квартиля (рейтинг Scopus) за последние пять лет (с 2020 по 2024 г.) по темам, связанным с опросом;

- не менее 15 статей по теме опроса, опубликованных в 2023 г.;

- постоянная должность в правительстве или государственном учреждении / агентстве, играющем ключевую роль во взаимодействии с ЕС, БРИКС, НАТО или координирующем программы высшего образования.

Респонденты были отобраны таким образом, чтобы представлять широкий спектр национальностей (28) во избежание предвзятости в отношении. Такая целенаправленная выборка не претендует на статистическую репрезентативность всего населения этих стран, но призвана представить широкий спектр оценки. Результаты опроса позволили получить значимые сведения о том, как кризисы влияют на различные интеграционные структуры. Комментарии, представленные в конце опроса в свободной форме, оказались высокоинформативны, поскольку продемонстрировали то, как органы управления реагировали на кризис, как население воспринимало изменения в управлении, а также степень сомнения или уверенности респондентов при ответе на вопросы опроса. Эти качественные данные представлены в разделе «Выводы».

Контекст

Кейс I: ЕС и энергетический кризис 2022—2023 годов

Кризис 2022 г. на Украине и санкции, введенные ЕС против России, создали предпосылки для возникновения энергетического дефицита ЕС. Организация пересмотрела свое понимание энергетической безопасности, отдав предпочтение политическим соображениям перед экономическими. В 2022 и 2023 гг. произошли ускоренный переход на возобновляемые источники энергии и снижение зависимости от ископаемых видов топлива, особенно тех, которые ранее закупались в России. В период с июля по сентябрь 2022 г. экспорт российского газа в Европу сократился на 74 % по сравнению с теми же месяцами 2021 г. Если во время ковида и в предыдущие годы основное внимание уделялось расширению использования природного газа как более экологически чистой альтернативы нефти, то в 2022 г. политика ЕС сделала разворот, чтобы избежать дефицита. Более грязные виды ископаемого топлива, такие как уголь, были возвращены на рынок, основное внимание уделено ядерной энергии, СПГ, импортируемому из «дружественных стран» по высокой

цене, и возобновляемым источникам энергии. Программа REPowerEU, запущенная в 2022 г. Европейской комиссией, ставила в приоритет отказ от российского импорта и предоставляла финансирование для ускоренного развития возобновляемых источников энергии. Значительные средства также были выделены для того, чтобы помочь конечным потребителям справиться с ростом цен на энергию.

В то время как одни утверждают, что энергетический кризис ускорил переход к новой энергетике и помог Евросоюзу достичь своих целей в области чистой, независимой и партисипативной энергетики, другие подчеркивают проблему дополнительных расходов граждан и предприятий ЕС, а также многочисленные случаи «энергетической бедности», наблюдаемые по всей Европе. Экономический спад, вызванный высокими ценами на энергоносители, ощутим, поскольку доступная энергия всегда ассоциировалась с экономическим ростом и благосостоянием. Ускоренный переход к новой энергетике привел к появлению новой проблемы в структуре энергобаланса ЕС — чрезмерной зависимости от новых, но хрупких технологий, таких как ветряные электростанции и солнечная энергия, которые сами по себе уязвимы в связи с изменением климата. Влияние энергетического кризиса на общественные настроения и отношение к ЕС в странах-членах остается недостаточно изученным в научной литературе, однако резкий рост количества победивших на выборах националистических партий в 2023 и 2024 гг. показывает, что технократическое управление ЕС в сфере энергетики вызвало значительное недовольство по всей Европе.

Кейс 2: НАТО и украинский кризис

Созданная в 1949 г. 12 странами Европы и Северной Америки, НАТО возникла из пепла Второй мировой войны, в период значительной напряженности и идеологических разногласий, характерных для первых лет Холодной войны. Договор устанавливал систему и закреплял принцип коллективной обороны, в которой нападение на одного члена рассматривалось как нападение на всех. НАТО способствовала интеграции военного потенциала стран-участниц и навязывала своим членам определенный уровень политической сплоченности. Организация пережила несколько волн расширения и в настоящее время состоит из 34 членов. С вызовом своей идентичности НАТО столкнулась в результате окончания Холодной войны. После роспуска Организации Варшавского договора и распада Советского Союза НАТО из оборонительного альянса постепенно превратилась в наступательный, прилагая плохо завуалированные усилия для продвижения интересов своего лидера — Соединенных Штатов. Взяв на себя обязанности по миротворческим операциям и превратив их в мероприятия по смене режимов, борясь с терроризмом, а на самом деле часто способствуя ему, НАТО искала для себя новую идентичность. Усиление присутствия НАТО в странах Балтии и Восточной Европы привело к конфронтации с Россией, поскольку организация стала угрожать интересам безопасности Москвы и оспаривать ее региональное влияние. Попытки постоянно пересматривать роль НАТО после Второй мировой войны привели к тому, что ее действия стали расцениваться как агрессивные многими государствами в международной системе. Агрессивная позиция НАТО в украинском конфликте 2022 г. привела к кризису внутри самой организации, а не к ее консолидации перед лицом нового врага. Ряд членов НАТО стремится к миру и выступает против вооружения Украины, поскольку это лишь продлевает деструктивную конфронтацию и чревато эскалацией до полномасштабной войны между Россией и Западом с возможным применением ядерного оружия. Данный кейс демонстрирует, что дальнейшая принудительная интеграция в кризисных ситуациях не может привести к укреплению региональной организации.

Кейс 3: БРИКС и украинский кризис

БРИКС возникла как разрозненная группа стран, основной целью которой было оформление оппозиции мировому порядку, в котором доминирует Запад. Термин БРИК (в оригинале — исключая Южную Африку) был придуман Джимом О'Нилом в его рабочем документе для Goldman Sachs от 30 ноября 2001 г. и обозначает растущий экономический потенциал Бразилии, России, Индии и Китая. Первая официальная встреча БРИК была организована в 2006 г. в рамках 61-го заседания Генеральной Ассамблеи ООН, и четыре страны начали официальный политический диалог через министров иностранных дел этих стран. С тех пор встречи на уровне министров стали регулярными, и на них обсуждалось множество тем, включая здравоохранение, охрану окружающей среды, промышленность и международную политику. В 2011 г. к организации присоединилась ЮАР, и она превратилась в БРИКС. На 7-м саммите БРИКС страны создали Новый банк развития для финансирования инфраструктурных проектов и проектов развития. Банк был создан с целью уравновесить влияние институтов, возглавляемых Соединенными Штатами, таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд. В 2024 г. БРИКС принял четырех новых членов: Египет, Эфиопию, Иран и Объединенные Арабские Эмираты. основополагающие ценности организации, такие как уважение суверенитета и принцип невмешательства, оказались привлекательными, и организация пользуется большой популярностью в Африке, Азии и Латинской Америке. Тем не менее БРИКС переживает кризис идентичности, связанный с кризисом на Украине, поскольку некоторые ее члены занимают разные политические позиции и поддерживают противоположные стороны: Бразилия изначально стояла на стороне Украины и США, Индия и Китай в основном не занимали четкой позиции, а Россия выражала свое недовольство агрессией США.

Кейс 4: университеты мирового уровня и украинский кризис

Механизмы, управлявшие глобальной интеграцией высшего образования, имели несколько форм: первая — это неформальное распространение нормы об университетах мирового уровня, когда страны по всему миру запускали программы высшего образования для повышения привлекательности и узнаваемости своих университетов во всем мире; вторая — часть первой и состоит из более формальных и институционализированных механизмов, разработанных для продвижения интеграции, таких как Болонский процесс. После Второй мировой войны Соединенные Штаты и Великобритания создали модель либеральных университетов, конкурирующих друг с другом за лучших студентов, профессоров и исследователей. То, что начиналось как национальный проект, вместе с глобализацией распространилось на другие страны, сначала на Западную Европу, затем на Китай, Россию и весь остальной мир. Большинство стран стремилось тратить значительные государственные средства, чтобы присоединиться к процессу, в котором университеты соревновались за самые высокие рейтинговые позиции, лучшие деловые партнерства, самые выдающиеся исследования и самый заметный бренд. Это привело к интеграции и частичной потере автономии и даже суверенитета, поскольку государства приняли международные и в основном западные меры для управления своей системой образования. Болонский процесс, начатый в 1998 г., является формализацией интеграции, цель которой — обеспечение сопоставимости стандартов и качества квалификаций высшего образования в 49 странах путем гармонизации управления и содержания образования и создания значительного уровня взаимозависимости. Однако процесс интеграции переживает кризис, поскольку страны осознают, что одна университетская модель не подходит для всех: недовольство академического сообщества коммерциализацией образования и пренебрежением к гуманитарным наукам сопровождалось осознанием того, что система ведет к утечке лучших студентов и преподавателей в самые высо-

кокласные, в основном западные, университеты. Содержание высшего образования оказалось направлено на достижение целей, которые не способствовали развитию экономик своих стран. Многие страны осознали, что они присоединились к системе, которая благоприятствует экономическому и культурному развитию Запада и особенно англосаксонского мира. В данном исследовании рассматривается, как украинский кризис сказался на интеграционных процессах в сфере высшего образования.

Результаты

Исследование показало, что глубоко интегрированные союзы укрепляются во время кризиса, но после его окончания с высокой вероятностью столкнутся с дезинтеграционной реакцией. И наоборот, слабо интегрированные союзы испытывают еще большее ослабление связей во время кризиса, но быстро восстанавливают свою способность к сотрудничеству. БРИКС и мировая система высшего образования представляют собой структуры с низким уровнем интеграции, в то время как НАТО и ЕС считаются высокоинтегрированными. По мнению респондентов, хотя БРИКС и международная система высшего образования реагировали на кризисные ситуации откатом назад и де-факто «пережидали» трудные времена, сосредоточившись на национальных приоритетах, в среднесрочной и долгосрочной перспективах они смогут возобновить сотрудничество со своими партнерами практически с тех же уровней, на которых они его прекратили. В этих случаях интеграция не считается нарушенной. В случае с высокоинтегрированными структурами, такими как НАТО и особенно ЕС, наблюдаются обратные тенденции: кризисные события приводят к расширению возможностей руководящих органов и углублению интеграции. Однако этот эффект, по оценкам респондентов, будет недолгим, поскольку вынужденная интеграция становится непопулярной в обществе и приводит к кризису доверия, что ставит под угрозу само выживание организаций. Краткое изложение полученных результатов содержится в таблице 1. В остальной части этого раздела результаты каждого из опросов представлены более подробно.

Таблица 1

Интеграция и кризис

Структура	Степень интеграции	Вид участия	Природа кризиса	Интенсивность кризиса	Главный актор кризиса	Краткосрочное воздействие на интеграцию	Долгосрочное воздействие на интеграцию
ЕС	Высокая	Инициативное	Энергетический	Высокая	Интегрированная идентичность	Переопределение	Противостояние
НАТО	Высокая	Инициативное	Политический	Средняя	Интегрированная идентичность	Переопределение	Противостояние
БРИКС	Низкая	Инициативное	Политический	Низкая	Государства	Откат	Углубление
Мировая система высшего образования	Средняя	Вовлеченное	Функциональный	Средняя	Государства	Откат	Углубление

Кейс 1: ЕС и энергетический кризис 2022–2023 годов

Полученные данные свидетельствуют о том, что энергетический кризис привел к повышению значимости Еврокомиссии и органов ЕС в целом: государства официально и неофициально делегируют ЕС дополнительные полномочия для совместного решения общей проблемы. Респонденты подтверждают идею о том, что ЕС «падает вперед» — явление, которое ранее описывалось в научной литературе как движитель углубления интеграции в ЕС (см. [37]). Однако дальнейшее исследование позволяет предположить, что усиление власти ЕС повышает и дефицита демократии, и недовольство населения энергетической политикой в ЕС может привести к реакции, обращенной против этой организации. На рисунке 2 представлен обзор ответов респондентов на вопросы анкеты.

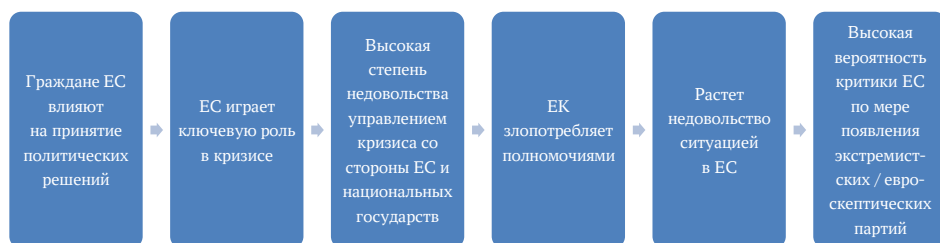

Рис. 2. Ответы на вопросы о ЕС и энергетическом кризисе

Ответы на первый вопрос демонстрируют, что граждане ЕС сохраняют определенное влияние на формирование политики ЕС, поскольку незначительное большинство респондентов (53 %) считает, что общественное отношение к интеграции в ЕС по-прежнему формирует политические решения. Этот результат представляется значимым, поскольку при отсутствии влияния населения на ЕС обратная реакция как таковая была бы маловероятна. Граждане ЕС влияют на формирование политики через Европарламент, Совет ЕС, а также через внутреннюю политику, предоставляя большую власть евроскептическим лидерам. Отвечая на второй вопрос, респонденты (59 %) подтвердили тот факт, что ЕС взял на себя ведущую роль в принятии решений по вопросам энергетики во время кризиса 2022–2024 гг. и это привело к усилению власти Еврокомиссии. Статья 194 Договора о функционировании Европейского союза гласит, что энергетика является совместной ответственностью государств-членов и самого ЕС, при этом государства-члены определяют условия добычи своих природных ресурсов, выбирают виды энергии и решают структуру энергоснабжения, а ЕС контролирует функционирование энергетического рынка, содействует энергетической безопасности, энергоэффективности и продвижению возобновляемых источников энергии (Энергетическая политика ЕС 2024). Однако важность вопросов, решаемых на уровне ЕС, возросла, поскольку «зеленый» переход от ископаемого топлива активно продвигается сверху.

Отвечая на вопрос о том, насколько успешно ЕС справляется с недавними энергетическими проблемами, 61 % респондентов выразили недовольство ростом энергетической бедности и управлением энергетическим кризисом со стороны ЕС. Некоторые комментарии, оставленные респондентами в свободной форме, свидетельствуют о разрыве между оптимистичными оценками ЕС и реальным положением дел на местах: по оценкам, 9,2 % граждан ЕС испытывают тот или иной уровень энергетической бедности¹. Они также отмечают, что решение о сокращении исполь-

¹ Energy poverty in the EU, 2022, *EU Parliament*, URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733583/EPRS_BRI\(2022\)733583_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733583/EPRS_BRI(2022)733583_EN.pdf) (дата обращения: 11.11.2024).

зования ископаемого топлива было принято слишком быстро, чтобы обеспечить энергетическую безопасность. Комментарии также выражают критику Комиссии ЕС, подчеркивая ее отдаленность от народа, и отмечают, что Европейская комиссия принимает решения, сидя в «башне из слоновой кости». Растет недовольство как ЕС, так и правительствами стран-членов. На вопрос о том, привел ли энергетический кризис к росту недовольства ЕС и росту национализма в странах-членах, 61 % респондентов ответили «да», только 23 % ответили «нет», а 17 % не определились. Полученные результаты показывают, что энергетический кризис снизил общее одобрение ЕС и стал катализатором роста националистических настроений. ЕС не единственный источник недовольства населения, поскольку респонденты также считают, что национальные правительства ответственны за некоторые последствия энергетического кризиса 2022 г., что может привести к потрясениям и в национальной политике.

Ответы на последний закрытый вопрос предполагают, что ЕС, скорее всего, столкнется с обратной реакцией населения, вызванной дополнительными полномочиями, которые он взял на себя, чтобы справиться с энергетическим кризисом. То, что ЕС столкнется с откатом власти, которую он приобрел во время энергетического кризиса, считают 63 % участников, 21 % полагают, что последствия будут длительными, а 17 % не определились с ответом. Один из респондентов отметил, что внешние кризисы, такие как энергетический, могут привести к внутренним кризисам внутри ЕС с отсрочкой от нескольких лет до нескольких десятилетий. Несколько респондентов назвали Brexit отложенным следствием побочного процесса, возникшего в результате урегулирования миграционного кризиса. Считается, что нынешний энергетический кризис может повлечь за собой аналогичную обратную реакцию. По мере того как Комиссия усиливает свое влияние, недовольство населения укрепляет влияние евроскептических партий, которые могут выступить за выход из союза.

Кейс 2: НАТО и украинский кризис

Результаты исследования показывают, что в 1990-х гг. у НАТО не была сформирована миссия и ей недоставало чувства единства, а перспектива расширения была единственной движущей силой этой организации. Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г. и продолжающийся кризис на Украине придали НАТО энергию, дав новую цель и объединив ее членов против общей угрозы, которую олицетворяет Россия. Организация усилила свою мощь и расширила военное присутствие во всем мире, особенно в Восточной Европе, развернув с 2022 г. военную инфраструктуру в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. Это расширение не сопровождалось ростом доверия населения к НАТО, и респонденты отмечают растущий уровень скепсиса в отношении организации и ее способности содействовать миру. Первые признаки обратной реакции на последствия кризиса уже ощутимы. На рисунке 3 представлен обзор ответов респондентов на вопросы опроса.

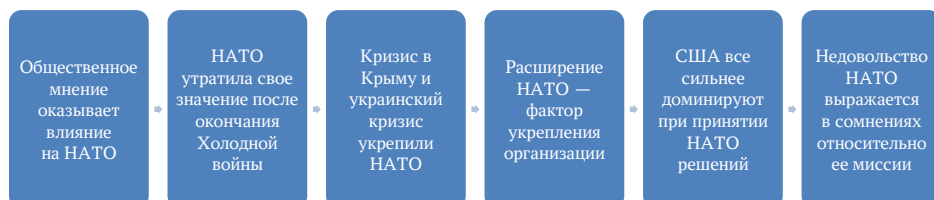

Рис. 3. Ответы на вопросы о НАТО и украинском кризисе

Первый вопрос помогает установить тот факт, что общественное мнение в странах — членах НАТО влияет на принятие решений и институциональные структуры организации, включая членство стран. То, что общественное мнение оказывает влияние на НАТО, считают 56 % респондентов. Этот результат очень важен, поскольку обуславливает возможность общественного недовольства оказывать какое-либо влияние на организацию. Респонденты также в подавляющем большинстве согласны с тем, что НАТО в 2000-х гг. утратила свое значение. Один из респондентов отметил, что в то время НАТО как оборонительный альянс и гарант безопасности для Европы казалась избыточной организацией. Операции НАТО в бывшей Югославии, Косово и Ливии были отмечены противоречивыми оценками объема полномочий и их реализации. Заметное усиление России на международной арене и ситуация с Крымом в 2014 г. привели к возрождению НАТО. То, что события 2014 г. сплотили членов НАТО, отметили 72 % респондентов, и только 28 % считают, что они их разделили. Специальная военная операция России привела к четкой формулировке новой миссии НАТО: Стратегическая концепция НАТО¹, принятая в 2022 г., гласит, что Россия является наиболее значительной и прямой угрозой безопасности союзников, а также миру и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. Определение четкого врага позволило НАТО расширить свою деятельность и временно повысить свой авторитет: 44 % респондентов отметили, что после начала специальной военной операции НАТО восстановила свою миссию и стала еще более интегрированной, 22 % указали, что ее миссия осталась неизменной с 2014 г., а 34 % — что это внесло раскол среди ее членов. Респонденты сходятся во мнении, что влияние НАТО в период с 2014 по 2022 г. выросло до беспрецедентного уровня со времен окончания Холодной войны. Расширение НАТО также считается фактором, способствующим единству в НАТО (78 % респондентов), при этом Финляндия и Швеция отказались от своей давней политики несовместимости.

За последнее десятилетие изменился и способ управления НАТО: все более воинственные США играют ведущую роль в процессе принятия решений в организации. Отвечая на вопрос о том, изменился ли центр принятия решений в НАТО с 2010-х гг., 47 % респондентов сказали, что США имеют большое значение для Альянса, а 34 % отметили незначительные изменения, сказав, что США всегда доминировали в организации. Важно отметить, что 68 % респондентов указали на рост недовольства политикой НАТО по сравнению с десятилетней давностью. В одном из комментариев подчеркивается, что нынешние шаги НАТО весьма противоречивы и что «нет всеобщего стремления к увеличению присутствия Альянса в Восточной Европе и еще меньше поддержки вступления Украины в Альянс». Участие НАТО в делах Украины рассматривается как шаг некоторых политических лидеров к расширению размеров организации и повестки дня, однако общественное мнение не считает, что финансирование Украины должно привести к более масштабным изменениям Альянса. Поддержка НАТО стала уменьшаться по мере того, как стали очевидны некоторые побочные «переплескивающиеся» эффекты ее усиления: увеличение числа происшествий во время военных учений, повышенная милитаризация Балтийского и Черноморского регионов, резкий рост военных расходов, постепенный переход от оборонительной к наступательной доктрине — все это привело к возрастанию общественного беспокойства по поводу НАТО. Низкий уровень поддержки НАТО подтверждается опросами: в июле 2023 г. доверие к

¹ NATO's Strategic Concept, 2022, NATO, URL: <https://www.nato.int/strategic-concept> (дата обращения: 11.11.2025).

НАТО упало до 30 %¹. Вступление Дональда Трампа в 2025 г. в должность президента США представляет собой дополнительный фактор, угрожающий НАТО, которой и так уже выражают недоверие обычные граждане. Как и в случае с ЕС и энергетическим кризисом, расширение полномочий НАТО вызвало недовольство населения, и, по прогнозам, в результате ускоренного распространения кризиса возникнет обратная «переплескиванию» реакция.

Кейс 3: БРИКС и украинский кризис

Результаты исследования свидетельствуют о том, что БРИКС, будучи слабо интегрированной организацией, в краткосрочной перспективе пострадал от последствий украинского кризиса, поскольку поддержка изначально была распределена между странами, находящимися на стороне России, и теми, кто предпочитает присоединиться к гегемону США. Примечательно, что вместо того, чтобы вызвать явные разногласия, украинский кризис заставил каждого члена организации (кроме России, которая была непосредственно вовлечена в него) сделать шаг назад и «переждать» время повышенной политической напряженности. Такое поведение соответствует ранее принятому в БРИКС принципу избегания спорных тем (см. [38]). Кризис не привел к «переплескиванию», и БРИКС не стал спешить с формулированием общих внешнеполитических заявлений. Развитие экономического сотрудничества, особенно между Китаем, Индией и Россией, показывает, что усилия США по изоляции России не увенчались успехом. Бразилия присоединилась к Западу, проголосовав в 2022 г. за осуждение России на Генеральной Ассамблее ООН². Каждая страна отдавала предпочтение собственным интересам, делала шаг назад от политического сотрудничества, но оно возобновилось в 2023 г. в рамках организации. На рисунке 4 представлен обзор ответов респондентов на вопросы анкеты о БРИКС и украинском кризисе.

Рис. 4. Ответы на вопросы о БРИКС и украинском кризисе

Ответы на первый вопрос по содержанию подтверждают, что БРИКС можно считать интеграционной структурой (68 %), что свидетельствует о том, что среди экспертов принято более широкое определение интеграции. Делегирование суверенитета не выступает неперенным условием интеграции, 53 % респондентов даже отмечают, что БРИКС также имеет потенциал стать региональным интеграционным блоком, что отражает снижение значимости географических границ для сотрудничества между государствами. Один из респондентов отметил: «Этот вопрос

¹ Economou, A., Kollias, Ch. 2023, In NATO We Trust(?): The Russian Invasion of Ukraine and EU27 Citizens' Trust in NATO, *De Gruyter*, URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/peps-2023-0029/html> (дата обращения: 11.11.2024).

² Brazil votes to condemn Russia, 2022, *Government of Brazil*, URL: <https://www.gov.br/en/government-of-brazil/latest-news/2022> (дата обращения: 11.11.2024).

в каком-то смысле представляет собой вопрос с подвохом: в настоящее время понятие “региональный” является настолько абстрактным, что может включать страны, находящиеся очень далеко друг от друга и потенциально в разных регионах. О региональной интеграции как таковой мы еще не говорим». В ходе исследования роли Китая в БРИКС была предпринята попытка определить, представляет ли относительная экономическая мощь страны угрозу для БРИКС как интеграционной структуры. Из опрошенных 40 % отмечают, что Китай имеет больший вес, чем другие страны, в принятии решений в организации благодаря своему экономическому влиянию, 34 % выражают обеспокоенность тем, что китайская мощь является средством запугивания других партнеров и может помешать интеграции БРИКС, 24 % подчеркивают, что Китай не относится к другим государствам как к равным. Главной угрозой для БРИКС респонденты считают дисбаланс между различными членами организации в экономической и военной мощи. При этом один из респондентов отметил: «БРИКС как структура основана на уважении и равновесии сил в переговорах суверенных государств, поэтому размер не должен иметь значения. Когда Россия расширила сотрудничество с Северной Кореей, изменив баланс сил в отношениях Китая со своим союзником, Китай принял эту ситуацию и даже заметил, что не его дело комментировать двусторонние отношения между двумя суверенными государствами».

Экспертные оценки влияния украинского кризиса на БРИКС показывают, что кризис временно ослабил организацию. То, что в результате кризиса солидарность внутри БРИКС снизилась, считают 65 % респондентов, 22 % — что кризис не оказал влияния, а 13 % — что помог консолидировать организацию. Результаты опроса также свидетельствуют о том, что некоторые страны БРИКС встали на сторону Запада, осудив Россию в начале специальной военной операции. Считают, что единой реакции не было вообще 25 % респондентов, а 17 % полагают, что имела место общая демонстрация поддержки России. В данном вопросе мы анализируем скорее восприятие, чем факты, поскольку они влияют на будущий интеграционный потенциал. В то время как Бразилия выразила несогласие с действиями России в Совете Безопасности ООН, другие страны воздержались от оценок. Даже Бразилия проявила сдержанность, как отмечается в одном из комментариев: «Бразилия осудила Россию, но вскоре после этого она также раскритиковала Запад за вооружение Украины и затягивание кризиса. Она также отклонила просьбы о введении санкций против России». Эксперты в своих ответах подчеркивают отсутствие единства во мнении и в целом нежелание предпринимать какие-либо шаги против России. Один из респондентов заметил: «Запад поднимает шум в СМИ, спешит воспользоваться возможностью назвать это концом БРИКС, но на самом деле страны просто замолчали и переключили свое внимание на другие вопросы, экономические и социальные».

Результаты опроса показывают, что внутри БРИКС произошел сдвиг, в основном в пользу Китая (57 % респондентов). Россия воспринимается как страна, доказавшая свою военную мощь, стойкость и способность противостоять Западу, но при этом переживающая непростые времена в экономическом плане. Несмотря на то что Китай в некоторых исследованиях представляется потенциальной угрозой для БРИКС, 83 % респондентов считают, что БРИКС сохранит свою актуальность в ближайшем будущем, поскольку миру нужна надежная организация, способная противостоять гегемонии США (36 %), а также потому, что существует потенциал более широкого сотрудничества (48 %).

Опрос показывает, что в краткосрочной перспективе на БРИКС негативно повлиял кризис на Украине и не произошло никакого «переплескивания». Однако ор-

ганизация сохранила потенциал для будущей интеграции, и в среднесрочной и долгосрочной перспективах не ожидается обратной реакции против БРИКС, поскольку отношение к организации как у граждан, так и у экспертов остается позитивным.

Кейс 4: университеты мирового уровня и украинский кризис

Университеты по всему миру разрабатывают общие образовательные программы и управленческие модели, чтобы конкурировать между собой на глобальном уровне, а развитие университетов мирового класса часто представляется как фактор диверсифицированного и динамичного экономического роста. Болонский процесс — это механизм трансрегиональной интеграции, который привел к стандартизации систем высшего образования в странах ЕС и у его соседей. Менее формализованная норма «университеты мирового уровня» объединяет все больше университетов из большего числа стран, стремящихся к превосходству в рейтингах и привлечению лучших студентов, профессоров и деловых партнеров. В исследовании оценивается влияние украинского кризиса на механизмы глобальной интеграции в сфере высшего образования. Результаты показывают, что идеологическая напряженность и санкции, вызванные кризисом, оказали давление на потенциал и желание некоторых стран глобально интегрировать свои университеты. При этом потенциал дальнейшей интеграции все еще является высоким, несмотря на механизмы противостояния, поскольку экономические выгоды перевешивают политические риски. Рисунок 5 иллюстрирует реакцию на этот случай.

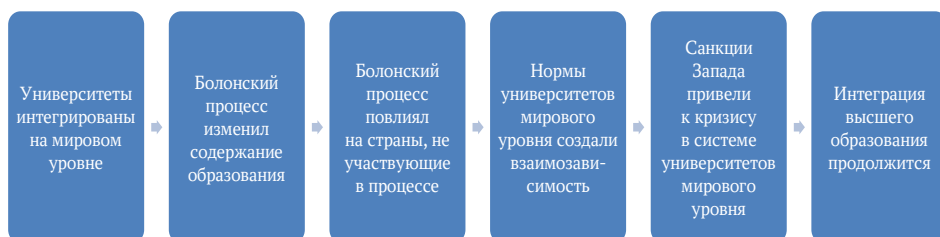

Рис. 5. Ответы на вопросы об университетах мирового уровня и украинском кризисе

Первый вопрос был направлен на сбор экспертных мнений об уровне интеграции университетов по всему миру. Из опрошенных 72 % отметили, что либо между университетами наблюдалось тесное международное сотрудничество, при котором совместные образовательные программы и исследования определяли идентичность этих университетов (46 %), либо университеты были глубоко интегрированы, поскольку их показатели зависели от показателей совместных организаций и они конкурировали за студентов и преподавателей на мировом уровне (26 %). В одном из комментариев было приведено такое различие: «Далеко не все университеты в стране являются университетами мирового класса, но ведущие университеты стремятся к этому статусу, а остальные часто следуют этому образцу, даже если у них мало перспектив стать мировыми лидерами». Болонский процесс, который представляет собой основную формализованную поднорму, регулирующую интеграцию в сфере высшего образования, по мнению респондентов, оказал значительное влияние на страны-участницы и эффект «переплескивания» на другие страны возник независимо от того, ассоциируют они себя с этим процессом каким-либо формальным образом или нет. Респонденты отметили, что Болонский процесс изменил в первую очередь административную модель университетов (26 %), содержание обучения (47 %), то, как проводятся исследования (17 %), и только 23 % указали, что он

существенно не повлиял ни на что из вышеперечисленного. На вопрос о том, как он оказал воздействие на страны, не участвующие в процессе, 26 % респондентов ответили, что не оказал, в то время как другие считают, что он либо отразился на понимании того, что является составляющей хорошего университета, либо непосредственно привел к изменениям в организационной и образовательной модели их университетов.

Несмотря на то что складывание нормы университетов мирового уровня — это в значительной степени всеобъемлющий и менее формализованный процесс, тем не менее он привел к значительным изменениям в системах высшего образования по всему миру на фоне глобализации и обострения экономической конкуренции. Из 48 % респондентов признали, что модель университетов мирового уровня, которую продвигал Всемирный банк как решение, помогающее развивающимся странам стать более экономически конкурентоспособными, оказала на них определённое влияние; 28 % отметили значительную роль этой модели, поскольку все университеты мира стремятся подражать ведущим университетам; 24 % не видят значительного влияния. Один из респондентов резюмировал свою точку зрения следующим образом: «Высшее образование превратилось в конкурентный рынок, где университеты оказывают услуги. Вопрос не в том, хотят ли государства, чтобы их университеты участвовали в этой конкуренции или нет, выбор невелик, поскольку изоляция ведет к потере компетентности и в конечном счете к утечке мозгов за границу». На вопрос о том, выгодно ли установление нормы университетов мирового уровня в первую очередь Западу, 59 % ответили отрицательно, 41 % — положительно, что отражает тот факт, что доминирование Запада в интернационализации высшего образования вызывает постоянную озабоченность более чем у трети респондентов. Один из комментариев отражает сложность этого вопроса: «Университеты мирового уровня появились на Западе. Изначально США устанавливали правила, и не все они справедливы. Но тот факт, что в этот процесс вовлечено огромное количество стран, привел к изменениям, которые Запад уже не контролирует».

Украинский кризис существенно повлиял на интеграцию университетов, показав реальность этого неформального процесса для незападных участников. После введения западных санкций против России российская система высшего образования, насчитывавшая десяток ведущих мировых университетов, оказалась в изоляции, поскольку университеты-партнеры разорвали связи и ввели ограничения на мобильность, что усложнило приезд иностранных студентов из некоторых стран мира для учебы в Россию. Мнения о причинах и обстоятельствах, приведших к уходу России с мировой арены высшего образования, разделились: 19 % респондентов отметили, что российские университеты были исключены принудительным образом, 33 % — что университеты ушли по собственному желанию, 33 % — что они ушли, потому что в их интересах было покинуть глобализованную систему образования после кризиса, а 26 % — что российские университеты не ушли в полной мере, поскольку дезинтеграция — это гораздо более длительный процесс, и рейтинги российских университетов по-прежнему во многом определяются за счет их международного взаимодействия в течение последних двадцати лет. Несмотря на эти разногласия между экспертами, несколько респондентов отметили новую тенденцию: российский опыт отказа стал уроком для Китая, Индии и других стран, которые начали оспаривать западную модель и стремятся развивать университеты мирового уровня на своих собственных условиях, отдавая приоритет национальным языкам, традициям, ценностям и культуре. Краткосрочный кризис в мировом высшем образовании привел к сокращению интеграционных механизмов. Однако взаимодействие в сфере высшего образования остается интеграционным процессом с многообещающими перспективами в будущем. По-прежнему считают, что

международное сотрудничество — это ключ к совершенствованию высшего образования, и что интеграция в настоящее время переориентируется в сторону продвижения действительно глобальных, а не западных ценностей, 67 % респондентов.

Обсуждение

В данной статье предлагается новое определение (и концептуализация) понятия «интеграция», которое значительно расширяет его объем и повышает прогностическую способность исследований этого феномена, что приближает эту академическую область к современным реалиям. Особое внимание уделяется тому факту, что интеграция — это процесс, который прежде всего культивирует преференциальность и, следовательно, взаимную зависимость, а не только и не столько возможность делегирования полномочий по принятию решений (ошибочно называемую в научной литературе «суверенитетом»). Такой подход позволяет рассматривать через одну и ту же сравнительно-аналитическую призму различные институциональные механизмы, которые традиционно считаются совершенно разными по своей природе и, соответственно, несопоставимыми (например, НАТО и университеты мирового уровня). Мы также демонстрируем, что формировать интеграционные процессы и участвовать в них могут не только правительства, но и единицы разных уровней анализа (в том числе субнациональные). Взаимная зависимость не требует делегирования полномочий, поэтому для совместной интеграции не всегда нужна правительственная печать одобрения. Кроме того, интеграция не требует сотрудничества и создания взаимной зависимости в более чем одной сфере. Страны могут интегрироваться в ограниченных сферах, даже очень узких (например, высшее образование, спорт, безопасность в аэропортах).

Одним словом, интеграция проявляется в разных формах, может исходить снизу или быть правительственной инициативой, охватывать широкие или узкие группы участников и быть многоотраслевой или отраслевой.

Мы также предлагаем новую аналитическую схему для объяснения того, как кризисные события влияют на интеграционные процессы, и показываем, что характер кризиса менее важен для определения конечных результатов, чем характер институциональной архитектуры интеграции. На рисунке 6 представлено отображение теоретического вклада данного исследования, иллюстрирующего, что страны с низким уровнем интеграции ослабляют свое сотрудничество во время кризиса, но затем быстро возобновляют проведение общей политики; страны с более высоким уровнем интеграции углубляют свое сотрудничество и расширяют полномочия наднациональных институтов во время кризиса, но впоследствии сталкиваются с серьезными проблемами, чреватými дезинтеграцией.

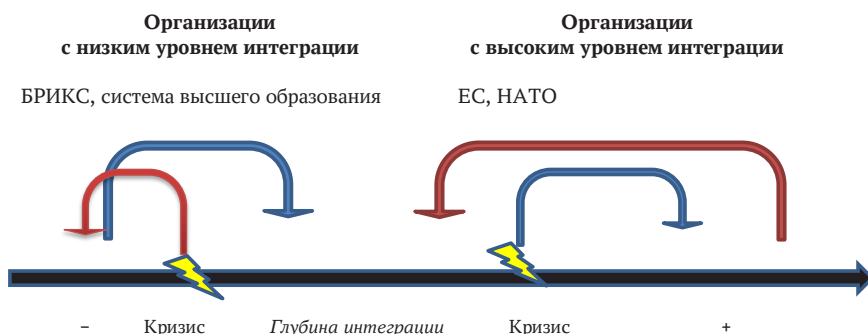

Рис. 6. Модели реакции на кризис в зависимости от типа интеграции

Эти выводы ставят под сомнение значительную часть исследований о механизмах, применяемых в ЕС для управления интеграционными процессами, демонстрируя, что эти механизмы на самом деле могут быть губительными для интеграционных процессов и что их применение для разрешения кризиса приводит к большей политизации и обратной реакции, в результате чего для возникают новые угрозы существования организации (например, Brexit как результат расширения прав и возможностей ЕС в вопросах миграции, возможные последствия управления энергетикой ЕС, идущего вразрез с интересами государств). Последующие научные исследования должны быть направлены на изучение факторов, определяющих успех интеграционных проектов, и наиболее продуктивных механизмов преодоления кризиса для интеграционных структур. Каждый кризис, с которым сталкивается ЕС, заслуживает нового анализа с изучением долгосрочных последствий процесса «переплескивания» или «сужения» интеграционного поля. Коренные причины крупных кризисов ЕС следует анализировать в свете политических реакций на прошлые кризисные события, а не сосредоточиваться исключительно на внешних факторах. Необходимо оценить, насколько далеко может зайти процесс «отката» в организации, которая быстро интегрировалась в результате кризиса, а также изучить факторы, повышающие вероятность «отката».

Исследования также должны быть сфокусированы на процессе разрушения интегративных структур в попытке сформулировать адаптированные решения для организаций, отживших свой век. Самовозрастающая бюрократия и страх перед переменами могут привести к тому, что интегративные структуры выйдут из-под контроля в попытке найти новую формулировку своей миссии. Роль НАТО в ликвидации предпосылок кризиса на Украине является значимой. Структуры с более низким уровнем интеграции следует анализировать с точки зрения информированности: в какой степени правительства и население осознают, что происходит интеграция. Если в БРИКС, инициативе идущей «сверху вниз», правительствам трудно заинтересовать население в сотрудничестве на низовом уровне и приходится прибегать к государственной политике и инструментам «мягкой силы» для борьбы с его безразличием, то в высшем образовании в некоторых случаях именно правительствам сложно понять и регулировать эти процессы, приходится постфактум часто прибегать к смягчающим мерам.

Эти выводы позволяют сформулировать новые рекомендации субъектам интеграции.

Во-первых, попытки ускорить интеграцию могут оказаться губительными, поскольку они рискуют снизить уровень поддержки региональной организации со стороны населения. Медленные темпы интеграции позволяют задействовать механизмы адаптации и избежать «угрызений совести у покупателя». Процесс, в ходе которого организация пересматривает распределение власти между суб- и наднациональными структурами, более сбалансирован, если он не происходит в период кризиса.

Во-вторых, перспективными в долгосрочной перспективе могут оказаться именно те модели интеграции, которые позволяют странам сознательно принимать или не принимать каждое решение. Гибкость снижает уровень недовольства, а добровольное участие помогает избежать внутренних конфликтов, в том числе необходимости наказывать «плохих учеников». Не существует прямых доказательств того, что гибкие подходы могут ограничивать возможность стран углублять свои обязательства.

В-третьих, делегирование государством полномочий коммунитарной структуре должно развиваться параллельно с поддержкой этого начинания населением, чтобы обеспечить плавный и длящийся переход к интеграции.

Выводы

В статье предлагается новый взгляд на степень влияния кризисов на различные интеграционные структуры. На основе четырех конкретных кейсов раскрываются различные механизмы преодоления кризисов, используемые каждым типом организаций. Авторы формулируют более широкую, чем традиционно представлено в научной литературе, концепцию интеграции, что позволяет сделать оригинальные эвристические выводы. Результаты исследования показывают, что делегирование полномочий (квазисуверенитет) не всегда носит инициативный характер (например, как в случае БРИКС или системы высшего образования) или происходит по обоюдному согласию (например, механизмы «переплескивания» в ЕС, НАТО), но государства всегда могут забрать свое и обычно делают это во время кризиса (наименее интегрированные организации) или после кризиса (более интегрированные организации). Качественное исследование, основанное на опросе 409 специально отобранных экспертов по вопросам интеграции, показывает, что глубоко интегрированные организации укрепляются во время кризиса, однако испытывают дезинтеграционную реакцию после его окончания. И наоборот, у слабо интегрированных организаций происходит ослабление связей во время кризиса, но вскоре после этого восстанавливаются способность к дальнейшему сотрудничеству.

Список литературы / References

1. Mayne, R. 1967, *The Role of Jean Monnet, Government and Opposition*, vol. 2, № 3, p. 349—371, <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.1967.tb01172.x>
2. Schimmelfennig, F. 2024, Crisis and polity formation in the European Union, *Journal of European Public Policy*, vol. 31, № 10, p. 3396—3420, <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2313107>
3. Haas, E. B. 1958, *The Uniting of Europe* Stanford: Stanford Univ. Press, URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).
4. Bellamy, R., Castiglione, D. 2013, Three models of democracy, political community and representation in the EU, *Journal of European Public Policy*, vol. 20, № 2, p. 206—223, <https://doi.org/10.1080/13501763.2013.746118>
5. Ruggie, J. G., Katzenstein, P. J., Keohane, R. O., Schmitter, P. C. 2005, Transformations in world politics: The intellectual contributions of Ernst B. Haas, *Annual Review of Political Science*, № 8, p. 271—296, <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.8.082103.104843>
6. Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., Baykov, A. 2023, World-class universities in Russia: a contested norm and its implementation, *Journal of Studies in International Education*, vol. 27, № 3, p. 539—556, <https://doi.org/10.1177/10283153221105322>
7. Cappelletti, M., Secombe, M., Weiler, J. H. 1986, Integration Through Law: Europe and the American Federal Experience. A General Introduction, in: *Integration Through Law, Volume 1: Methods, Tools and Institutions, Book 1: A Political, Legal and Economic Overview*, <https://doi.org/10.1515/9783110921540.3>
8. Haas, E. B., Schmitter, P. C. 1964, Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections About Unity in Latin America, *International Organization*, vol. 18, № 4, p. 705—737, <https://doi.org/10.1017/S0020818300025297>
9. Haas, E. B. 1961, International integration: the European and the universal process, *International Organization*, vol. 15, № 3, p. 366—392, <https://doi.org/10.1017/S0020818300002198>
10. Haas, E. B. 1975, The obsolescence of regional integration theory, Berkeley, Institute of International Studies, University of California, URL: <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/2293615> (дата обращения: 11.11.2024).

11. Caporaso, J. 1998, Regional integration theory: understanding our past and anticipating our future, *Journal of European Public Policy*, vol. 5, № 1, p. 1—16, <https://doi.org/10.1080/13501768880000011>
12. Wiener, A. 2019, *European integration theory*, Oxford University Press.
13. Mitrany, D. 1943, *A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization*, London, Royal Institute of International Affairs, New York, Toronto, Bombay, Melbourne, Cape Town, Oxford University Press. Post-War Problems, URL: <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/20/1/109/2707131?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 11.11.2024).
14. Lemley, M. A., Frischmann, B. M. 2007, Spillovers, *Columbia Law Review*, vol. 107 (257), URL: <https://ssrn.com/abstract=898881> (дата обращения: 11.11.2024).
15. Hussler, C. 2004, Culture and knowledge spillovers in Europe: new perspectives for innovation and convergence policies?, *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 13, № 6, p. 523—541, <https://doi.org/10.1080/1043859042000234302>
16. Cutchin, M. P., Dickie, V. A. 2012, Transactionalism: Occupational Science and the Pragmatic Attitude, *Occupational Science: Society, Inclusion, Participation*, p. 21—37, <https://doi.org/10.1002/9781118281581.ch3>
17. Milward, A. S. 2006, History, political science and European integration, *Handbook of European Union Politics*, p. 99—103, <https://doi.org/10.4135/9781848607903.n31>
18. Moravcsik, A. 2005, Sequencing and path dependence in European integration. In *Conference on "Sequencing of Regional Economic Integration: Issues in the Breadth and Depth of Economic Integration in the Americas"*, Mendoza College of Business, Notre Dame, p. 9—10, URL: https://www.academia.edu/99674796/Sequencing_and_path_dependence_in_European_integration (дата обращения: 11.11.2024).
19. Rosenau, J. N. 1966, Turbulence in World Politics, *History*, vol. 7, № 2, p. 279—292.
20. North, D. C. 1990, A Transaction Cost Theory of Politics, *Journal of theoretical politics*, vol. 2, № 4, p. 355—367. EDN: JOCFGD, <https://doi.org/10.1177/0951692890002004001>
21. Ruggie, J. G. 1992, Multilateralism: the anatomy of an institution, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 561—598. EDN: BLMWRV, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027831>
22. Ruggie, J. G. 1997, Consolidating the European pillar: The key to NATO's future, *Washington Quarterly*, vol. 20, № 1, p. 109—124. EDN: HKQAZV, <https://doi.org/10.1080/01636609709550232>
23. Jensen, T. 2009, The Democratic Deficit of the European Union, *Living Reviews in Democracy*, 1, URL: https://cis.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Jensen.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
24. Checkel, J. T. 2007, Constructivism and EU politics. In: *Handbook of European Union Politics*, London, p. 57—76, URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781446206492_A24010407/preview-9781446206492_A24010407.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
25. Entin, M. L., Entina, E. G., Voynikov, V. V. 2022, New principles of resource distribution in the EU and their impact on the countries of the Baltic region, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 122—137. EDN: EQONRB, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-8>
26. Havlík, V., Hloušek, V. 2023, Breaching the EU governance by decompression, *Journal of European Integration*, vol. 46, № 3, p. 279—296, <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2276286>
27. Schmidt, V. A. 2020, *Europe's crisis of legitimacy: Governing by rules and ruling by numbers in the eurozone*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198797050.001.0001>
28. van Meurs, W., de Bruin, R., van de Grift, L., Hoetink, C., van Leeuwen, K., Reijnen, C. 2018, *The Unfinished History of European Integration*, Amsterdam University Press, <https://doi.org/10.1515/9789048540198>
29. Dymova, L., Baykov, A. 2016, European Integration from Theoretical Perspective, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, № 2, p. 217—220, <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/17>

30. Savorskaya, E. 2015, The concept of the European Union's normative power, *Baltic Region*, № 4, p. 66—76. EDN: YIXDBP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-5>
31. Boin, A., t'Hart, P., Stern, E., Sundelius, B. 2016, *The politics of crisis management: Public leadership under pressure*, 2nd ed., Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/9781316339756>
32. Webber, D. 2014, How likely is it that the European Union will disintegrate? A critical analysis of competing theoretical perspectives, *European Journal of International Relations*, vol. 20, № 2, p. 341—365, <https://doi.org/10.1177/1354066112461286>
33. Hirschmann, G. 2023, Crisis management in international organisations: the League of Nations' response to early challenges, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 37, № 5, p. 573—591, <https://doi.org/10.1080/09557571.2023.2271984>
34. Deitelhoff, N., Zimmermann, L. 2020, Things we lost in the fire: How different types of contestation affect the robustness of international norms, *International studies review*, vol. 22, № 1, p. 51—76, <https://doi.org/10.1093/isr/viy080>
35. Duchek, S. 2020, Organizational resilience: a capability-based conceptualization, *Business Research*, vol. 13, № 1, p. 215—246. EDN: SCACCY, <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0085-7>
36. Barnett, M. N., Finnemore, M. 1999, The Politics, Power, and Pathologies of International Organizations, *International organization*, vol. 53, № 4, p. 699—732. EDN: DBSTUN, <https://doi.org/10.1162/002081899551048>
37. Jones, E., Daniel Kelemen, R., Meunier, S. 2021, Failing forward? Crises and patterns of European integration, *Journal of European Public Policy*, vol. 28, № 10, p. 1519—1536. EDN: OGVYBT, <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1954068>
38. Crowley-Vigneau, A., Baykov, A., Gao, A. 2024, Diplomats on BRICS: Drawbacks and benefits of cooperation without integration, *Terra Economicus*, vol. 22, № 2, p. 124—137. EDN: DXLMQN, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-124-137>

Об авторах

Андрей Анатольевич Байков, доцент, кандидат политических наук, проректор по научной работе, МГИМО МИД России.

<https://orcid.org/0000-0003-0432-4603>

E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Анн Виньо, доцент, кандидат политических наук (МГИМО-Университет), PhD (University of Reading), доцент факультета международных отношений, МГИМО МИД России.

<https://orcid.org/0000-0001-7466-2451>

E-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Никита Яковлевич Неклюдов, кандидат политических наук, заместитель декана факультета международных отношений, МГИМО МИД России, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1240-4339>

E-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

Тинхао Чжан, аспирант, факультет международных отношений, Пекинский университет, КНР.

<https://orcid.org/0009-0000-9793-0703>

E-mail: zhangtinghao@pku.edu.cn

INTEGRATION IN CRISIS: TOWARDS A NEW EXPLICATIVE MODEL

A. A. Baykov¹

A. C. Crowley-Vigneau¹

N. Ya. Neklyudov¹

T. Zhang²

¹ MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

² Peking University,
5, Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing
100871, People's Republic of China

Received 17 March 2025

Accepted 25 April 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1

© Baykov, A. A., Crowley-Vigneau, A. C.,
Neklyudov, N. Ya., Zhang, T., 2025

The goal of this study is to investigate the non-linear impact of crises on integrative structures through theoretical, empirical, and comparative analysis of four cases. This paper proposes a novel explanatory model of how integrative structures respond to various crisis junctures. The authors test the hypothesis that it is not the nature or intensity of the crisis, but rather the maturity and depth of integrative groupings' institutional arrangements — along with the actual balance of power between governance levels— that ultimately determine whether the organization consolidates further or begins to disintegrate. Based on a survey of 409 specifically selected experts on integration, the study reveals that strongly integrated unions tend to strengthen during crises but often experience disintegrative backlash once the crisis subsides. Conversely, weakly integrated unions tend to loosen their ties during crises but regain their capacity for cooperation shortly thereafter. This model is explored through four case studies that consider how the 2022 and ongoing Ukraine conflict affected the EU (with a special focus on the energy crisis), NATO, BRICS and a quasi-integrated network of world-class universities. The findings show that policy responses to crises should be specifically calibrated to the integration model that the organisation follows.

Keywords:

crisis, integration, EU, ASEAN, NATO, higher education

The authors

Dr Andrey A. Baykov, Vice-Rector for Research, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-0432-4603>

E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Dr Anne Crowley-Vigneau, Associate Professor, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7466-2451>

E-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Dr Nikita Ya. Neklyudov, Associate Professor, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-1240-4339>

E-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

To cite this article: Baykov, A. A., Crowley-Vigneau, A. C., Neklyudov, N. Ya., Zhang, T. 2025, Integration in crisis: towards a new explicative model, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 4–29. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1

Zhang Tinghao, PhD Student, Peking University, China.

<https://orcid.org/0009-0000-9793-0703>

E-mail: zhangtinghao@pku.edu.cn

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

EDN: BCTXTV

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАНАМИ ЕС ДОХОДОВ ОТ РОССИЙСКИХ СУВЕРЕННЫХ АКТИВОВ

В. В. Войников^{1, 2}

¹ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Принята к публикации 24.03.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-2

© Войников В. В., 2025

Вопрос использования замороженных российских суверенных активов находится в зоне внимания со стороны политиков и экспертов на протяжении уже трех лет. В 2024 г. в рамках Группы семи (G7) было принято решение об использовании доходов от российских активов для обслуживания синдицированного кредита, направленного на дальнейшее финансирование военной и иной помощи Украине. В первой половине 2024 г. в рамках политики ограничительных мер ЕС принял пакет законодательных актов, направленных на создание необходимого общесоюзного юридического механизма по обращению в собственность Союза доходов от инвестирования замороженных российских суверенных активов. Данное решение представляет собой серьезный вызов современному международному праву и системе международных отношений. Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных характеристик согласованного в рамках ЕС механизма использования российских суверенных активов с целью определения его соответствия международному праву и праву самого Союза. Для достижения поставленной цели автором проанализирована юридическая сторона механизма изъятия доходов от использования российских суверенных активов, а также осуществлена попытка смоделировать возможные последствия от применения данной меры, включая ответные меры со стороны РФ. Автор приходит к выводу о том, что утвержденный механизм использования российских активов может привести к нарушению права суверенной собственности РФ, а также иных принципов международного права. Кроме того, принятие на уровне ЕС решения об обращении в собственность Союза доходов от использования российских суверенных активов порождает целый ряд иных конфликтов с нормами национального и союзного права.

Ключевые слова:

Европейский союз, Россия, Украина, суверенные активы, международное право, непредвиденные доходы

Для цитирования: Войников В. В. Правовые аспекты использования странами ЕС доходов от российских суверенных активов // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 30–48. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-2

Введение

В сентябре 2024 г. вице-президент Еврокомиссии В. Домбровскис сообщил о том, что первый транш в размере 1,4 млрд евро, полученных от использования замороженных российских суверенных активов, направлен в Европейский фонд мира на приобретение вооружения для Украины¹. Таким образом, ЕС приступил к практической реализации плана по использованию российских замороженных активов.

Проблема заморозки, а также использования российских суверенных активов остается одной из наиболее острых в рамках текущих отношений между Россией и ЕС.

К суверенным активам относятся средства, являющиеся составной частью международных резервов РФ и размещенные на территории иностранных государств. В первую очередь речь идет о средствах, которые были инвестированы Центральным банком России в иностранные финансовые активы [1, с. 10]. После начала специальной военной операции (СВО) страны Группы семи (G7), а также ЕС приняли решение о заморозке российских суверенных активов, хранящихся в юрисдикции указанных стран. На февраль 2022 г. было заморожено около половины всех международных резервов РФ.

Согласно экспертным оценкам на сегодняшний момент в странах ЕС заблокировано около 200 млрд евро российских суверенных активов². Помимо этого около 40 млрд долл. США заморожено в США и около 20 млрд долл. США — в Великобритании³.

Практически одновременно с заморозкой российских суверенных активов на уровне ЕС и Группы семи (G7) стали обсуждаться идеи об их конфискации и передаче в пользу Украины [2, с. 82]. По результатам длительных обсуждений приемлемый вариант конфискации российских активов найден не был, хотя от идеи конфискации не отказались. Вместо конфискации был предложен вариант изъятия не самих активов, а только доходов от их использования. В первой половине 2024 г. механизм использования российских суверенных активов получил законодательное закрепление на уровне ЕС.

Решение об использовании российских суверенных активов будет иметь далеко идущие правовые, политические и финансовые последствия. Принятие ЕС во взаимодействии со странами Группы семи (G7) решения по изъятию доходов от использования российских активов порождает множество научных и практических проблем, требующих всестороннего анализа, а также выработки мер по обеспечению защиты суверенной собственности в будущем.

В рамках настоящего исследования будет осуществлен правовой анализ механизма использования российских суверенных активов в рамках ЕС, а также определены возможные последствия применения данного механизма на практике.

¹ Verbatim report of proceedings. Tuesday, 17 September 2024 — Strasbourg, *European Parliament*, URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-10-2024-09-17_EN.html (дата обращения: 05.01.2025).

² EU Blocks More Than €200 Billion in Russian Central Bank Assets, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-25/eu-has-blocked-200-billion-in-russian-central-bank-assets> (дата обращения: 05.12.2024).

³ Runde, E. 2023, Why the European Commission's Proposal for Russian State Asset Seizure Should be Abandoned. March 23, 2023, *Just Security*, URL: <https://www.justsecurity.org/85661/why-the-european-commissions-proposal-for-russian-state-asset-seizure-should-be-abandoned/> (дата обращения: 05.01.2025).

Правовые основы блокировки и использования российских суверенных активов

После начала специальной военной операции (СВО) на Украине Советом ЕС было принято решение № 2022/395¹, а также регламент 2022/394², согласно которым Союз ввел ограничительные меры в отношении суверенных активов РФ. Согласно ст. 5а (4) регламента № 833/2014 в редакции регламента № 2022/394 был введен запрет на любые операции, связанные с управлением резервами, а также активами Центрального банка России.

Таким образом, в рамках «санкционной» политики ЕС против России были впервые введены ограничения в отношении российских суверенных активов, при этом до февраля 2022 г. ЕС делал акцент на применении блокирующих финансовых ограничений против частных субъектов и существенно реже на так называемых торговых санкциях [3, с. 245].

Совет ЕС 12 февраля 2024 г. принял решение № 2024/577³ и корреспондирующий ему регламент⁴, согласно которым центральные депозитарии ценных бумаг, владеющие активами и/или резервами ЦБ РФ на сумму более 1 млн евро, обязаны с 15 февраля 2024 г. учитывать денежные средства по погашенным ценным бумагам, а также доходы от их использования на отдельных счетах (ст. 1 (8)). Кроме того, центральные депозитарии ценных бумаг не вправе распоряжаться доходами от использования указанных выше денежных средств.

Таким образом, Европейская комиссия стала предпринимать практические действия с целью формирования правовой основы для изъятия доходов от российской суверенной собственности⁵.

Совет 21 мая 2024 г. принял решение № 2024/1470⁶ и регламент № 2024/1469⁷, посредством которых был создан юридический механизм использования доходов от российских суверенных активов.

Согласно указанным актам Совет обязал центральные депозитарии ценных бумаг стран ЕС вносить в пользу Союза 99,7 % «чистой прибыли» (непредвиденного дохода), полученной от использования российских суверенных активов в виде

¹ Council Decision (CFSP) 2022/395 of 9 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L 81, 09.03.2022, p. 8 – 11.

² Council Regulation (EU) 2022/394 of 9 March 2022 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L 81, 09.03.2022, p. 1 – 7.

³ Council Decision (CFSP) 2024/577 of 12 February 2024 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L, 2024/577, 14.02.2024.

⁴ Council Regulation (EU) 2024/576 of 12 February 2024 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L, 2024/576, 14.02.2024.

⁵ Sexton, J. P., Kerr, V. 2024, EU Support to Ukraine through Windfall Profits: Reparative Value, International Law, and Future Pathways. Sep 23, 2024, *Lieber Institute*, URL: <https://lieber.westpoint.edu/eu-support-ukraine-windfall-profits-reparative-value-international-law-future-pathways/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁶ Council Decision (CFSP) 2024/1470 of 21 May 2024 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L, 2024/1470, 22.05.2024.

⁷ Council Regulation (EU) 2024/1469 of 21 May 2024 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L, 2024/1469, 22.05.2024.

остатков денежных средств (после вычета корпоративного налога и удержания небольшой доли для обеспечения соблюдения требований по управлению капиталом и рисками). В дальнейшем указанная прибыль будет направлена на финансирование военной и иной помощи Украине (ст. 1 (2) (9)).

Таким образом, согласно утвержденному механизму предполагается, что непредвиденный доход от российских активов является доходом депозитария, который после уплаты корпоративного налога фактически подлежит обложению налогом на непредвиденный доход (windfall tax) в размере 99,7 %, хотя в самих актах Союза термин «налог» не используется. Иными словами, непредвиденный доход от замороженных российских суверенных активов подлежит обложению национальным налогом, размер которого в Бельгии составляет 25 %¹, а после этого оставшаяся сумма облагается Союзным налогом в форме обязательного финансового вклада (financial contribution) в размере 97,7 %.

Согласно регламенту сумма, полученная в виде обязательного финансового вклада, обращается в пользу ЕС и направляется в Европейский фонд мира (90 %) и программы по поддержке Украины (10 %). При этом данное распределение может быть изменено посредством принятия имплементационного акта Совета.

Утвержденный механизм использования российских активов не предполагает их обращения в собственность стран ЕС, сами активы, причитающиеся купоны и дивиденды остаются в собственности Российской Федерации. Исходя из решения и регламента Совета ЕС речь идет только о «непредвиденных доходах» от активов, к которым относятся проценты, полученные от размещения денежных остатков по погашенным ценным бумагам. По мнению ЕС, непредвиденные доходы являются прибылью центральных депозитариев, соответственно, не входят в состав суверенной собственности РФ.

Таким образом, за основу утвержденного механизма был взят план Европейской комиссии, представленный 30 ноября 2022 г.² Комиссия пришла к выводу об отсутствии законных путей конфискации российских суверенных активов, по ее мнению, государствам-членам придется вернуть все находящиеся у них средства, принадлежащие РФ. В связи с этим Комиссия предложила инвестировать замороженные активы Центрального банка РФ для получения дополнительного дохода, который подлежит передаче в собственность ЕС и будет использован для финансирования Украины.

Основным адресатом требований, содержащихся в актах ЕС, являются расположенные на территории Союза центральные депозитарии ценных бумаг (CDS). Именно на счетах указанных депозитариев размещены принадлежащие России ценные бумаги, а также денежные средства. В настоящее время в странах ЕС расположены два основных депозитария: Евроклир (Euroclear) со штаб-квартирой в Брюсселе и Клирстрим (Clearstream), находящийся в Люксембурге. Основная часть принадлежащих России ценных бумаг и денежных средств, хранится на счетах Евроклир (около 191 млрд евро)³.

¹ Innovative Avenues to finance reparation in the UK, URL: <https://redress.org/wp-content/uploads/2024/01/Innovative-Approaches-Report-v.4.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

² Ukraine: Commission presents options to make sure that Russia pays for its crimes, *European Commission*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7311 (дата обращения: 10.12.2024).

³ Franchini, D. 2024, Immobilised Assets, Extraordinary Profits: The EU Council Decision on Russia's Central Bank Reserves and Its Legal Challenges, *EJIL: Talk!*, URL: <https://www.ejiltalk.org/immobilised-assets-extraordinary-profits-the-eu-council-decision-on-russias-central-bank-reserves-and-its-legal-challenges/> (дата обращения: 25.12.2024).

По погашенным ценным бумагам на счета депозитария поступают денежные средства, которыми в обычной ситуации собственник вправе распоряжаться по своему усмотрению. Однако ввиду заморозки российских активов денежные средства по погашенным ценным бумагам остаются в управлении депозитария. В соответствии с корпоративными инвестиционными стратегиями центральные депозитарии не хранят на своих счетах указанные денежные средства, а инвестируют их в другие низкорисковые активы, чаще всего Евробонды. Соответственно, такая инвестиция приносит дополнительный доход, который считается непредвиденным. Именно указанный доход, согласно принятым актам Совета ЕС, подлежит изъятию в собственность Союза.

По данным Евроклир, в его распоряжении находится около 159 млрд евро в виде денежных средств по погашенным ценным бумагам, принадлежащим России¹.

Согласно опубликованной информации за период с февраля 2022 г. по 15 февраля 2024 г. Евроклир получил непредвиденный доход от использования российских суверенных активов на сумму около 4,4 млрд евро². Всего, по экспертным оценкам, центральные депозитарии ценных бумаг ЕС за счет замороженных активов ЦБ РФ заработали около 5 млрд евро за период с марта 2022 г. по 15 февраля 2024 г.

Денежные средства, полученные до 15 февраля 2024 г., остаются в распоряжении центральных депозитариев в качестве обеспечения для покрытия потенциальных издержек и убытков, понесенных центральными депозитариями ценных бумаг в связи с возможными требованиями со стороны России (п. 21 Преамбулы Регламента № 2024/1469). Отсутствие обратной силы у рассматриваемого регламента в части использования российских активов должно минимизировать правовые последствия от ретроактивных действий³. Таким образом, разработчики данного механизма предполагают возможность наступления негативных последствий от использования суверенных активов и предоставляют центральным депозитариям некоторую гарантию в связи с возможными ответными действиями России.

Как было отмечено выше, решение ЕС об использовании доходов от российских суверенных активов было принято в рамках реализации договоренностей, достигнутых странами Группы семи (G7).

В ходе саммита Группы семи (G7) в июне 2024 г. было достигнуто соглашение о запуске программы чрезвычайных кредитов для Украины с целью ускорения поступления доходов (Extraordinary Revenue Acceleration (ERA) Loans) в размере 50 млрд долл. США. Данная программа должна быть реализована на коллективной основе, иными словами, речь идет о предоставлении Украине синдицированного кредита (syndicated loan), который должен будет обслуживаться и погашаться за счет непредвиденных доходов от замороженных российских суверенных активов, удерживаемых в ЕС и других соответствующих юрисдикциях⁴. Планировалось, что по 20 млрд долл. США должны выделить ЕС и США, а оставшиеся 10 млрд долл. выделяют Канада, Япония и Великобритания [4].

¹ G7 Agreement to Use Windfall Profits Is Ratings Neutral for Euroclear, *Fitch Ratings*, URL: <https://www.fitchratings.com/research/banks/g7-agreement-to-use-windfall-profits-is-ratings-neutral-for-euroclear-19-06-2024> (дата обращения: 05.01.2025).

² Franchini, D. 2024, Immobilised Assets, Extraordinary Profits: The EU Council Decision on Russia's Central Bank Reserves and Its Legal Challenges, *EJIL: Talk!*, URL: <https://www.ejiltalk.org/immobilised-assets-extraordinary-profits-the-eu-council-decision-on-russias-central-bank-reserves-and-its-legal-challenges/> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Sexton, J.P., Kerr, V. 2024, EU Support to Ukraine through Windfall Profits: Reparative Value, International Law, and Future Pathways, *Lieber Institute*, URL: <https://lieber.westpoint.edu/eu-support-ukraine-windfall-profits-reparative-value-international-law-future-pathways> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ G7 Apulia Leaders' Communiqué, 14 June 2024, URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/06/14/g7-leaders-statement-8/> (дата обращения: 08.01.2025).

Лидеры Группы семи (G7) 25 октября 2024 г. достигли консенсуса в отношении механизма выделения синдицированного кредита Украине¹.

Члены Совета ЕС 9 октября 2024 г. согласовали выделение Украине кредита в размере 35 млрд евро в рамках синдицированного кредита Группы семи (G7). Двадцать четвертого октября 2024 г. был принят регламент Совета и Парламента, устанавливающий механизм кредитного сотрудничества для Украины². Данный регламент обеспечил необходимую законодательную основу для предоставления кредита от ЕС, а также его погашения за счет доходов от замороженных российских суверенных активов. Согласно регламенту учреждается Механизм кредитного сотрудничества с целью предоставления Украине безвозвратной финансовой помощи для погашения кредита ЕС, а также иных кредитов, предоставленных на двусторонней основе. Общая сумма кредитов, погашаемых за счет данного механизма, составляет 45 млрд евро. В соответствии с регламентом данный механизм финансируется за счет доходов от замороженных российских суверенных активов, а также иных взносов со стороны государств-членов и третьих стран.

Одновременно был принят имплементационный регламент Совета³ об изменении регламента № 833/2014, согласно которому все доходы от замороженных российских активов подлежат аккумуляции в рамках механизма кредитного сотрудничества для Украины.

Таким образом, в рамках договоренностей, достигнутых внутри Группы семи (G7), ЕС разработал схему использования замороженных российских суверенных активов, согласно которой Союз за счет своих средств выделяет Украине макрофинансовый кредит в размере 35 млрд евро. Погашение данного кредита будет осуществляться за счет средств специального механизма кредитного сотрудничества, пополняемого преимущественно за счет непредвиденных доходов от использования российских замороженных активов. С этой целью ЕС будет выделять за счет средств механизма кредитного сотрудничества денежные средства Украине, которые подлежат возврату в пользу ЕС в виде погашения основного долга, процентов и иных затрат на обслуживание кредита.

В рамках анализа механизма использования российских замороженных активов первоочередное значение для разрешения вопроса о законности такой меры имеют два вопроса: обладает ли ЕС полномочиями по принятию такого решения и кто становится первоначальным собственником непредвиденных доходов от российских суверенных активов.

Полномочия ЕС по использованию российских суверенных активов

Несмотря на чрезвычайно глубокую интеграцию, Европейский союз остается международной организацией, полномочия которой производны от государств-членов. Одним из ключевых принципов ЕС выступает принцип наделения полномочиями. Согласно ст. 5 Договора о ЕС (далее — ДЕС) ЕС имеет полномочия только

¹ G7 Leaders' Statement on Extraordinary Revenue Acceleration (ERA) Loans, URL: <https://www.g7italy.it/wp-content/uploads/G7-Leaders-Statement-on-Extraordinary-Revenue-Acceleration-ERA-Loans.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

² Regulation (EU) 2024/2773 of the European Parliament and of the Council of 24 October 2024 establishing the Ukraine Loan Cooperation Mechanism and providing exceptional macro-financial assistance to Ukraine. OJ L, 2024/2773, 28.10.2024.

³ Council Implementing Regulation (EU) 2024/2761 of 24 October 2024 implementing Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L, 2024/2761, 28.10.2024.

в пределах своей компетенции, которую предоставили ему в договорах государства-члены. Любая компетенция, не предоставленная Союзу в договорах, принадлежит государствам-членам. При этом границы полномочий ЕС должны уважать как органы Союза, так и государства-члены [5, с. 289]. Иными словами, в силу принципа наделения полномочиями ЕС вправе осуществлять свою деятельность и принимать обязательные акты только по тем вопросам, которые ему были прямо делегированы государствами-членами. Источником власти в ЕС выступают государства-члены [6, с. 579], а сам Союз не может создавать для себя новые полномочия.

Опыт деятельности ЕС последнего времени показывает, что чиновники Союза нередко забывают об этом принципе и принимают решения без оглядки на тот объем полномочий, который был делегирован ЕС со стороны государств-членов.

Все акты Союза, устанавливающие механизм использования доходов от российских суверенных активов, были приняты в рамках полномочий ЕС по принятию ограничительных мер. Правовой основой ограничительных мер выступают положения ст. 29 ДЕС, а также ст. 215 договора о функционировании ЕС (далее — ДФЕС).

Согласно ст. 215 ДФЕС ограничительные меры могут предусматривать полное или частичное приостановление или сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами. Установление механизма обращения в собственность ЕС доходов от использования российских суверенных активов нельзя квалифицировать в качестве приостановления или сокращения экономических и финансовых отношений. Данный механизм представляет собой принципиально новое явление в праве ЕС, которое не предусмотрено учредительными договорами и не вытекает из той компетенции, которая делегирована Союзу со стороны государств-членов. Тот факт, что решения Совета № 2024/577 от 12 февраля 2024 г. и № 2024/1470 от 21 мая 2024 г. принимались на основе единогласия, не может свидетельствовать о легализации передачи Союзу соответствующей компетенции. Как уже отмечалось выше, границы компетенции Союза, установленные в учредительных договорах, должны уважаться как органами Союза, так и государствами-членами. Иными словами, дополнительная компетенция может быть предоставлена Союзу только посредством изменения учредительных договоров.

Следовательно, в рамках существующей правовой системы ЕС не наделен правом принимать акты, касающиеся установления механизма изъятия в собственность Союза доходов, полученных от реинвестирования иностранных суверенных активов. С процедурной точки зрения, исходя из принципов разделения полномочий между Союзом и государствами-членами, принятие таких решений относится к исключительной компетенции государств-членов. Более того, указанные решения Союза будут иметь правовые последствия только для двух стран ЕС: Бельгии и Люксембурга, под юрисдикцией которых находятся два основных центральных депозитария ценных бумаг.

Право собственности на непредвиденные доходы от использования российских активов

Определение права собственности на непредвиденные доходы от замороженных российских активов имеет первостепенное значение.

Согласно позиции Европейской комиссии и Верховного представителя по внешним делам и политики безопасности, которые выступили разработчиками законопроектов, доходы от использования российских активов не относятся к суверенной собственности РФ.

Как уже отмечалось выше, обращению в собственность ЕС подлежат доходы от инвестирования денежных средств, полученных по погашенным ценным бума-

гам. Денежные средства хранятся в депозитариях до момента распоряжения ими со стороны собственника. В связи с этим, по мнению разработчиков законопроектов и ряда экспертов, проценты, которые в настоящее время генерируются от этих средств, принадлежат депозитариям, а не Центральному банку России¹. Однако данная точка зрения является спорной, поскольку порождает целый ряд правовых вопросов с позиции национального и международного права.

Согласно общим принципам частного права в континентальной системе доходы и плоды, полученные в результате использования вещи, принадлежат собственнику этой вещи (ст. 136 ГК РФ, ст. 955 Германского гражданского уложения², ст. 547 Гражданского кодекса Наполеона³). При этом данное правило применяется независимо от того, кто использует данную вещь.

По общему правилу депозитарии должны управлять доверенной им собственностью в интересах клиентов, за что они получают вознаграждение. Таким образом, можно заключить, что доходы от использования российских суверенных активов также составляют собственность РФ, центральные депозитарии имеют право лишь на вознаграждение за оказание услуг по управлению активами.

С правовой точки зрения нет очевидного различия между собственностью государства на активы и на доходы, полученные от этих активов⁴. Суверенная собственность обладает особым статусом и специальным правовым режимом, которые должны распространяться и на доходы, полученные от такой собственности.

Кроме того, отсутствуют данные об условиях размещения ценных бумаг, принадлежащих РФ, в центральных депозитариях. В связи с этим трудно определить, являются ли накопленные проценты «непредвиденными доходами» депозитария, или они относятся к доходам владеющего данными ценными бумагами⁵.

По этой причине право собственности центральных депозитариев на доходы от использования замороженных российских активов может быть оспорено. В этом случае рухнет весь механизм по использованию активов Центрального банка РФ с возникновением негативных последствий как для депозитария, так и для самого Союза.

Как правило, суверенные активы освобождаются от налогообложения и защищены от любых мер принуждения. Вполне очевидно, что аналогичные правила должны распространяться и на доходы, генерируемые указанными активами.

Наконец, даже в случае признания указанного дохода собственностью депозитария возникает вопрос о правомерности обложения дополнительным финансовым взносом в пользу ЕС в размере 99,7 % от полученного дохода, при том, что с данного дохода уже уплачен доход в национальный бюджет (в Бельгии — 25 %). Законность такой фискальной меры на уровне Союза будет зависеть от обеспечения справедливого баланса между требованиями общих интересов общества и защитой

¹ Wiśniewska, I. 2024, The EU's decision to use the profits generated by frozen Russian assets, *Centre for Eastern Studies (OSW)*, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2024-05-24/eus-decision-to-use-profits-generated-frozen-russian-assets> (дата обращения: 25.12.2024).

² Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), *Bundesministerium der Justiz*, URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Code civil, URL: <https://codes.droit.org/PDF/Code%20civil.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴ Keitner, C. 2024, Sovereign Immunity and Reparations in Ukraine, *Just Security*, URL: <https://www.justsecurity.org/92531/sovereign-immunity-and-reparations-in-ukraine/> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵ Franchini, D. 2024, Immobilised Assets, Extraordinary Profits: The EU Council Decision on Russia's Central Bank Reserves and Its Legal Challenges, *EJIL Talk!*, URL: <https://www.ejiltalk.org/immobilised-assets-extraordinary-profits-the-eu-council-decision-on-russias-central-bank-reserves-and-its-legal-challenges/> (дата обращения: 25.12.2024).

прав собственности¹. В этой ситуации происходит нарушение права собственности центральных депозитариев и их акционеров, среди которых есть не только резиденты стран ЕС.

Кроме того, налогообложение или иная аналогичная мера не могут иметь дискриминационный характер. При введении налога на непредвиденный доход он должен распространяться на все случаи генерации дохода от инвестирования средств по погашенным ценным бумагам. В данном случае обязательным финансовым вкладом облагается только доход от российских суверенных активов. Эта ситуация также порождает серьезные сомнения с точки зрения соблюдения законности.

Международно-правовые аспекты использования российских суверенных активов

Решение ЕС об изъятии доходов от использования российских суверенных активов, находящихся на счетах центральных депозитариев, представляет собой серьезный вызов международному праву и международным обязательствам стран Союза.

В научной и экспертной среде многократно обосновывалось, что ввиду особого правового регулирования так называемые санкции против активов центральных банков порождают риск нарушения целого ряда международных принципов [7, с. 22]. В случае конфискации суверенных активов риск нарушения международного права многократно возрастает, при этом ключевым международно-правовым препятствием для конфискации или иного использования суверенных активов является принцип суверенного иммунитета.

Есть все основания считать, что принцип суверенного иммунитета в равной степени защищает как сами суверенные активы, так и доходы от его использования.

Современная система международных отношений основывается на равенстве всех государств, соответственно, ни одна страна в мире или даже группа государств не обладает никакими властными полномочиями по отношению к другим странам [8, с. 49]. Иными словами, одно или несколько государств не вправе признавать виновным другое государство и налагать на него меры ответственности.

Ряд исследователей считает, что конфискация российской суверенной собственности может быть обоснована как контрмера².

Международное право предусматривает возможность применения мер принуждения со стороны одних стран по отношению к другим. Однако они имеют характер односторонних ограничительных мер и выступают разновидностью контрмер, предусмотренных положениями Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., подготовленных Комиссией международного права ООН (ст. 48)³. Контрмеры направлены на принуждение госу-

¹ Franchini, D. 2024, Immobilised Assets, Extraordinary Profits: The EU Council Decision on Russia's Central Bank Reserves and Its Legal Challenges, *EJIL Talk!*, URL: <https://www.ejiltalk.org/immobilised-assets-extraordinary-profits-the-eu-council-decision-on-russias-central-bank-reserves-and-its-legal-challenges/> (дата обращения: 25.12.2024).

² Akande, D., Corten, O., Hamamoto, S., Klein, P., Koh, H. H., Reichler, P., Fabri, H. R., Sands, P., Schrijver, N., Tams, C. J., Zelikow, P. 2024, On Proposed Countermeasures Against Russia to Compensate Injured States for Losses Caused by Russia's War of Aggression Against Ukraine, London: International Institute for Strategic Studies, URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content---migration/files/research-papers/2024/05-new/iiss_on-proposed-countermeasures-against-russia-to-compensate-injured-states-for-losses-caused-by-russias-war-of-aggression-aga.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

³ Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Доклад комиссии международного права, Пятьдесят третья сессия*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 05.12.2024).

дарства-правонарушителя к выполнению обязанности [9, с. 104]. Для того чтобы контрмеры были допустимыми, они должны удовлетворять ряду материальных и процессуальных условий [10, р. 236]. При этом ключевым свойством контрмер являются обратимость и временный характер¹. Несмотря на то что в политическом лексиконе ЕС и ряда других стран вместо понятия «ограничительные меры» активно используется понятие «санкции» [11, с. 23], по своей правовой природе и характеру такие меры санкциями не становятся. Обращение в свою собственность доходов от использования активов не обладает таким свойством, как обратимость, поскольку утвержденный механизм не предусматривает возврат денежных средств России.

Таким образом, с точки зрения международного права изъятие самой суверенной собственности или доходов от ее использования нельзя квалифицировать в качестве контрмеры. При этом, как отмечалось выше, данный механизм был принят именно в рамках полномочий ЕС по принятию ограничительных мер, то есть контрмер в смысле положений Статей об ответственности государств.

Принятый ЕС на законодательном уровне механизм изъятия доходов от использования российских активов не может быть также рассмотрен как мера международно-правовой ответственности.

Международное право аналогично национальному праву обязывает виновную сторону возместить пострадавшей стороне причиненный ущерб. Однако для того чтобы механизм возмещения ущерба заработал, необходимо наличие правовых оснований: согласие виновной стороны или решение органа, обладающего соответствующей компетенцией.

В современном гражданском праве для наступления деликтной ответственности сторона, требующая возмещения ущерба, должна доказать виновность действия ответственного лица, факт наступления ущерба, причинную связь между виновными действиями и причиненным ущербом, а также размер причиненного ущерба. В равной степени аналогичные условия наступления деликтной ответственности применимы и к международному праву.

Несмотря на активно продвигаемый в США, странах ЕС и некоторых других государствах нарратив о «вине России за агрессивную войну против Украины», а также широко используемые штаммы «российское нападение» или «российская военная агрессия» [12, с. 100], в настоящий момент отсутствует международно признанное решение, устанавливающее ответственность России [13, с. 57]. Даже резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 2022 г. № ES-11/5², на которую часто ссылаются западные эксперты [14, р. 1], таким свойством не обладает ввиду отсутствия у нее обязательной юридической силы для государств.

Иными словами, юридических оснований для возложения на Россию обязанности по возмещению ущерба Украине нет, и вероятность того, что такие основания появятся, в будущем крайне низка. Ни коллективные решения стран Группы семи (G7) или ЕС, ни даже резолюции Генеральной ассамблеи ООН не являются достаточными юридическими основаниями, подтверждающими то, что Россия совершила противоправные действия, влекущие за собой обязанность по возмещению вреда. Утверждение о том, что Россия совершила акт агрессии, является

¹ Hathaway, O. A., Mills, M., Poston, T. 2023, *The Emergence of Collective Countermeasures*, *Lieber Institute*, URL: <https://lieber.westpoint.edu/emergence-collective-countermeasures> (дата обращения: 15.01.2025).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 2022 г. № ES-11/ 5. Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины, *Организация Объединенных Наций*, URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N22/679/17/PDF/N2267917.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.12.2024).

субъективным мнением отдельных стран или международных организаций, в которых не участвуют ни Россия, ни большинство стран мира. Такая квалификация действий России будет иметь юридическую силу только для внутреннего правопорядка соответствующих стран или международных организаций. Многократное повторение на различных площадках утверждения о «российской агрессии против Украины» приводит к формированию соответствующего общественного мнения, но не обеспечивает необходимую юридическую квалификацию, дающую основание для совершения принудительных действий в отношении российской суверенной собственности.

Таким образом, в первую очередь отсутствуют необходимые международно-правовые основания, дающие ЕС право совершать какие-либо принудительные действия в отношении суверенных активов РФ.

Сторонники изъятия доходов от российских активов и даже конфискации самих активов пытаются обосновать такие шаги обязанностью России уплатить Украине репарации [15], полагая, что такая обязанность не подвергается сомнению¹. Однако данная позиция основана на неверном понимании сути репарации как виде ответственности в международном праве. При этом Россия занимает однозначную позицию, согласно которой не считает себя виновной в начале вооруженного конфликта на Украине и не собирается возмещать ущерб.

Репарация представляет собой одну из форм материальной ответственности субъектов международного права за ущерб, причиненный в результате совершенного им международного правонарушения другому субъекту международного права [16, с. 255; 17, с. 49].

В международных отношениях основанием для возмещения ущерба, в том числе посредством репараций чаще всего выступает согласие соответствующего государства, выраженное в том или ином документе (мирный договор, акт о безоговорочной капитуляции и т.д.), то есть государство соглашается с тем, что оно совершило противоправное деяние и готово возместить причиненный вред в определенном объеме. В отдельных случаях таким основанием может служить решение международного судебного органа, компетенцию которого признает государство, обязанное возместить ущерб².

Для возникновения юридической обязанности для выплаты репарации или осуществления иных форм возмещения ущерба не достаточно настойчивых требований со стороны одного или нескольких государств. Созданные так называемые международные механизмы регистрации ущерба для Украины³ никак не способствуют формированию правовой основы для выплаты репарации в силу того, что результаты их деятельности не порождают для России никаких обязательств.

Среди существующих механизмов репарации ни один из них не может быть применен для того, чтобы обязать Россию вопреки ее воле возместить ущерб Украине

¹ Anderson, S. R. 2024, Understanding the G7's New Plan for Funding Ukraine, *LAWFARE*, URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/understanding-the-g7-s-new-plan-for-funding-ukraine> (дата обращения: 23.01.2025).

² Franchini, D. 2024, Immobilised Assets, Extraordinary Profits: The EU Council Decision on Russia's Central Bank Reserves and Its Legal Challenges, *EJIL Talk!*, URL: <https://www.ejiltalk.org/immobilised-assets-extraordinary-profits-the-eu-council-decision-on-russias-central-bank-reserves-and-its-legal-challenges/> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Register of Damage for Ukraine, *RD4U*, URL: <https://rd4u.coe.int/en/> (дата обращения: 25.12.2024).

[18, р. 993]. Кроме того, репарации в строгом юридическом смысле (то есть добровольно предоставленные Россией Украине) будут невозможны, если конфликт будет завершен не в пользу Украины¹.

Иногда изъятие доходов от российской собственности или самих активов предлагают рассматривать в качестве меры коллективной самообороны (ст. 51 Устава ООН). Однако существуют серьезные сомнения относительно того, может ли самооборона осуществляться невоенным способом [19], таким как конфискация. При этом меры, принимаемые в целях самообороны, должны быть временными, необходимыми и соразмерными².

Политические и правовые последствия от использования российских суверенных активов

Рассмотренные выше правовые проблемы, возникающие в связи с реализацией механизма изъятия доходов от российской суверенной собственности, не являются единственными.

Утвержденный в ЕС механизм использования доходов от российских суверенных активов порождает целый ряд иных вопросов, а также способен повлечь за собой негативные последствия для самого Союза и всей мировой финансовой системы. Еще на этапе обсуждения данного механизма Европейский центральный банк выразил обеспокоенность репутацией евро, а также безопасностью европейских государственных облигаций как средства сбережения для других центральных банков³.

Руководство Евроклир также высказывает беспокойство относительно возможных последствий изъятия доходов от российской собственности. В частности, уже сейчас наблюдается рост прямых торговых и инвестиционных каналов между Азией и Ближним Востоком, что в итоге может способствовать появлению неевропейского конкурента Евроклир⁴. Все это может привести к утрате доверия к правительствам и финансовым системам тех государств, которые примут решение о конфискации самих активов или доходов от их использования [13, с. 58].

Реализация механизма изъятия всей или части российской суверенной собственности может создать опасный прецедент, при котором одна или несколько стран в одностороннем порядке будут накладывать финансовые санкции на другие страны, используя для этого суверенные активы. Это откроет возможность предъявления требований о выплате компенсаций за ущерб, принесенный в результате вооруженных конфликтов, со стороны многих государств. В связи с этим нередко упоминают о возможных новых претензиях к ФРГ, связанных с выплатой дополнительных репараций по результатам Второй мировой войны⁵. Однако ФРГ не единственная страна, к которой потенциально могут быть предъявлены подобные требования.

¹ Sexton, J. P., Kerr, V. 2024, EU Support to Ukraine through Windfall Profits: Reparative Value, International Law, and Future Pathways, *Lieber Institute*, URL: <https://lieber.westpoint.edu/eu-support-ukraine-windfall-profits-reparative-value-international-law-future-pathways/> (дата обращения: 05.01.2025).

² Ibid.

³ Legal options for confiscation of Russian state assets to support the reconstruction of Ukraine, *European Parliament*, URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/759602/EPRS_STU\(2024\)759602_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/759602/EPRS_STU(2024)759602_EN.pdf). P. 41 (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Valero, J. 2024, Euroclear Warns of Liability Risk in Confiscating Russian Assets, *BNN Bloomberg*, URL: <https://www.bnnbloomberg.ca/investing/2024/12/10/euroclear-warns-of-liability-risk-in-confiscating-russian-assets/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ Wiśniewska, I. 2024. The EU's decision to use the profits generated by frozen Russian assets, *Centre for Eastern Studies (OSW)*, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2024-05-24/eus-decision-to-use-profits-generated-frozen-russian-assets> (дата обращения: 25.12.2024).

После окончания Второй мировой войны и по сей день в мире ежегодно происходят десятки международных конфликтов с участием государств [20, с. 25], нередко со значительно большим числом жертв среди военных и гражданского населения, при этом часто участниками данных конфликтов выступают страны, непосредственно участвующие в разработке и реализации механизма изъятия российской собственности.

Таким образом, в перспективе другие страны, пострадавшие от вооруженных конфликтов, смогут потребовать применения мер материальной ответственности за счет иностранных активов и к тем странам, которые сейчас используют данный механизм против России. Иными словами разработанный механизм может иметь эффект бумеранга.

С точки зрения цели достижения мира решение об изъятии доходов от использования российских активов навряд ли будет способствовать разрешению конфликта. Наоборот, оно может привести к его продолжению, поскольку изъятие доходов уменьшает заинтересованность России договариваться с ЕС и странами Запада¹. Здесь можно усмотреть очередную попытку «надавить» на Россию с тем, чтобы заставить ее пойти на уступки при отсутствии каких-либо встречных предложений. Однако такая тактика уже не раз показывала свою несостоятельность.

Как уже отмечалось выше, решение ЕС об изъятии доходов от российских суверенных активов является лишь одним из элементов схемы предоставления синдицированного кредита в рамках договоренностей Группы семи (G7). Фактически ЕС и другие страны Группы семи выделяют Украине кредит, который будет погашаться за счет доходов от активов РФ. Иными словами, по мнению стран Группы семи, кредит в пользу Украины должен погашаться за счет России, при том что Россия делать это не собирается.

Реализация данной схемы порождает целый ряд вопросов практического характера. В частности, возникает вопрос синхронизации выплат по кредиту с накоплением доходов от использования российской суверенной собственности², поскольку непредвиденный доход будет возникать только до тех пор, пока действуют ограничительные меры в части блокировки активов Центрального банка РФ.

Указанные ограничительные меры имеют временный характер и продлеваются каждые 6 месяцев по единогласному решению всех стран Союза. В случае если хотя бы одно государство откажется от продления ограничительных мер, их действие автоматически прекращается. Пока такая ситуация выглядит маловероятной, учитывая высокую степень «внутренней дисциплины» и систему воздействия на несогласных, однако исключать ее в будущем нельзя. Тем более уже сейчас настойчиво звучат призывы Венгрии и Словакии о необходимости отказа от политики санкций. Более того, известны случаи, когда отдельные государства — члены ЕС блокировали принятие ограничительных мер в качестве средства давления на остальных членов Союза по другим вопросам [21, с. 142].

Если указанные ограничения отменятся или не продлятся на новый срок, Россия незамедлительно выведет свои активы из проблемных юрисдикций. В этом случае вся схема обслуживания синдицированного кредита разрушится. Безусловно, руководство ЕС будет прилагать максимум усилий для сохранения блокировки российских активов, однако такая стратегия содержит в себе множество рисков.

¹ Proud, I. 2024, Russian asset seizure scheme will prolong war Western officials want to 'speed up' the use of interest on Moscow's frozen funds in order to loan Ukraine more money, *Responsible Statecraft*, URL: <https://responsiblestatecraft.org/russian-asset-seizure/> (дата обращения: 10.01.2025).

² Steinbach, A. 2024, How to harvest the windfall profits from Russian assets in Europe, *Bruegel*, URL: https://www.bruegel.org/system/files/2024-06/how-to-harvest-the-windfall-profits-from-russian-assets-in-europe-10101_0.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Большое значение при анализе возможных последствий изъятия доходов от российских суверенных активов имеет рассмотрение вопроса о реагировании России на нарушение права собственности. Российские власти неоднократно заявляли о том, что Россия ответит на конфискацию российской собственности за рубежом¹.

Двадцать третьего сентября 2024 г. был принят Указ Президента РФ № 442², который определяет порядок компенсации ущерба, причиненного РФ и Центральному банку РФ в связи с недружественными действиями США. Указ предусматривает возможность в судебном порядке возместить ущерб, связанный с неправомерным лишением собственности со стороны США, за счет имущества, принадлежащего США или лицам США. Указ был принят в ответ на одобрение Конгрессом США законопроекта 8038 «О достижении мира в XXI веке посредством силы»³, который предусматривает возможность конфискации российских суверенных активов⁴.

В настоящее время идет разработка законопроекта, предусматривающего порядок компенсации ущерба, причиненного России или Центральному банку РФ другими странами, заморозившими российские активы⁵.

В ответ на заморозку российских активов в России были приняты зеркальные меры в отношении активов, принадлежащих резидентам недружественных стран, при этом речь идет не о суверенных активах [22, с. 17]. По некоторым оценкам, в России остаются иностранные активы на сумму 194 млрд долл. США, из которых 90 млрд принадлежат европейским компаниям, что почти в три раза больше, чем сумма, принадлежащая компаниям со штаб-квартирой в США (32 млрд). Таким образом, в случае ответа со стороны России на изъятие доходов от российской собственности в конечном итоге оплатить счет за финансирование Украины придется европейскому бизнесу⁶.

Заключение

Вопрос об использовании российской суверенной собственности обсуждается уже три года. На сегодняшний день среди возможных способов применения российских активов институты ЕС выбрали наиболее осторожный вариант, предполагающий обращение в собственность Союза непредвиденных доходов, полученных

¹ Силуанов: в России заморожено не меньше западных активов, чем там — российских, *Деловой Петербург*, URL: <https://www.dp.ru/a/2024/02/26/siluanov-v-rossii-zamorozheno2> (дата обращения: 20.01.2025).

² О специальном порядке компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки, указ Президента РФ от 23.05.2024 г. № 442, *Собрание законодательства РФ*, 27.05.2024 г., № 22, ст. 2937.

³ H.R.8038 — 21st Century Peace through Strength Act, *CONGRESS.GOV*, URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/8038/text?s=3&r=25&q=%7B%22search%22%3A%22H.R.+8038%22%7D> (дата обращения: 20.01.2025).

⁴ Тимофеев, И.Н. 2024, О новом механизме конфискации российских суверенных активов: консенсус Администрации и Конгресса США, *Российский совет по международным делам*, URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-novom-mekhanizme-konfiskatsii-rossiyskikh-suverennykh-aktivov-konsensus-administratsii-i-kongressa/?sphrase_id=171849386 (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ Грачев, Е., Перцева, Е. 2025, Санкционное явление: в России закрепят в законе изъятие иностранных активов, *Известия*, URL: <https://iz.ru/1825384/evgenii-grachev-evgeniia-pertceva/sankcionnoe-yavlenie-v-rossii-zakrepyat-v-zakone-izyatie-inostrannyh-aktivov> (дата обращения: 05.01.2025).

⁶ Steinbach, A. 2024, How to harvest the windfall profits from Russian assets in Europe, *Bruegel*, URL: https://www.bruegel.org/system/files/2024-06/how-to-harvest-the-windfall-profits-from-russian-assets-in-europe-10101_0.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

центральными депозитариями от инвестирования денежных средств по погашенным ценным бумагам, принадлежащим России. Таким образом, сами активы в виде ценных бумаг и денежных средств, а также купонный доход и дивиденды не подлежат изъятию и остаются заблокированными.

Данное решение было принято в рамках реализации договоренностей, достигнутых партнерами по Группе семи (G7). Согласно этим договоренностям ЕС, США, Великобритания, Канада и Япония выделяют Украине синдицированный кредит, который будет обслуживаться за счет доходов, полученных от использования российских суверенных активов.

В течение 2024 г. институты ЕС разработали необходимую законодательную основу для изъятия непредвиденных доходов от использования российской суверенной собственности и направления полученных денежных средств для финансирования военной кампании на Украине.

Таким образом, утвержденный в ЕС механизм изъятия доходов от российских суверенных активов является одним из элементов общей схемы финансирования Украины посредством синдицированного кредита. При разработке и реализации данного механизма в экспертном сообществе неоднократно высказывались сомнения в законности и целесообразности такой меры. Анализ механизма позволяет выявить целый ряд противоречий положениям национального и международного права, а также нормам права ЕС.

Во-первых, новый механизм использования российских активов был разработан и реализован в рамках политики ограничительных мер, однако его анализ показывает, что его нельзя квалифицировать в качестве ограничительной меры. При этом учредительные договоры прямо не наделяют институты ЕС правом принятия подобных решений, соответственно, есть основания считать, что институты ЕС вышли за пределы предоставленных им полномочий или по крайней мере выбрали неверный способ реализации заявленных целей.

Во-вторых, представляется спорной позиция, согласно которой непредвиденные доходы от использования российских суверенных активов является собственностью центральных депозитариев и не входит в состав активов РФ. Действующее континентальное гражданское право исходит из того, что плоды, полученные в результате использования вещи, принадлежат собственнику этой вещи. В любом случае для точного ответа на данный вопрос необходимо знать условия размещений российских активов на счетах центральных депозитариев.

В-третьих, изъятие доходов от российских активов не соответствует нормам международного права ввиду нарушения принципа суверенного иммунитета, поскольку с правовой точки зрения нет оснований проводить различие между собственностью на суверенные активы и доходами от использования данных активов. Попытка обосновать возможность изъятия самих активов и доходов от их использования обязанностью России выплатить репарации основана на неверном понимании данного института в международном праве.

Таким образом, решение ЕС об обращении в свою собственность доходов от российских активов с правовой точки зрения содержит в себе существенные недостатки. Более того, оно создает дополнительные прямые и косвенные риски, способные в будущем серьезно подорвать мировую финансовую систему.

Список литературы

1. Войников, В.В. 2024, Конфискация по-эстонски. Правовые и политические аспекты возможного изъятия российских активов в странах ЕС, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 4—22, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-1>

2. Лебедева, О.В. 2022, Санкционный «Дикий Запад»: конфискация замороженных российских активов как возможный новый инструмент санкционной политики США. *Перспективы. Электронный журнал*, №4 (31), с. 80—87, <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-4-80-87>
3. Тимофеев, И. Н. 2024, Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, т. 40, № 2, с. 233—247, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.205>
4. Butchard, P. 2024, Sanctions, international law and seizing Russian assets, 7 November 2024, *Research Briefing*, URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10034/>. Р. 90 (дата обращения: 20.12.2024).
5. Галушко, Д. В. 2020, О роли принципов права Европейского Союза в его взаимодействии с национальным правом государств-членов, *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право*, №2 (41), с. 284—293, <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2817>
6. Михалёва, Т. Н., Киселева, А. В., Римашевская, Ю. С. 2022, Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце, материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г., Белорус. гос. ун-т, Минск, БГУ, с. 578—583.
7. Franchini, D. 2024, When finance becomes a weapon: the challenge of central bank sanctions under International Law, *Journal of International Trade Law and Policy*, vol. 24, №1, p. 28—56, <https://doi.org/10.1108/JITLP-07-2024-0041>
8. Кравченко, О. И. 1998, Юрисдикционный иммунитет государства: абсолютный или ограниченный? *Белорусский журнал международного права и международных отношений*, №1, с. 48—54, <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2016-4-99-113>
9. Боклан, Д. С., Боклан, О. С., Смбатян, А. С. 2016, Значение Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния для защиты интересов сторон при решении споров в рамках ВТО, *Международное правосудие*, №4 (20), с. 99—113, <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2016-4-99-113>
10. Jackson, M., Paddeu, F. 2023, The Countermeasures of Others: When Can States Collaborate in the Taking of Countermeasures?, *American Journal of International Law*, vol. 118, №2, p. 231—274, <https://doi.org/10.1017/ajil.2024.8>
11. Романова, Т. 2024, Эволюция дискурса о суверенитете и санкциях и ее значение для внешних связей ЕС, *Международные процессы*, т. 22, №1 (76), с. 22—41, <https://doi.org/110.46272/IT.2024.22.1.76.6>
12. Геро, У., Ритц, Х. 2024, *Эндишпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать*, М., 160 с.
13. Шевцов, А. Л. 2024, Возможная конфискация российских государственных активов на западе: правовой и политический тугцванг, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, №3, с. 47—60, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_47_60
14. Nagy, C. I. 2025, Can Ukrainians Claim Compensation for War Damage under the Russia—Ukraine BIT?, An International Investment Law Experiment. University of Pennsylvania, *Journal of International Law*, vol. 46, №4, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4919808/>
15. Criddle, E. J. 2023, Turning Sanctions into Reparations: Lessons for Russia/Ukraine, *Faculty Publications*, 2123, URL: <https://scholarship.law.wm.edu/facpubs/2123> (дата обращения: 31.01.2025).
16. Савченко, М. С. 2003, Реституция как форма международно-правовой ответственности за преступные посягательства на культурные ценности, *Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*, №1 (20), с. 253—270. EDN: SXLWBT
17. Колосов, Ю. М. 2014, *Ответственность в международном праве*, 2-е изд., стер. М., Статут, 224 с.
18. Hathaway, O. A., Mills, M., Poston, T. 2024, War Reparations: The Case for Countermeasures, *Stanford Law Review*, vol. 76, №5, p. 971—1050.
19. Buchan, R. 2023, Non-forcible measures and the law of self-defence, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 72, №1, p. 1—33, <https://doi.org/10.1017/S0020589322000471>

20. Степанова, Е. 2020, Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 6, с. 24–39, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39>

21. Панов, Ф. Ю. 2022, Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер ЕС, *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, т. 18, № 1, с. 137–146, <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.0>

22. Волков, Г. Ю. 2024, Перспективы реализации риска конфискации российских зарубежных активов представителями администрации недружественных стран, *Право, экономика и управление: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Чебоксары, с. 15–18, <https://doi.org/10.31483/r-110337>

Об авторе

Вадим Валентинович Войников, доктор юридических наук, профессор, МГИМО МИД России, Россия; профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>

E-mail: voynikov@yandex.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

LEGAL ASPECTS IN THE USE OF PROFITS FROM RUSSIAN SOVEREIGN ASSETS BY EU COUNTRIES

V. V. Voynikov^{1,2}

¹ MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 25 January 2025

Accepted 24 March 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-2

© Voynikov, V. V., 2025

The issue of using frozen Russian sovereign assets has remained at the centre of political and expert debate for nearly three years. In 2024, the G7 decided to allocate profits generated from these assets to service a syndicated loan intended to finance military and other forms of assistance to Ukraine. In early 2024, within the framework of its sanctions policy, the European Union adopted a set of legislative instruments designed to establish a Union-level legal mechanism for appropriating the profits derived from the investment of frozen Russian sovereign assets. This decision poses a serious challenge to modern international law and the system of international relations. This article seeks to outline the key characteristics of the EU-agreed mechanism for the utilization of Russian sovereign assets, with a view to evaluating its consistency with international law and the legal framework of the European Union itself. In pursuit of this aim, the author examines the legal dimension of the mechanism for the expropriation of profits from the use of Russian sovereign assets and attempts to model

To cite this article: Voynikov, V. V. 2025, Legal aspects of the use of profits from Russian sovereign assets by EU countries, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 30–48. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-2

its potential implications, including possible countermeasures by the Russian Federation. The analysis leads to the conclusion that the mechanism as adopted may result in a breach of the Russian Federation's sovereign property rights, as well as other foundational principles of international law. Moreover, the EU's decision to channel profits from Russian sovereign assets into the EU's ownership raises a number of additional legal conflicts under both national and EU law.

Keywords:

European Union, Russia, Ukraine, sovereign assets, international law, windfalls profits

References

1. Voynikov, V. 2024, Confiscation Estonian style: legal and political aspects of potential seizure of Russian assets in EU countries, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 4—22, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-1>
2. Lebedeva, O. 2022, The Wild West of Sanctions: Confiscation of Frozen Russian Assets as a Possible New Tool of U. S. Sanction Policy, *Perspectives and prospects. E-journal*, № 4, p. 80—87 (in Russ.), <https://doi.org/10.1010.32726/2411-3417-2022-4-80-8>
3. Timofeev, I. N. 2024, The European Union trade sanctions against Russia: Contemporary practice, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika*, vol. 40, № 2, p. 233—247 (in Russ.), <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.205>
4. Butchard, P. 2024, Sanctions, international law and seizing Russian assets. 7 November 2024, Research Briefing, URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10034/>. P. 90 (accessed 20.12.2024).
5. Galushko, D. V. 2020, On the role of the principles of EU law in its interaction with the national law of the Member States, *Proceedings of Voronezh State University Series Law*, № 2, p. 284—293 (in Russ.), <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2817>
6. Mikhaliyova, T. N., Kiseleva, A. V., Rimashevskaya, Yu. S. 2022, Competence of the European Union, *Proceedings of the XXI World Scientific Conference devoted to the 101st anniversary of the Belarusian State University*, Minsk, Minsk, October 27, 2022, Belarusian State University, p. 578—583 (in Russ.).
7. Franchini, D. 2024, When finance becomes a weapon: the challenge of central bank sanctions under International Law, *Journal of International Trade Law and Policy*, vol. 24, № 1, p. 28—56, <https://doi.org/10.1108/JITLP-07-2024-0041>
8. Kravchenko, O. I. 1998, Jurisdictional immunity of the state: absolute or limited? *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, vol. 1, p. 48—54 (in Russ.).
9. Boklan, D., Boklan, O., Smbatyan, A. 2016, Relevance of articles on responsibility of states for internationally wrongful acts of 2001 for legal defense in WTO dispute settlement mechanism, *Mezhdunarodnoe pravosudie*, № 4. p. 99—113 (in Russ.), <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2016-4-99-113>
10. Jackson, M., Paddeu, F. 2023, The Countermeasures of Others: When Can States Collaborate in the Taking of Countermeasures? *American Journal of International Law*, vol. 118, № 2, p. 231—274, <https://doi.org/10.1017/ajil.2024.8>
11. Romanova, T. 2024, The evolution of the discourse on sovereignty and sanctions and its Significance for the EU's external Relations, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 22, № 1, p. 22—41 (in Russ.), <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.6>
12. Guérot, U., Hauke, R. 2024, Endspiel Europa: Warum das politische Projekt Europa gescheitert ist und wie wir wieder davon träumen können, *Westend*, 208 p.
13. Shevtsov, A. L. 2024, Possible confiscation of Russian state assets in the west: legal and political Zugzwang, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 3, p. 47—60 (in Russ.), https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_47_60
14. Nagy, C. I. 2025, Can Ukrainians Claim Compensation for War Damage under the Russia-Ukraine BIT? An International Investment Law Experiment, University of Pennsylvania, *Journal of International Law*, vol. 46, № 4, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4919808>

15. Criddle, E. J. 2023, Turning Sanctions into Reparations: Lessons for Russia/Ukraine, *Faculty Publications*, 2123, URL: <https://scholarship.law.wm.edu/facpubs/2123> (accessed 31.01.2025).
16. Savchenko, M. S. 2003, Restitution as a form of international legal responsibility for criminal attacks on cultural property, *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Scientific notes of the St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy], vol. 1, p. 253—270 (in Russ.).
17. Kolosov, Yu. M. 2014, The Responsibility in international law, 2th edition, Moscow, 224 p. (in Russ.).
18. Hathaway, O. A., Mills, M., Poston, T. 2024, War Reparations: The Case for Countermeasures, *Stanford Law Review*, vol. 76, № 5, p. 971—1050.
19. Buchan, R. 2023, Non-forcible measures and the law of self-defence, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 72, № 1, p. 1—33, <https://doi.org/10.1017/S0020589322000471>
20. Stepanova, E. 2020, Armed conflicts in the early 21st century: typology and directions of transformation, *World Economy and International Relations*, vol. 64, № 6, p. 24—39, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39>
21. Panov, F. Yu. 2022, International Legal Basis for the Introduction of EU Unilateral Restrictive Measures, *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, vol. 18, № 1, p. 137—146 (in Russ.), <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.018>
22. Volkov, G. Yu. 2024, Prospects for the implementation of the risk of confiscation of Russian foreign assets by representatives of the administration of unfriendly countries, *Law, economics and management: topical issues*, Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, p. 15—18 (in Russ.), <https://doi.org/10.31483/r-110337>

The author

Prof Vadim V. Voynikov, MGIMO University, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>

E-mail: voinicov@yandex.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

EDN: BHWAKP

ПОДХОД ФРГ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РЕСПУБЛИКОЙ ПОЛЬШЕЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ (К СЕРЕДИНЕ 2020-х ГОДОВ)

Ф. О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

Поступила в редакцию 24.02.2025 г.
Принята к публикации 21.04.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3
© Трунов Ф. О., 2025

Исследуются современные особенности кооперации Германии и Польши в политической и военной областях. Методически использованы сравнительный анализ и теория строительства вооруженных сил (ВС). В условиях конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ стратегия Польши была схожа с линией Западной Германией в Холодную войну. Республика Польша (РП) подчеркивала свое положение как крупнейшего государства — члена НАТО в передовой части ее зоны ответственности, укрупнила ВС, стала реципиентом масштабного присутствия США. РП рассчитывает войти в круг «западных держав». Но современная ФРГ сама стремится увеличить вес в НАТО. Это обуславливает сочетание кооперации и заметной конкуренции в отношениях Германии и Польши. На концептуальном и практическом уровнях ФРГ уделяла повышенное внимание «Веймарскому треугольнику» как выразителю интересов ЕС, особенно на постсоветском пространстве. Стремясь ослабить влияние Германии, Польша в 2010-е гг. прервала работу «Веймарского формата» и механизма межправительственных консультаций. К середине 2020-х гг. обе площадки возобновили работу, а ФРГ укрепила позиции в отношении РП. Прежде всего это обусловлено заметным ростом стратегического присутствия Германии в Восточной Европе вне Польши, взаимной обеспокоенностью из-за риска ослабления позиций Запада в Украине. Польша ускоренно наращивала ВС, выйдя (2024) по их численности на третье место в НАТО. Германия более инерционна, но рациональнее использовала бундесвер, особенно в «домашнем» для РП регионе, развернула наземное присутствие к северу и югу от нее. Делается вывод о перспективах сотрудничества, рисках для обороны России и Беларуси.

Ключевые слова:

Германия, Польша, «восходящая» держава, «Веймарский треугольник», межправительственные консультации, НАТО, ЕС, вооруженные силы, военные расходы, поддержка Украины

Введение

Исторически германо-польский диалог проходил через продолжительные периоды отчужденности и обычно относительно короткие по времени отрезки сотрудничества. Важнейшим фактором исторической памяти в отношениях стала Вторая

Для цитирования: Трунов Ф. О. Подход ФРГ к взаимодействию с Республикой Польшей в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х годов) // Балтийский регион. 2025. Т. 17, №2. С. 49—72.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3

мировая война: агрессия Третьего рейха против Польши (1939), установление крайне жестокого оккупационного режима (страна потеряла 6,028 млн жителей, или более 21 % от всей численности) [1, с. 213]. В результате Ялтинско-Потсдамских соглашений 1945 г. Польша заметно расширила границы на западе и севере за счет территорий безоговорочно капитулировавшей Германии. В конфронтации Запад — Восток отношения вновь возникшей (1949) ФРГ и Республики Польши (РП) оставались сложными. Вехой стало коленопреклонение 7 декабря 1970 г. канцлера В. Брандта перед памятью жертв варшавского гетто.

В условиях распада социалистического содружества официальная Варшава проявила интерес к скорейшему сближению с Евро-Атлантическим сообществом¹. Роль одного из проводников в него для РП приняла ФРГ. Символичны подписание общеполитического двустороннего договора о добрососедстве и сотрудничестве от 17 июня 1991 г. (оформление де-юре нового качества отношений, снятие вопроса о признании ФРГ западных границ РП и запуск формата межправительственных консультаций)², учреждение 28—29 августа 1991 г. «Веймарского треугольника» (Германия, Польша, Франция) [2, с. 123—124]. Опираясь на поддержку западного соседа, официальная Варшава в 1999 г. вступила в НАТО, а в 2004 г. — в ЕС.

К середине 2010-х гг. германо-польский диалог в сфере безопасности и обороны выглядел продвинутым. Однако затем все более заметными стали сохранявшиеся «раздражители», прежде всего обусловленные неофициальным спором о старшинстве в диалоге. Надолго приостановили работу «Веймарский треугольник» на высшем уровне (после 2011 г. на 11 лет)³, формат межправительственных консультаций (после 2018 г. на 6 лет) [3, с. 63]. Официальная Варшава подвергала критике Берлин в рамках ЕС (прежде всего в период кризиса беженцев 2015—2017 гг.), НАТО (особенно на фоне первого президентства Д. Трампа) [4, р. 20—21], вновь обращалась к чувствительным сюжетам в исторической памяти, ставя вопрос о крупных репарациях за злодеяния Третьего рейха [5, с. 49—50; 6]. Германия настойчиво и последовательно препятствовала попыткам оказать давление со стороны Польши, притом Берлин действовал аккуратно [7]. К середине 2020-х гг. межгосударственные отношения стали вновь демонстрировать подъем: поводом и одной из причин стала специальная военная операция (СВО) РФ с 24 февраля 2022 г.⁴. Однако, несмотря на декларируемый сторонами оптимизм, едва ли возможно утверждать об исчезновении большинства «раздражителей» в диалоге.

Цель статьи — исследовать особенности современной (к середине 2020-х гг.) линии ФРГ по выстраиванию отношений с РП в сфере безопасности и обороны. Это предполагает решение следующих задач: рассмотреть использование Польшей в условиях конфронтации Запада и РФ опыта Западной Германии в Холодную войну; изучить концептуальные установки ФРГ в отношении РП; раскрыть особенно-

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств — членов НАТО и ЕС, сами эти институты.

² Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen über gute Nachbarschaft und freundschaftliche Zusammenarbeit vom 17. Juni 1991. 17.06.1991, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2466170/57020a2e3064c4f8b8785dbd3aced4d6/deutsch-polnischer-nachbarschaftsvertrag-data.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, dem französischen Präsidenten Macron und dem polnischen Präsidenten Duda beim Treffen im Format des Weimarer Dreiecks am 8. Februar 2022 in Berlin. 08.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-polnischen-praesidenten-duda-beim-treffen-im-format-des-weimarer-dreiecks-am-8-februar-2022-in-berlin-2003880> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Ibid.

сти политико-дипломатических контактов, особенно работу переговорных площадок; изучить возможности и пределы кооперации вооруженных сил (ВС), исходя из особенностей их развития. Заявленная проблематика исследуется с опорой на документы ФРГ с учетом того, что она обладает большей ресурсной базой, а ее внешнюю политику отличает очень высокая степень преемственности.

В статье нашел применение сравнительный анализ (например, при изучении причин прерывания работы переговорных площадок), контент-анализ (прежде всего частота упоминаемости Польши в доктринальных документах Германии). Методологически были использованы положения теории строительства ВС: она рассматривает каждое заметное изменение их организационно-штатной структуры как показатель перемен практических приоритетов во внешней политике [8]. Здесь фокус был сделан на эволюцию системы присутствия бундесвера в Восточной Европе, заметное увеличение Войска Польского.

Внешней политике ФРГ эксперты традиционно уделяют большое внимание. Конкретно ее польскому вектору посвящены работы с характеристикой сотрудничества сторон в ЕС и НАТО [4; 5; 9—11], особенностям работы переговорных форматов [7; 12]. В основном рассматривались конкретные сюжеты, значимые, но недостаточные сами по себе, чтобы создать общую картину диалога на протяжении нескольких лет. Ограниченно освещены военные аспекты взаимодействия стран: они изучались в основном в контексте вклада ФРГ в комплектование сил передового развертывания (СПР) НАТО [13].

Рассматривая внешнюю политику Польши, исследователи повышенное внимание уделяли изменениям, которые привнесла уверенная победа правоконсервативной партии «Право и справедливость» (ПиС) на парламентских выборах 2015 и 2019 гг., избрание представителя ПиС А. Дуды президентом РП (2015, 2020) [14—17]. В меньшей мере пока изучается фактор прихода к власти коалиционного правительства Д. Туска с ведущей ролью у либеральной «Гражданской платформы» (при сохранении заметного влияния у ПиС в парламенте, а ее представителя — президентом) [18]. Эксперты в целом солидарны в том, что магистральная направленность внешней и военной политики РП сохраняется. Особенно ценен корпус работ по действиям и планам Польши у границ Калининградской области РФ [19; 20], Беларуси [21; 22], на украинском направлении [23], о вкладе РП в процессы регионального строительства в Восточной Европе [24], а также участии в «сдерживании» КНР [25].

Стратегия Западной Германии как ориентир для современной Польши

ФРГ с момента создания (1949) неизменно подчеркивала свою органичную и де-юре бессрочную встроенность в Евро-Атлантическое сообщество, неразрывно связывая собственные успехи с укреплением и распространением его влияния. Этот подход стал характерен с 1990-х гг. и для РП, притом степень ее готовности инкорпорировать ценности либеральной демократии была ниже, чем у ФРГ [10, с. 10—17].

Лагерь «западных демократий» с направляющей ролью в нем США (и Великобритании) сложился во Вторую мировую войну. Безусловно, каждое расширение НАТО и ЕС заметно изменяло состав Евро-Атлантического сообщества, но не ломало основ сформировавшейся структуры. Поэтому его следует считать в основе устоявшимся — на момент вступления (по дате вхождения в НАТО) ФРГ (1949) и, спустя полвека, РП (1999), а тем более когда стартовали попытки каждой из этих стран реализовать лидерские устремления. В случае Федеративной

Республики достаточно позднее проявление таковых обусловлено фактором ее исторической ответственности за злодеяния Третьего рейха. Как результат в рамках Евро-Атлантического сообщества современные Германия и Польша являют редкий для него пример «восходящих» держав.

В Холодную войну ФРГ последовательно увеличивала политический вес: от возникновения (1949) как вedomой «западными державами» (США, Великобритании, Франции) до присоединения де-факто к их триумvirату, что сделало его тетрархией. Это стало отчетливым после решения в интересах ФРГ (и США) «германского вопроса» (1990), что стало одним из символов появления постбиполярного мира. Уже в его реалиях Германия решениями перенести столицу из Бонна в Берлин, символ имперской мощи (осуществлено в 1998—1999 гг.), и принять участие в военно-воздушной операции НАТО против Югославии (1999) смогла окончательно утвердиться в качестве региональной державы. Это стало отправной точкой для остающегося незавершенным движения ФРГ к положению государства, способного полноценно оперировать политически и в военном отношении на глобальном уровне.

Рамочные условия в 1949—1990 гг. для представленных успехов задавал фактор конфронтации Запад — Восток. Официальный Бонн умело использовал свою высокую ценность для союзников по Альянсу, которая имела два основных проявления.

Во-первых, Западная Германия была самым крупным государством-членом блока передовой части зоны ответственности Альянса, находилась именно в ее центре. При этом Западная Германия неоднократно, особенно при К. Аденауэре (1949—1963) и «раннем» Г. Коле (в середине 1980-х гг.), занимала из стран Запада одну из самых жестких позиций в отношении СССР, в единой увязке с этим осуществляла ремилитаризацию [26, с. 193—211].

Во-вторых, Боннская республика развернула многочисленные (около 0,5 млн военнослужащих в 1970—1980-е гг., что составляло более 20 % к размерам ВС США¹), хорошо оснащенные, боеспособные конвенциональные силы, прежде всего мощные сухопутные войска. Западногерманский бундесвер с 1960-х гг. стал крупнейшим «наполнителем» группировок НАТО в передовой части ее зоны ответственности, был полностью интегрирован в Альянс [26, с. 212—228; 27]. Одновременно ФРГ выступала реципиентом масштабного союзнического (до 1955 г. оккупационного) военного присутствия; в 1970—1980-е гг. его размеры составляли примерно 0,5 млн военных (то есть были равны бундесверу), из них около половины приходилось на контингенты США [27, с. 2]. Официальный Бонн с 1960-х гг. проявлял интерес в получении опосредованного доступа к ядерному оружию (ЯО) США на западногерманской территории [26].

Стратегия РП в условиях современной конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ схожа с линией поведения ФРГ в Холодную войну. Между двумя примерами существовал ряд различий: Западная Германия обладала неполным суверенитетом, Польша — реальным таковым. Общей целью было стремление властей в Варшаве, используя опыт ФРГ, войти в число «западных держав» [23].

Во-первых, в результате расширений на восток НАТО в ее новой передовой части зоны ответственности Польша оказалась крупнейшим государством-членом блока. Подход официальной Варшавы к «сдерживанию» России (и Беларуси) стал одним из самых жестких.

Во-вторых, РП с 2014 г. двигалась по пути ускоренной милитаризации, с 2021—2022 гг. процесс приобрел качественно новые скорость и масштаб. На 2023 г. Войско

¹ Рассчитано на основе: Financial and economic data relating to NATO Defence. M-DPC-2 (91) 105. 1991, NATO, Brussels, p. 8.

Польское насчитывало свыше 200 тыс. военных, а в будущем его предполагается увеличить до 300 тыс. чел.¹. Сравнивая этот показатель с западногерманским бундесвером, следует учесть заметную разницу между размерами национальных ВС стран — участниц НАТО в конфронтации Запад — Восток и 2014—2023 гг. (в среднем в 1,8 раза меньше во втором случае) [28]. В современном Войске Польском важнейшая роль отведена наземным войскам. Они не только очень быстро росли, но заметно модернизировались технико-технологически (с закупкой вооружений прежде всего у США и Южной Кореи) [21, с. 39—98]. ВС РП представляют крупнейшую величину для потенциала НАТО в Восточной Европе. Регион в целом и непосредственно РП стали реципиентами присутствия партнеров по НАТО. К середине 2020-х гг. в Польше на ротационной основе находилось до двух бригадных боевых групп армии США (в ФРГ — одна); численно крупнейшее их присутствие продолжало оставаться в Германии [29, с. 70—77]. Как и Западная Германия, Польша стремилась выстроить особо доверительные отношения с США, встречая их поддержку как при Д. Трампе, так и при Дж. Байдене [4; 14; 23].

Возникают, однако, два принципиальных вопроса. Насколько в принципе может быть результативна указанная стратегия РП, выстраиваемая на основе опыта ФРГ Холодной войны? Так, решение «германского вопроса» (1990) в соответствии с видением официального Бонна стало прежде всего результатом «опережающих уступок» от тогдашнего руководства в Москве во главе с М.С. Горбачевым. Возможность повторения Россией такой линии, которая противоречит национальным интересам, не просматривается в принципе.

Насколько современная Германия готова поддерживать или как минимум принять линию другого государства, оспаривающего у ФРГ лидерство в Европе и в НАТО, в основе опирающегося на ее схемы поведения? Тем более что сам официальный Берлин вновь обратился к ним в контексте «сдерживания» РФ. Власти Германии провозгласили стремление создать крупнейшие конвенциональные силы среди европейских государств — членов НАТО, повышенное внимание уделяют росту присутствия в Восточной Европе [30, с. 4—8].

Основы подхода ФРГ к взаимодействию с РП: концептуальный срез

В Германии система документов стратегического планирования по вопросам безопасности и обороны состоит из нескольких уровней. На 2-м («Руководящие принципы оборонной политики», последняя публикация — 2023 г.²) и 3-м («Концепция бундесвера», крайняя версия 2018 г.³) внимание сосредоточено на приоритетах Министерства обороны ФРГ, подробной оценки возможностей их достичь. В документах данных уровней практически нет упоминаний конкретных партнеров Германии, в том числе Польши.

По-иному важнейшие для ФРГ межгосударственные диалоги освещены в доктринальных документах 1-го уровня. В «Белой книге политики в области безопасности и будущего бундесвера» (2016) Польша упомянута четыре раза, в том числе в контексте цели выстраивать общую внешнюю политику и политику безопасности

¹ Polish officer: it will take us a decade to reach 300 thousand military personnel. 15.08.2024, *Military review*, URL: <https://en.topwar.ru/248250-polskij-oficer-dlja-dostizhenija-chislennosti-300-tysjach-voennosluzhaschih-nam-ponadobitsja-desjat-let.html> (дата обращения: 07.02.2025).

² Verteidigungspolitische Richtlinien 2023. 2023, Berlin, *BMVg*, 36 S.

³ Die Konzeption der Bundeswehr. Ausgewählte Grundlinien der Gesamtkonzeption. 2018, Berlin, *BMVg*, 40 S.

(ОВПБ) ЕС (с использованием «Веймарского треугольника»)¹ и совместно участвовать в комплектовании соединений и группировок НАТО². Здесь Польша поставлена в один ряд с Францией (с ней Германия имела двустороннюю бригаду) и Нидерландами (с которыми у ФРГ имелся двусторонний корпус, включая мощную 1-ю танковую дивизию бундесвера с голландской механизированной бригадой в составе)³. Германия рассчитывала на углубление сотрудничества с Польшей с использованием штаба трехстороннего корпуса НАТО «Северо-Восток» (с 1999 г.; также с участием Дании; германские боевые части в его составе к середине 2010-х гг. расформированы или выведены).

Однако эти надежды официального Берлина оказались иллюзорными. Это и в целом разочарованность ФРГ характером взаимодействия с РП проявились в отсутствии упоминаний Польши в прецедентной для Германии Стратегии национальной безопасности (СНБ) от 14 июня 2023 г. Документ уделял внимание фактору росту присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО⁴: процесс происходил почти без опоры на диалог с РП.

Официальный Берлин разрабатывал документы стратегического планирования по конкретным регионам мира (например, Арктике, 2013, 2019, 2024 гг.; Индо-Тихоокеанскому региону, 2020 г.), отдельным крупнейшим государствам (прежде всего по Китаю в 2023 г.). Однако к 2025 г. подобные концепции не были опубликованы ни по Восточной Европе, ни непосредственно по Польше. Это обусловлено тем, что ФРГ традиционно избегала издавать отдельные доктринальные документы по отношениям с партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В контактах с ними Германия руководствовалась совместно принятыми решениями по линии НАТО (по итогам нетехнических саммитов, стратегическими концепциями) и ЕС, что отражало принадлежность ФРГ к числу «западных демократий», приверженность либеральным ценностям. Официальный Берлин опубликовал «Белую книгу по мультилатерализму» в мае 2021 г., на фоне завершения первого президентства Д. Трампа с характерным для него предпочтением унилатерализма, давлением на ФРГ и ЕС [4; 5; 11]. В «Белой книге» (2021) не была упомянута Польша⁵ в отличие от многих других партнеров Германии. Это обусловлено активной поддержкой от правительства Пис давления США на ФРГ в конце 2010-х гг.

Показательна эволюция подхода к кооперации с РП в коалиционных договорах, которые после очередных выборов в Бундестаг заключали партии правительственной коалиции. Во всех документах данного типа 2013, 2018 и 2021 гг. положения об отношениях с Польшей (как части блока по межгосударственным партнерствам внутри ЕС) поставлены на второе место, уступая лишь диалогу с Францией⁶.

¹ Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016, Berlin, *Bundesregierung*, S. 74.

² Ibid. S. 77, 80.

³ 1. Panzerdivision. 2025, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. 2023, Berlin, *Bundesregierung*, S. 6.

⁵ Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung. 2021, Berlin, *Bundesregierung*, 151 S.

⁶ Deutschlands Zukunft gestalten Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. 2013, Berlin, *Bundestag*, S. 165, 167, 170 ; Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 19. Legislaturperiode. 2018, Berlin, *Bundestag*, S. 9, 146 ; Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021 – 2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN und den Freien Demokraten (FDP). 2021, Berlin, *Bundestag*, S. 126, 136.

Германия подчеркивала признание исторической ответственности за злодеяния Третьего рейха (например, поддержка инициативы создать при Бундестаге центр по документации о Второй мировой войне). Вместе с тем это отнюдь не означало готовности ФРГ уступать РП по ключевым вопросам. В коалиционных договорах (2013, 2018, 2021) Германия демонстрировала интерес к сотрудничеству именно по линии ЕС (намного реже ОБСЕ), но почти не упоминала НАТО, где конкуренция сторон была намного более заметной, а разница в потенциале и влиянии не столь значительна в пользу Берлина. В развитии диалога с РП Германия уделяла особое внимание использованию «треугольника» с вовлечением Франции («Веймарского», так проявлялось стремление преодолеть сбой в его работе), а до 2014 г. — также еще одного с участием РФ¹. Содержательно повышенное внимание уделено развитию с Польшей общественных связей, сотрудничеству в области молодежной политики. Напротив, координация в сфере безопасности и обороны упоминалась ограниченно, притом в принципе отсутствовали отсылки к кооперации здесь в западной части постсоветского пространства². Это фиксировало наличие заметных проблем в диалоге, стремление ФРГ обеспечить на доктринальном уровне свободу маневра там, где споры с РП были наиболее острыми.

В целом коалиционный договор 2013 г. отражал уверенность официального Берлина в возможности вести диалог с Варшавой без заметных сбоев. Документ 2018 г. фиксировал готовность преодолеть заметный спад, с обеспечением за ФРГ старшинства в отношениях. Интересно в этой связи обращение к фактору исторической памяти: в договоре (2018) признавалась заметная роль Польши и Венгрии (основных критиков ФРГ в ЕС в то время) в решении «германского вопроса» (1990), чье урегулирование резко укрепило позиции Федеративной Республики. Документ 2021 г. отражал ее заметный скепсис на фоне сохранения и роста «раздражителей» в диалоге. Эволюцию восприятия фактора РП иллюстрировала частота ее упоминаний в коалиционных договорах: в 2013 г. — 5 раз, в 2018 г. — 6 случаев, а в 2021 г. — всего 2 раза³.

Политический диалог: эволюция содержания и институционального измерения

К середине 2020-х гг. правовую основу отношений продолжал определять договор о добрососедстве и сотрудничестве от 17 июня 1991 г.⁴. В соответствии с п. 3 документа был создан формат межправительственных консультаций, который регулярно собирался (примерно с двухлетней частотностью) до 2018 г. включительно. В течение двух месяцев после заключения договора (1991) на уровне министров иностранных дел был учрежден «Веймарский треугольник». В последующем встречи стали проходить на уровне глав государств и правительств, а также президентов нижних палат национальных законодательных собраний (Бундестага, Сейма, Национального собрания), председателей их профильных комитетов (табл. 1). Для всех форм данных встреч не задавалась жесткая частотность, то есть график был гибким (в отличие от межправительственных консультаций). На начало 2010-х гг. состоялись пять переговоров с участием президентов Польши и Франции, канцлера

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen...

Германии: в Познани (1998), Нанси (1999, 2005), Хамбахе (2001), Варшаве (2011)¹. Во время подготовки и вступления РП в НАТО (1999) и ЕС (2004) «Веймарский треугольник» на высшем уровне собирался почти ежегодно. Вхождение Польши в Евро-Атлантическое сообщество сопровождалось уменьшением ее интереса к формату, тем самым к сотрудничеству с Германией и Францией в пользу США и Великобритании. В 2000-е гг. встречи проходили с перерывом в 4—6 лет, а после 2011 г. наступила 11-летняя пауза. Консультации на высоком уровне — глав внешнеполитических ведомств — проходили чаще (обычно раз в 1—2 года). Однако и здесь возник заметный перерыв: после сентября 2015 г. встреча состоялась лишь в октябре 2020 г.². Чем обусловлены указанные остановки в работе «Веймарского треугольника» и межправительственных консультаций (последние — с ноября 2018 г.)?

Таблица 1

Особенности функционирования «Веймарского треугольника»

Уровень чиновников	Дата первой встречи данного типа	Дата последней встречи (к 2025 г.)
Министры иностранных дел	1991 г., август	2024 г., май
Главы государств и правительств	1993 г., сентябрь (неофициально) 1998 г., февраль (официально)	2024 г., март
Председатели комитетов Нижних палат парламента по внешней политике, ЕС	2007 г., март	2024 г., ноябрь
Президенты нижних палат национальных парламентов	2010 г., май	2019 г., май

Источник: Ibid, S. 22—23 ; Weimarer Dreieck: über 30 Jahre grenzüberschreitende Zusammenarbeit zwischen Deutschland, Frankreich und Polen. 05.02.2024, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/weimarer-dreieck-node> (дата обращения: 07.02.2025) ; Trilaterales Treffen der EU-Ausschüsse im Format „Weimarer Dreieck“. 25.11.2024, *Bundestag*, URL: https://www.bundestag.de/ausschuesse/a21_eu/texte/20241124-weimarer-dreieck-1031168 (дата обращения: 07.02.2025) ; Schäuble: Überwindung der Teilung Europas nicht gefährden. 13.05.2019, *Bundestag*, URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2019/kw20-weimarer-dreieck-642244> (дата обращения: 07.02.2025).

Перерыву предшествовало весьма активное использование «Веймарского треугольника» для поддержки на Украине оппозиции в ходе ее протестов в Киеве (с конца ноября 2013 г.), выработки соглашения с президентом В. Ф. Януковичем 21 февраля 2014 г. и, в нарушение договоренностей, силового захвата власти 22 февраля 2014 г. Гарантами документа 21 февраля выступили министры иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер и РП Р. Сикорский, от Франции — руководитель департа-

¹ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des „Eisernen Vorhangs“ unter besonderer Berücksichtigung der Initiative „Weimarer Dreieck“. *Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste*, WD 2-3000-075/16. 17.05.2016, S. 22.

² Joint statement by the Ministers for Foreign Affairs of the Weimar Triangle (France, Germany and Poland) — Jean-Yves Le Drian, Heiko Maas and Zbigniew Rau. 15.11.2020, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/weimarer-dreieck-2405714> (дата обращения: 07.02.2025).

мента внешнеполитического ведомства¹. Сам факт срыва договоренностей уже на следующий день не вызвал какой-либо заметной обеспокоенности у триумвирата государств-гарантов.

В марте 2014 г. они продолжили использовать формат для поддержки новых властей в Украине, осудив установление суверенитета России над Крымским полуостровом². Тем самым «Веймарский треугольник» стал значимым выразителем позиции стран — участниц ЕС, самого объединения на важнейшем для «западных демократий» направлении. Такое применение формата в полной мере отвечало установкам ФРГ, ее целям в диалоге с РП.

Однако на фоне возникновения вооруженного конфликта на востоке Украины позиции официальных Берлина и Варшавы стали заметно различаться. Консенсус сохранялся по долгосрочным приоритетам — обеспечивать сближение Украины с Евро-Атлантическим сообществом, максимально распространять его влияние на постсоветском пространстве. Разница проявилась в стратегиях (отчасти) и тактиках достижения этого.

В ситуации, когда новые власти Украины не смогли силовыми способами подавить сопротивление в ДНР и ЛНР, германо-французский тандем решил пойти на демонстративно вынужденное взаимодействие с РФ [31]. Как показала практика, а затем интервью А. Меркель уже после ее отставки³, речь со стороны официальных Берлина и Парижа в принципе не шла о стремлении урегулировать, то есть в основе невоенными способами полностью устранить первопричины конфликта. Вместо этого имело место регулирование — поддержание насилия на определенном, отнюдь не нулевом, уровне, что не могло продолжаться долго. Официальному Киеву была дана возможность подготовить силовое разрешение конфликта. Однако такая стратегия требовала заметной гибкости в отношениях с РФ как с системным оппонентом, что не встретило поддержки со стороны властей в Варшаве.

По этой причине Германия и Франция без третьей стороны «Веймарского треугольника» 6 июня 2014 г. учредили «Нормандскую четверку» (с участием России и новых властей Украины). В дальнейшем две западноевропейские державы отказались удовлетворять просьбы Польши ввести ее в переговорный формат⁴. Крайне жесткая антироссийская позиция РП неизбежно резко затруднила и без того сложную идущую работу в «Нормандской четверке». Если данную площадку ФРГ использовала для вынужденного взаимодействия с РФ, то «Веймарский треугольник» — для ужесточения на нее давления по линии ЕС. Такая схема по применению площадок укрепляла положение Германии как старшего в диалоге с Польшей. Для нее это несло ощутимые издержки: из-за неучастия в «Нормандском четверке» РП оказалась частично отстранена от определения стратегической линии Запада по Украине. Наиболее отчетливо это проявилось при подписании соглашений «Минск-2» 12 февраля 2015 г., для которого Германия и Франция приняли роль гарантов [31].

Официальная Варшава стала особенно остро реагировать на ситуацию после победы на парламентских выборах в октябре 2015 г. ПиС. Его правительство инициировало перерыв в работе «Веймарского треугольника», рассчитывая оказать

¹ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens... S. 25.

² Joint Statement on Ukraine of the Weimar Triangle Foreign Ministers Frank-Walter Steinmeier (Germany), Laurent Fabius (France), and Radosław Sikorski (Poland) in Weimar. 31.03.2014, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/140331-gemeinsame-erklaerung-zur-ukraine-261272> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Angela Merkel: Hatten Sie gedacht, ich komme mit Pferdeschwanz? 07.12.2022, *Die Zeit*, URL: <https://www.zeit.de/2022/51/angela-merkel-russland-fluechtlingskrise-bundeskanzler> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens... S. 25—26.

давление на ФРГ. В условиях кризиса массовой неконтролируемой миграции в ЕС в 2015—2017 гг. власти Польши жестко критиковали А. Меркель за приверженность принципу «открытых дверей», использовали для этого возможности «Вишеградской четверки» (V4, Венгрия, Словакия, Польша, Чехия) [10; 11]. Попыткам ФРГ сблизиться с группой «V4» в конце 2010-х гг. противодействовали официальные Варшава и Будапешт. В данной ситуации Берлин сумел добиться подъема отношений с Чехией и Словакией.

Продемонстрировать возможность быть старшим в диалоге правительство ПиС постаралось в ходе 15-х межправительственных консультаций. Они прошли в Варшаве 2 ноября 2018 г., будучи приурочены к 100-летию воссоздания Польши как независимого государства на части подконтрольных Второму рейху территорий. В ходе переговоров (2018) делегация РП, включавшая не только государственных чиновников, но и функционеров ПиС, стала поднимать вопрос о репарациях от Германии за злодеяния Второй мировой войны, что встретило неприятие у ФРГ [3, с. 63; 5]. Результатом стало прерывание межправительственных консультаций.

В первой половине 2020-х гг. работа обоих форматов была поэтапно возобновлена. В октябре 2020 г. был перезапущен «Веймарский треугольник» на уровне министров иностранных дел, в феврале 2022 г. — на уровне глав государств и правительств. В июне 2024 г. состоялись новые межправительственные консультации ФРГ и РП (табл. 1). Сначала восстановила работу трехсторонняя площадка, затем — двусторонняя. Отрезок между каждой парой событий составлял 1,5—2 года, то есть это был плавный процесс, когда стороны тщательно прогнозировали, а затем анализировали последствия каждого этапа.

Чем обусловлено возобновление работы форматов? Фактор смены состава правительств, особенно в РП, не может быть признан значимой причиной. «Веймарский треугольник» на высоком и высшем уровнях вновь собрался задолго до парламентских выборов в Польше (сентябрь 2023 г.), по итогам которых был сформирован (с 13 декабря 2023 г.) коалиционный кабинет Д. Туска, представителя «Гражданской платформы». Подготовка к новым, 16-м, межправительственным консультациям стартовала также до смены правительства. После этого влияние ПиС на внешнюю политику — опосредованное (как крупнейшей фракции в Сейме) и прямое (через президента А. Дуду) — оставалось значительным.

Существенен фактор признания победителем на выборах президента США 3 ноября 2020 г. Дж. Байдена от Демократической партии, хотя это произошло чуть позже, чем перезапуск «Веймарского треугольника» на уровне глав МИД. Официальная Варшава расценивала как важнейшего союзника США (отчасти Великобританию), отводя Германии непервоочередное значение. Практика 2000—2010-х гг. показала, что сотрудничество РП с США наиболее динамично развивалось при республиканских администрациях. Наиболее иллюстративной является продвинутая двусторонняя кооперация в президентство Д. Трампа (2017—2021). В ее основе лежала в том числе ценностная близость: как и 45-й президент США, ПиС относилась к правоконсервативным силам, демонстрировала сдержанность по отношению к либеральным ценностям, особенно на уровнях человека, семьи, общества [4, с. 20—21; 17]. Одно из направлений сотрудничества — попытки координировать давление на ФРГ, особенно с целью побудить ее резко нарастить военные расходы [11]. Однако официальный Берлин в конце 2010-х гг. демонстрировал способность противодействовать давлению со стороны РП и США и безуспешно разводил это противодействие каждому из них хронологически и функционально. ФРГ увеличивала ассигнования на оборону, но делала это со скоростью, которая была удобна самому Берлину, а не которую пытались навязать Белый дом и Варшава. Германская дипломатия приложила усилия, чтобы Польша не выработала сепаратной от остальных

стран — участниц ЕС «сделки» с Великобританией по Брекзиту [32]. Как результат его условия оказались более выгодны Европейскому союзу, чем Лондону, а урон от процесса оказался меньше ожидавшегося. Фактор администрации Дж. Байдена (2021—2025) оказал в целом благоприятное влияние на отношения ФРГ и РП. США при 46-м президенте продолжали активно стимулировать континентальных европейских партнеров заметно наращивать нагрузку по «сдерживанию» РФ, но делали это не путем жесткого давления, а в аккуратно выверенных формах [28; 29]. Эта тенденция и плавно, но неуклонно возрастающая готовность ФРГ увеличивать вклад в конфронтацию с РФ и ужесточать подход к ней создавали предпосылки для преодоления спада в германо-польском диалоге.

Большое значение имели масштабные изменения в западной части постсоветского пространства, а именно риск приостановки здесь роста влияния Евро-Атлантического сообщества. Официальная Варшава заметно наращивала ВС, но этого было недостаточно, чтобы пресечь неудачи в реализации целей в отношении Беларуси и Украины. РП стала заметно острее нуждаться в поддержке партнеров, в том числе ФРГ. Этот интерес примерно по одинаковым причинам был взаимным, хотя и меньшим со стороны Германии.

Значимым для возобновления работы форматов было и общее укрепление влияния ФРГ в передовой части зоны ответственности НАТО, причем Германия сумела добиться этого без особой поддержки от РП. Наиболее заметных успехов Берлин достиг в отношениях с Вильнюсом и в целом со странами Балтии. В отличие от форматов с участием Польши механизм «В3+1» (три балтийских республики + 59 ФРГ), запущенный в 1994 г., продолжал во второй половине 2010-х гг. функционировать с ежегодной частотностью. В Литве с 2017 г. были развернуты подразделения бундесвера, которые составили основу многонациональной батальонной тактической группы (БТГ) сил передового развертывания (СПР) НАТО. Официальный Берлин умело использовал данный факт, начав с 2018 г. проводить встречи «В3+1» на уровне глав государств и правительств (без определения частотности) в дополнение к ежегодным консультациям в формате на уровне глав МИД [33, р. 70—75]. Заметное укрепление германского влияния в Литве для Польши было особенно ощутимо, учитывая исторический опыт ее старшинства в диалоге с этим соседом. Возраставшее влияние Польского королевства на Великое княжество Литовское с конца XIV в. переросло в их полноценный межгосударственный союз в виде Речи Посполитой («княжество» + «корона» при преобладании второй) в 1569—1795 гг. В 1920—1939 гг. вновь возникшая как государство Польша заняла обширный массив литовских земель, включая Вильнюс. Поэтому предоставление Германией практических гарантий Литве в сфере безопасности и обороны по линии НАТО оказало заметное воздействие на РП в деле ее готовности перезапустить работу форматов с ФРГ.

Избранная Польшей во второй половине 2010-х гг. тактика приостановки работы «Веймарского треугольника» и межправительственных консультаций не принесла ожидаемых результатов в плане давления на Германию. Этому способствовало и проведение двусторонних переговоров на высшем и высоком уровне вне форматов, то есть наиболее распространенной формы межгосударственного диалога. Данные контакты обычно были ежегодными, и по широте повестки и значению они часто заметно уступали встречам на полях рассматриваемых площадок. ФРГ укрепляла позиции в Евро-Атлантическом сообществе и — главное — в «домашнем» для Польши регионе вопреки спаду диалога с РП, не будучи готовой идти последней на уступки.

Встреча в формате «Веймарского треугольника» на уровне глав МИД в октябре 2020 г. состоялась на фоне провала в Беларуси прозападной оппозиции в ее попытках захватить власть после президентских выборов в стране 9 августа 2020 г.

Переговоры «Веймарского треугольника» с участием глав государств и правительств прошли 8 февраля 2022 г. в преддверии начала СВО. Местом консультаций стал Берлин, что вместе с самим фактом их возобновления отражало укрепление позиций ФРГ в отношении РП. К этому времени формат «Нормандской четверки» перестал работать, а вероятность реализации Второго минского соглашения стала близка к нулевой. Данные положения канцлер О. Шольц фактически признал в ходе визита в Россию 15 февраля 2022 г.¹. Таким образом, исчезали основные «раздражители» в германо-польских отношениях. Еще более важно другое: руководство ФРГ было готово резко ужесточить подход к «сдерживанию» РФ, в том числе в военном отношении. Сигналы об этом были переданы властям РП на переговорах «Веймарского треугольника» 8 февраля 2024 г. В течение всего трех суток после начала СВО официальный Берлин начал поставки вооружений Украине, декларировал создание спецфонда для нужд бундесвера в 100 млрд евро². Быстрота и масштаб принимаемых решений ФРГ указывали на то, что они были спланированы заранее. Уже 28 апреля 2022 г. Бундестаг де-юре снял запрет на предоставление вооружения и военной техники Украине, узаконив практику поставок в возрастающих объемах³ с расширением линейки, повышением ударной мощи и дальности передаваемых образцов. В июне 2022 г. ФРГ в опережение всех остальных государств — членов НАТО инициировала трансформацию многонациональной БТГ СПР, которую возглавлял бундесвер, в бригаду⁴.

Резкий рост военной вовлеченности Германии в конфронтацию с РФ, особенно под эгидой Альянса, для Польши имел выгоды и одновременно создавал неудобства. Планы ФРГ заметно увеличить военный потенциал и активнее использовать его в Восточной Европе не только укрепляли безопасность и оборону РП, но и вновь усиливали конкуренцию. Ее значимое проявление — стремление Польши обогнать Германию не только по скорости увеличения ВС, но и по мощи сухопутных войск. При этом в 2022—2023 гг. стало наблюдаться определенное разделение военно-практической ответственности. ФРГ, традиционно «растворяя» свои военные усилия в многосторонних, претендовала на роль ведущего комплектатора и руководителя (так называемого рамочного государства) широкой линейки многосторонних группировок НАТО. В первую очередь бундесвер использовался в составе тех объединений, которые должны были в кризисной ситуации выдвинуться из глубины зоны ответственности Альянса в ее передовую часть. Это силы быстрого реагирования, сменившие их с 1 июля 2024 г. силы союзнического реагирования. Контингенты в составе СПР, особенно формируемую (к 2027 г.) бригаду в Литве, официальный Берлин рассматривал как усиленные авангарды⁵. Официальная Варшава стремилась большинство формирований своих ВС оставить под нацио-

¹ Пресс-конференция по итогам российско-германских переговоров. 15.02.2022, *Администрация президента РФ*, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67774> (дата обращения: 07.02.2025).

² Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. 27.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Namentliche Abstimmung. Frieden und Freiheit in Europa verteidigen — Umfassende Unterstützung für die Ukraine. Plenarprotokoll 20/31. 28.04.2022, *Deutscher Bundestag*, 20. Wahlperiode. *Stenografischer Bericht 31. Sitzung*, S. 2743A — 2745D.

⁴ „Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen“. 07.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 07.02.2025).

⁵ Bundeswehr in Litauen: In großen Schritten zur deutschen Kampfbrigade. 2025, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/bundeswehr-litauen-grosse-schritte-deutsche-kampfbrigade> (дата обращения: 07.02.2025).

нальным командованием, ограниченно участвовала в комплектовании многонациональных группировок, но проявляла заметный интерес к их использованию в Восточной Европе.

До начала 2020-х гг. к «раздражителям» для РП относилась готовность ФРГ согласиться лишь на ротационное развертывание СПР. С 2022—2023 гг. Берлин изменил подход, прежде всего при использовании бундесвера: создаваемая в Литве бригада (45-я танковая) должна не только почти целиком состоять из германских подразделений, но и размещаться на постоянной основе¹.

Встреча в формате «Веймарского треугольника» на высшем уровне 8 февраля 2022 г. стала одной из многих причин того, что Польша вошла в число ведущих «западных демократий» по обсуждению ситуации на Украине в феврале — апреле 2022 г. Однако неформальная группа не была институционализирована², а с мая 2022 г. встречи прекратились. Вместо этого возник формат «Рамштайн» с участием всех стран НАТО и ЕС [34, р. 8, 32—35]. Польша достигла лишь кратковременного успеха, но заметно не продвинулась в намерении войти в круг «западных держав». Напротив, ФРГ укрепила положение в нем, продолжая проявлять неуступчивость по важнейшим спорным с РП вопросам: Берлин недвусмысленно давал понять, что считал навсегда закрытым вопрос о репарациях. Германия укрепляла заметное влияние в странах Балтии: 6 мая 2024 г. прошли очередные переговоры в формате «В3+1» на уровне глав государств и правительств³. Перечисленные тенденции задавали изменившиеся рамочные условия для межгосударственного диалога с РП.

Новые переговоры глав государств и правительств «Веймарского треугольника» состоялись 12 июня 2023 г. в Париже и 15 марта 2024 г. в Берлине. Ежегодная частотность встреч, их проведение в 2022 и 2024 гг. в ФРГ отражали тенденцию укрепления ее позиций в диалоге с РП. Содержательно фокус на переговорах, особенно 2024 г., был сосредоточен на координации военной помощи Украине (поставки вооружений и военной техники, обучение ее личного состава)⁴ в условиях развернувшегося наступления ВС РФ на укрепленные районы ВСУ в западной части ДНР. ФРГ вновь, как и в 2014—2015 гг., использовала «Веймарский треугольник» как выразитель интересов ЕС в западной части постсоветского пространства.

Второго июля 2024 г. состоялись 16-е межправительственные консультации. Как и предыдущие (15-е в 2018 г.), они прошли в Варшаве, что фактически было нарушением правил протокола (поочередный прием мероприятия каждой из двух сторон). Однако эта особенность была выгодна не столько РП, сколько ФРГ: прервав на длительное время консультации, Польша подчеркнуто согласилась на их возобновление, не сумев добиться старшинства в диалоге. На 16-х межправитель-

¹ Ibid.

² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zur Telefonschaltkonferenz am 19. April 2022. 19.04.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zur-telefonschaltkonferenz-am-19-april-2022-2026400> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, Ministerpräsidentin Siliņa, Ministerpräsidentin Kallas und Ministerpräsidentin Šimonytė am 6. Mai 2024 in Riga. 06.05.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-ministerpraesidentin-silina-ministerpraesidentin-kallas-und-ministerpraesidentin-simonyte-am-6-mai-2024-2277440> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, Präsident Macron und Ministerpräsident Tusk beim Treffen der Staats- und Regierungschefs im Format des Weimarer Dreiecks am 15. März 2024 in Berlin. 15.03.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-praesident-macron-und-ministerpraesident-tusk-beim-treffen-der-staats-und-regierungschefs-im-format-des-weimarer-dreiecks-am-15-maerz-2024-2265726> (дата обращения: 07.02.2025).

ственных консультациях стороны многократно отмечали высокий уровень доверия, тем косвенно указывая, что спад в отношениях во многом преодолен. Взаимно при- ветствуя заметный вклад в поддержку ВСУ, стороны согласились в необходимости дальше расширять ЕС как объединение; заметно возросла готовность к сотрудни- честву по линии НАТО¹.

Перечисленные положения проявились в самом факте принятия двустороннего плана действий (что выступало новшеством для практики германо-польских кон- сультаций) и в содержании документа. Вопросы безопасности обороны были выде- лены в отдельный раздел. Стороны обозначили готовность взаимно учитывать ин- тересы и поддерживать при обсуждении преобразований ООН, особенно ее Совета Безопасности². С 1990-х гг. ФРГ предпринимала неудачные попытки войти в число его постоянных членов, но до начала 2020-х гг. Польша занимала де-факто отрица- тельную позицию по данному вопросу.

ФРГ и РП договорились об углублении кооперации по линии инженерных во- йск и ВМС (здесь большими возможностями располагала Германия), налаживанию взаимодействия между бригадами территориальной обороны и территориальными командованиями. В этом отношении Польша создала большой задел, в то время как ее сосед лишь начинал воссоздавать сеть данных формирований и штабов, рас- формированную после Холодной войны. Логично, что в военно-техническом плане фокус был направлен на модернизации имевшихся у Войска Польского танков гер- манского производства «Леопард». При этом, согласно планам РП, на перспекти- ву наиболее распространенными танками в составе ее ВС станут южнокорейские «Черные пантеры» и американские «Абрамсы», а удельный вес «Леопардов» замет- но сократится [21, с. 39—98].

Возможности и сложности военного сотрудничества

Из государств — членов НАТО традиционно крупнейшими вооруженными си- лами располагали США (на 2014 г. — 1338 тыс. военных, на 2022 г. — 1317 тыс.) и Турция (соответственно 427 тыс. и 456 тыс. чел. личного состава)³. В услови- ях конфронтации с РФ большое практическое и имиджевое значение приобрело 3-е место, а именно то государство, которое сможет его занять и удерживать. До 2022 г. эта позиция принадлежала Франции, но ее ВС не увеличивались (уровень в 207—208 тыс. военных с 2014 г.)⁴. На 3-е место претендовали Германия, заявляя об этом с 2022 г., и де-факто Польша.

В конце 2010-х гг. ФРГ несколько опередила РП при опубликовании планов по наращиванию ВС, особенно наземных, которым в планировании и практике НАТО отводилась резко возросшая роль. Каждая из стран планировала удвоить число ди- визий (как управлений; с 3 до 6) и заметно увеличить количество бригад, особен- но общевойсковых. Но темпы достижения заявленных целей заметно различались. Польша к 2025 г. уже развернула три полные дивизии, активно комплектует четвер- тую, приступила к созданию пятой, подготавливала развертывание шестой. Все уже существовавшие дивизии (11-я бронетанковая, 12-я механизированная, 16-я меха-

¹ „Gute Nachbarn, enge Partner und verlässliche Freunde“. 02.07.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutsch-polnische-regierungskonsultationen-2024-2295270> (дата обращения: 07.02.2025).

² Deutsch-Polnischer Aktionsplan. 02.07.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2295276/b5e9e128f9d0909349fd9a57f04cbe69/2024-07-02-deu-pol-aktionsplan-de-data.pdf?download=1> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, *NATO*, p. 13.

⁴ Ibid.

низированной) имели по 3 бригады в составе, а новые (1-я польских легионов и 18-я механизированная) — по 4. С учетом 2 воздушно-десантных РП имела 22 войсковые бригады [35].

Германия к 2025 г. не развернула ни одной бригады и тем более дивизии. Бундесвер продолжает состоять из 1-й и 10-й танковых дивизий (суммарно 5,5 танковых и мотопехотных бригад) и дивизии кризисного реагирования (из общевойсковых сил — по одной бригаде горных стрелков и воздушно-десантной)¹. Даже с учетом того, что бригада в бундесвере (кроме парашютных) состоит из 5—6 собственно войсковых батальонов, а в Войске Польском — 3—4 таковых, разница все же значительна [35]. Германия разворачивает одну кадровую бригаду в Литве (к 2027 г.), а для формируемой дивизии изучается вопрос частичного укомплектования резервистами.

Если ВС Польши в 2014—2023 гг. выросли на 108 %, то бундесвер к 2022 г. увеличился лишь на 5 % (табл. 2). Как результат 3-е место по численности личного состава ВС среди стран — участниц НАТО к 2024 г. стала занимать РП. В среднесрочной перспективе возможность догнать и тем более перегнать ее у ФРГ невелика. От общей численности ВС государств — членов НАТО без Канады и США на 2022 г. бундесвер составлял 9,6 %, а Войско Польское — 9,3 %. В 2024 г. с учетом предварительных данных это 9 и свыше 10,5 % соответственно (табл. 2). Из общего прироста ВС европейских стран-участниц и Турции в 2014—2024 гг. (216 тыс. военных) более половины (117 тыс. чел. личного состава) приходится на Польшу.

Таблица 2

Динамика численности ВС ФРГ и РП (тыс. военных)

Категория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	183,9	183,2	181,7	185,6
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	166,8	176,0	206,5	216,1
НАТО без											
США, Канады	1825	1741	1718	1787	1823	1812	1827	1900	1901	1967	2041
НАТО в целом	3229	3125	3090	3163	3210	3213	3243	3317	3285	3320	3418

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, NATO, р. 13.

Примечание: * за 2023 и 2024 гг. данные предварительные.

Одновременно РП ускоренными темпами наращивала военные расходы. Их доля у Польши была около 2 % или превышала их уже в середине 2010 — начале 2020-х гг., а к 2025 г. предварительно будет более 4 %. Здесь Варшава заметно опередила абсолютное большинство партнеров по НАТО, особенно ФРГ: ее показатель в конце 2010-х гг. находился у отметки в 1,5 %, а в 2024 г. впервые должен быть выше 2 % (табл. 3).

Таблица 3

Доля военных расходов от ВВП для Германии и Польши, %

Категория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Германия	1,19	1,19	1,20	1,23	1,25	1,35	1,51	1,45	1,51	1,64	2,12
Польша	1,88	2,23	2,00	1,89	2,02	1,99	2,23	2,22	2,23	3,26	4,12

¹ Deutsches Heer. 2025, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer> (дата обращения: 07.02.2025).

Окончание табл. 3

Категория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
НАТО без США	1,42	1,43	1,44	1,48	1,51	1,54	1,72	1,66	1,66	1,78	2,02
НАТО в целом	2,58	2,48	2,48	2,39	2,40	2,52	2,69	2,63	2,51	2,53	2,71

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, NATO, р. 9.

Примечание: * за 2023 и 2024 гг. данные предварительные.

Еще одно измерение резкого роста мощи РП с целью войти в круг «западных держав» — увеличение ежегодных ассигнований в абсолютном плане. РП в 2014—2024 гг. нарастила их на 25 млрд евро. Если в начале этого временного отрезка она занимала 10-е место в списке государств — членов Альянса (по убывающей), то к 2025 г. — 5-е. Польша обогнала не только Нидерланды и Испанию, но и Канаду, Италию и Турцию, вплотную подойдя непосредственно к тетрархии «западных держав». Однако увеличение военных трат у ФРГ оказалось не менее впечатляющим, чем у РП: в 2014—2022 гг. ежегодный бюджет возрос на более чем 50 млрд долл., то есть вдвое больше, чем у Польши. В результате официальный Берлин вышел к 2025 г. на второе место (после США) по уровню профильных расходов. Это подчеркнуло заметное преимущество Германии перед Польшей по объемам ресурсным возможностям. Приближение ежегодных ассигнований к 100 млрд долл. задавало рамочные условия для глубокой технико-технологической модернизации бундесвера как качественно, так и количественно, что позволяло реально преодолевать многочисленные трудности на пути повышения его боеспособности.

Таблица 4

**Военные расходы ФРГ и РП (млн долл.) и позиция (по нисходящей)
в рейтинге государств НАТО**

Год	Германия	Польша
2014	46 176 (4-е место)	10 107 (10-е место)
2017	45 470 (4-е место)	9940 (9-е место)
2021	62 054 (3-е место)	15 099 (8-е место)
2022	61 405 (3-е место)	15 338 (8-е место)
2024*	97 686 (2-е место)	34 975 (5-е место)

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, NATO, р. 8.

Примечание: * за 2024 г. данные предварительные.

К середине 2020-х гг. Польша набрала очень высокую скорость в деле наращивания военной мощи. Однако данный процесс порождает и определенные вызовы для самой РП. Во-первых, она стала приближаться к объективным, без условия перехода к мобилизационной модели развития, пределам роста различных параметров ВС. Западногерманский бундесвер на пике возможностей в Холодную войну насчитывал 0,8 % от общей численности населения ФРГ (около 500 тыс. военных при 63 млн населения) [26, с. 193—228]. Представляется, что этот же показатель релевантен и для современной РП: при численности ее населения в 38 млн чел. 0,8 % — это примерно 300 тыс. военных, то есть именно тот показатель, который

является ориентиром для официальной Варшавы. Вопрос состоит в том, что она будет делать, когда достигнет данного уровня, объективно не обладая способностью увеличивать дальше его, в то время как другие страны — участницы НАТО (прежде всего ФРГ) могут пусть и медленно, но приближаться к нему. Не исключено, что официальная Варшава будет настаивать на дополнении своих крупных конвенциональных сил не только увеличением военного присутствия США, но и размещением их ядерного оружия с предоставлением РП опосредованного доступа (по аналогии с Западной Германией в Холодную войну), что крайне опасно.

Во-вторых, уже в середине 2020-х гг. аналогичная проблема возникает перед РП и в случае военных расходов, так как их уровень в 4% от ВВП и тем более еще выше окажет заметное деформирующее влияние на экономику. Инерционность «военной машины» ФРГ имеет не только недостатки, но и выгоды, позволяя намного оптимальнее использовать заметно более объемную ресурсную базу.

Преимущество в рационализме и получаемых политических, имиджевых дивидендах ФРГ демонстрирует и в вопросах использования ВС, в том числе в передовой части зоны ответственности НАТО. Это тем примечательнее, учитывая, что официальная Варшава избегала появления наземных контингентов бундесвера на польской территории. Здесь по просьбе РП войска США, а также Великобритании составляли основу присутствия СПР блока и сил в ходе крупнейших учений. Так, на маневрах *Anakonda 16* (июнь 2016 г., всего задействована 31 тыс. военных) вклад бундесвера был ограничен лишь одним саперным батальоном (0,4 тыс. чел.)¹.

Германия небезуспешно обходила это препятствие посредством следующих тактик. Во-первых, в феврале 2015 г. штаб трехстороннего (Дания, Германия, Польша) корпуса «Северо-Восток» стал управлением одноименного уже многонационального соединения НАТО². Данное управление руководило группировкой СПР Альянса в Польше и Литве. Как результат штабной персонал бундесвера не только разместился в РП, но и стал играть заметную роль в командовании дислоцированными здесь войсками под флагом блока.

Во-вторых, ФРГ выстраивала диверсифицированную систему наземного присутствия в Восточной Европе в обход Польши. Севернее ее это увеличиваемый до бригады (к 2027 г.) контингент бундесвера в Литве, который организационно составлял единое целое с частями СПР НАТО в самой Польше (формирования в подчинении штабов дивизии «Северо-Восток» и одноименного корпуса). Южнее РП бундесвер в 2022—2024 гг. участвовал в комплектовании БТГ СПР НАТО в Словакии, причем в первые месяцы существования данного формирования (весна — лето 2022 г.) в ее составе самым крупным контингентом был германский³. Как минимум с 2024 г. в практической плоскости прорабатывается вопрос о появлении сухопутных подразделений бундесвера в Румынии.

В-третьих, к середине 2020-х гг. Германия развернула элементы присутствия в Польше по линии ВВС и ПВО, опираясь на запросы официальной Варшавы. Сделанный ею упор на наращивание сухопутных войск и заметно менее динамичное развитие других родов войск потребовал в соответствующих сегментах привлечения помощи от партнеров по НАТО, в том числе соседней Германии. В мае 2021 г. было подписано двустороннее межгосударственное соглашение, которое

¹ *Anakonda 16*. 2016, *DVIDS*, URL: <https://www.dvidshub.net/feature/Anakonda16> (дата обращения: 07.02.2025).

² Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting. 05.02.2015, *NATO*, p. 1—2.

³ Ende des operativen Auftrages in der Slowakei. 31.05.2024, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/eva-uebergabe-slowakei-rueckbau-5788720> (дата обращения: 07.02.2025).

санкционировало полеты истребителей ФРГ в воздушном пространстве Польши с целью его патрулирования¹. Эта деятельность была заметно интенсифицирована с марта 2022 г. по просьбе РП. В январе 2025 г. в ее прилежащие к границе с Украиной районы бундесвер направил два комплекса *Patriot* с личным составом². Тем самым ФРГ стала вносить вклад в безопасность и оборону РП в двух значимых технико-технологических сложных сегментах, что укрепляло позиции Берлина как старшего в диалоге.

Данное преимущество проявлялось в разнице объемов и наполнения поставок вооружений и военной техники каждой из сторон для Украины. В 2022—2023 гг. военная помощь от РП составила около 3,5 млрд долл.³, от ФРГ — 6,6 млрд евро, то есть разница была почти в 2 раза. В 2024 г. Германия выделила еще 7,1 млрд евро⁴, сохранив 2-ю позицию (после США) по объему направленных вооружений и военной техники. Имея заметно меньшие ресурсы, Польша направляла большую их удельную часть для поддержки ВСУ. Особенно отчетливо это видно на примере наземной техники, особенно танков: к 2025 г. ФРГ передала Украине 14 *Leopard 2A6*, 88 *Leopard 1A5*⁵, то есть суммарно 102 машины. В свою очередь, РП направила 270 Т-72, 40 РТ-91 (модернизированных Т-72), 14 *Leopard 2A4*, то есть 324 танка⁶. При этом по другим, неназемным категориям (прежде всего системам ПВО) Германия существенно опережала соседа. Такую же нацеленность имела линия Польши в деле подготовки кадров для ВСУ. В конце 2022 г. под эгидой ЕС была развернута военно-тренировочная миссия *EUMAM UA*, ведущую роль в деятельности которой приняли на себя сразу два государства: ФРГ и РП⁷, а крупнейшие центры разместились соответственно в восточной и западной частях этих стран.

Заключение

Во второй половине 2010-х гг. с целью укрепить свое положение в отношении Германии Польша избрала тактику активного нажима (прерывание работы «Веймарского треугольника», формата межправительственных консультаций, скоординированное с США давление, постановка вопроса о репарациях, фактор ускоренного роста численности ВС, военных расходов). В свою очередь, Германия реализовывала линию на активную оборону, в первой половине 2020-х гг. укрепив свое старшинство в диалоге.

¹ Deutsch-Polnische Zusammenarbeit im Luftraum gefestigt. 18.05.2021, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/deutsch-polnische-zusammenarbeit-im-luftraum-gefestigt-5083332> (дата обращения: 07.02.2025).

² Einsatzbereit: Bundeswehr unterstützt NATO — Luftverteidigung in Polen. 07.02.2025, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/unterstuetzung-nato-luftverteidigung-polen-5888214> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Премьер Украины сообщил о \$3,5 млрд полученной от Польши помощи с 2022 года. 22.01.2024, *Известия*, URL: <https://iz.ru/1638185/2024-01-22/premer-ukrainy-soobshchil-o-35-mlrd-poluchennoi-ot-polshi-pomoshchi-s-2022-goda> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. 2025, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/lieferungen-ukraine-2054514> (дата обращения: 07.02.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Number of disclosed main battle tanks committed to Ukraine as of January 2024, by type and donor country. 2024, *Statista*, URL: <https://www.statista.com/statistics/1364974/ukraine-military-aid-tanks/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁷ Germany (дата обращения: 07.02.2025). *EUMAM UA*. 2025, *BMVg*, URL: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (дата обращения: 07.02.2025).

Географически официальный Берлин в основном ограничивал спектр переговорных сюжетов с Варшавой зоной Балтийского моря, Восточной Европой, западной частью постсоветского пространства. Тем самым демонстрировалась разница между ФРГ, которая пыталась стать глобальной державой, и РП — как региональной, без присоединения ее к тетрархии ведущих государств НАТО. В целом в их отношениях кооперация тесно переплеталась с многочисленными элементами конкуренции.

Польша в развитии и использовании своих ВС прежде всего сосредоточилась на количественных аспектах, а Германия — на качественных, компенсируя преимущество Войска Польского в численности развертыванием системы присутствия в Восточной Европе, в том числе наземного к северу и югу от РП. При этом стороны небезуспешно ищут схему разделения компетенций (ФРГ — «рамочное государство» широкой линейки многосторонних группировок НАТО, в том числе СПР; Польша — мощные силы на собственной территории). Особенно заметно практическое сотрудничество ВС в «Сувалкском коридоре», в котором участвуют 45-я танковая бригада бундсвера в Литве, части от 16-й и 18-й механизированных дивизий Войска Польского. Эта тесная кооперация нацелена одновременно против Калининградской области и Республики Беларусь. Это значимый, но лишь частный пример угроз для РФ и Беларуси, которые порождают ускоренный рост ВС Польши и укрупнение военного присутствия Германии в Восточной Европе.

Фактор второго президентства Д. Трампа (с 2025 г.) окажет по сравнению с первым меньшее негативное влияние на готовность РП к сотрудничеству с ФРГ как минимум по причине взаимного повышенного интереса Варшавы и Берлина к недопущению ослабления позиций на Украине. В случае если в перспективе Украина вступит в ЕС, это принесет Германии не меньшие выгоды, чем Польше. Среди прочего в пользу Украины будет частично уменьшено лидирующее положение в «новой Европе» Польши, что объективно укрепит позиции в диалоге с ней у Германии.

Список литературы

1. *Вторая мировая война. Итоги и уроки*, 1985, М., Воениздат, 448 с.
2. Рубинский, Ю.И. 2017, Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник», *Современная Европа*, №1, с. 123—126. EDN: YIZTUN, <https://doi.org/10.15211/soveurope120173844>
3. Трунов, Ф.О. 2024, Теория и практика функционирования форматов межправительственных консультаций: кейс ФРГ, *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, т. 19, №2, с. 56—69. EDN: NWTZBD, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-03>
4. Balcer, A., Blusz, K., Schmieg, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 36 p., URL: https://wise-europa.eu/wp-content/uploads/2017/12/GermanyPoland_and_the_future_of_transatlantic_community1.pdf (дата обращения: 07.02.2025).
5. Белов, В.Б. 2018, Европейский вектор внешней политики коалиционного правительства ФРГ, *Современная Европа*, №4, с. 46—56. EDN: YORUOD, <https://doi.org/10.15211/soveurope420184656>
6. Неменский, О.Б. 2024, Историческая политика партии «Право и справедливость» в 2015—2019 гг., *Проблемы национальной стратегии*, №1, с. 180—205. EDN: ZDHUZS, https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180
7. Трунов, Ф.О. 2023, Фактор выборов в межгосударственных отношениях: политический диалог Германия — Польша (2013—2022), *Актуальные проблемы Европы*, №2, с. 109—137. EDN: PDFGFN, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
8. Пронько, В.А. 2000, Военная стратегия после Второй мировой войны, в: Золотарев, В.А. (ред.), *История военной стратегии России*, М., Кучково поле; Полиграфресурсы, с. 377—496, URL: http://militera.lib.ru/science/history_russian_strategy/index.html (дата обращения: 07.02.2025).

9. Белинский, А.В. 2024, Соседи, партнеры, конкуренты: Западная и Центрально-Восточная Европа на переломе эпох, *Актуальные проблемы Европы*, №2, с. 22—39. EDN: MQFGGER, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.02>
10. Трунов, Ф.О. 2019, Германо-польские отношения на современном этапе: Политико-военное измерение, *Актуальные проблемы Европы*, №3, с. 169—190. EDN: JKBWSP, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.08>
11. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, №12, 8 p., URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deutschland-und-polen-kooperation-trotz-differenzen> (дата обращения: 07.02.2025).
12. Трунов, Ф.О. 2024, Особенности функционирования форматов межправительственных консультаций с участием ФРГ, *Современная Европа*, №2, с. 45—56. EDN: USYANI, <https://doi.org/10.31857/S0201708324020049>
13. Трунов, Ф.О. 2022, Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г., *Россия и современный мир*, №4, с. 100—122. EDN: TYNRGV, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06>
14. Клемешев, А.П., Ворожеина, Я.А. 2018, Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте, *Полис. Политические исследования*, №5, с. 17—28. EDN: YAENHWX, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03>
15. Дырина, А.Ф. 2023, В Польше выбирают «Право и справедливость»: успех партии на выборах в 2015 и 2020 годах, *Актуальные проблемы Европы*, т. 15, №2, с. 91—108. EDN: ARGISY, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05>
16. Дырина, А.Ф. 2023, Польша накануне парламентских выборов 2023 г.: польские правые готовятся к третьему сроку, *Актуальные проблемы Европы*, №4, с. 313—330. EDN: MWISME, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.15>
17. Lang, K.-O. 2023, *Die Welt der PiS*, Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, S. 12, 39 p., <https://doi.org/10.18449/2023S12>
18. Дырина, А.Ф. 2023, Результаты парламентских выборов в Польше (2023): новое правительство во главе с Д. Туском, *Актуальные проблемы Европы*, №2, с. 107—122. EDN: QPBYKT, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.06>
19. Клемешев, А.П., Ворожеина, Я.А. 2022, Калининградская область в условиях изменения геополитической ситуации в Европе, *Проблемы национальной стратегии*, №4, с. 243—255. EDN: LKQOBV, https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_4_243
20. Зверев, Ю.М. 2023, Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада, *Балтийский регион*, №4, с. 24—41. EDN: HOTSGX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
21. Зверев, Ю.М., Межевич, Н.М. 2024, *Милитаризация Польши и возможные ответы союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности*, Калининград, Балтийский федеральный университет, 126 с. EDN: EXWGVN
22. Зверев, Ю.М., Межевич, Н.М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, №3, с. 64—82. EDN: SQTQZW, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
23. Овчарук, А.П. 2024, Политика Польши в украинском кризисе и ее последствия для России, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, №1, с. 110—124. EDN: IGKWQM
24. Русакова, М.Ю. 2021, Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном строительстве, *Современная Европа*, №1, с. 52—61. EDN: WQIUWK, <https://doi.org/10.15211/soveurope120215261>
25. Биткова, Т.Г., Дырина, А.Ф. 2024, Место Центральной и Восточной Европы в противостоянии США и КНР: примеры Польши и Румынии, *Актуальные проблемы Европы*, №4, с. 260—277. EDN: XKCZGJ, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.14>
26. Трунов, Ф.О. 2022, *Германская модель военных реформ*. М., ИНИОН РАН, 360 с. EDN: VMURYW
27. Fleckenstein, B. 1990, Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland — Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten, *SOWI-Arbeitspapier*, №44, 12 p.
28. Трунов, Ф.О. 2024, Распределение вклада между «западными демократиями» в сдерживание России и КНР, *Международные процессы*, т. 22, №1, с. 80—105. EDN: DHGNBW, <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4>

29. Трунов, Ф.О. 2024, Эволюция военного присутствия США в Европе (2017—2023 годы), *США и Канада: экономика, политика, культура*, № 10, с. 64—80. EDN: YVVRCA, <https://doi.org/10.31857/S2686673024100058>
30. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 48, A 49, 8 p., <https://doi.org/10.18449/2022A49>
31. Menon, R., Rumer, E. 2015, *Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order*, Boston, Boston Review Book, 220 p.
32. Ondarza von, N. 2019, Der No-Deal Brexit, *Forschungsgruppe EU / Europa, AR*, № 1, 24 p.
33. Трунов, Ф.О. 2024, Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 61—80. EDN: JHXFDT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
34. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London, House of Commons Library, 69 p.
35. Трунов, Ф.О. 2024, Усиление сухопутных войск как индикатор приоритетов внешней политики Польши, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 3, с. 31—41. EDN: DJEYHT, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320243141>

Об авторе

Филипп Олегович Трунов, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

E-mail: 1trunov@mail.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

GERMANY'S APPROACH TO SECURITY AND DEFENCE COOPERATION WITH POLAND BY THE MID-2020s

Ph. O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences,
51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Received 24 February 2025

Accepted 21 April 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3

© Trunov, Ph. O., 2025

This article examines the evolution of German-Polish cooperation in the political and military spheres. Methodologically, it draws on comparative analysis and the theoretical framework of armed forces development. Against the backdrop of heightened confrontation between the Euro-Atlantic community and Russia, Poland's strategic orientation has echoed that of West Germany during the Cold War. Poland has asserted its role as the largest NATO member

To cite this article: Trunov, Ph. O. 2025, *Germany's approach to security and defence cooperation with Poland by the mid-2020s*, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 49—72. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3

state on the alliance's eastern border. It has significantly expanded its armed forces, and has become a key host of the large US military contingent. Poland expects to join the group of 'Western powers'. Concurrently, Germany has also strengthened its role within NATO. This has resulted in a complex dynamic of both cooperation and strategic rivalry between Germany and Poland. Germany has conceptually and practically emphasized the Weimar Triangle as a platform for representing EU interests, particularly in the post-Soviet space. In the 2010s, however, Poland suspended the activities of the Weimar Triangle and bilateral intergovernmental consultations in an effort to limit German influence. By the mid-2020s, both formats had been reactivated, and Germany had consolidated its position in relation to the Republic of Poland (RP). This shift was driven by Germany's growing influence in Eastern Europe beyond Poland and shared concerns about the weakening of Western influence in Ukraine and the broader post-Soviet region. Poland rapidly expanded its armed forces, becoming NATO's third-largest military by personnel in 2024. Germany has been more inert in its response, yet it has employed the Bundeswehr more rationally — particularly in the region considered a 'domestic' one — by establishing a ground presence both to its north and south. The article concludes by assessing the future trajectory of German-Polish security cooperation and the implications for the defence strategies of Russia and Belarus.

Keywords:

Germany, Poland, rising power, Weimar triangle, intergovernmental consultations, NATO, EU, armed forces, military expenditures, support of Ukraine

References

1. *World War II. The results and the lessons*, 1985, Moscow, Voenizdat, 448 p.
2. Rubinskiy, Yu. I. 2017, German-Polish relations and the Weimar Triangle, *Sovremennaya Evropa*, vol. 73, № 1, p. 123—126, <https://doi.org/10.15211/soveurope120173844>
3. Trunov, Ph. O. 2024, The theory and practice of formats of intergovernmental consultations functioning: the case of Germany, *International Organizations Research Journal*, vol. 19, № 2, p. 55—68, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-03>
4. Balcer, A., Blusz, K., Schmieg, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 36 p., URL: https://wise-europa.eu/wp-content/uploads/2017/12/GermanyPoland_and_the_future_of_transatlantic_community1.pdf (accessed 07.02.2025).
5. Belov, V. B. 2018, European vector of foreign policy of the new German government, *Sovremennaya Evropa*, № 4, p. 46—56, <https://doi.org/10.15211/soveurope420184656>
6. Nemensky, O. B. 2024, The Law and Justice party's "history policy" during 2015—2019, *Problemy natsional noi strategii=National Strategy Issues*, № 1, p. 180—205 (in Russ.), https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180
7. Trunov, Ph. O. 2023, The electoral factor in inter-state relations: Germany-Poland political dialogue (2013—2022), *Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 109—137 (in Russ.), <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
8. Pron'ko, V. A. 2000, The military strategy after World War II, *The history of military strategy of Russia*, p. 377—496 (in Russ.).
9. Belinsky, A. V. 2024, Neighbors, partners, competitors: Western and Central-Eastern Europe at the turn of the epoch, *Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 22—39 (in Russ.), <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.02>
10. Trunov, Ph. O. 2019, Current German-Polish relations: Political-military dimension, *Urgent Problems of Europe*, № 3, p. 169—190, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.08>
11. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p., URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deutschland-und-polen-kooperation-trotz-differenzen> (accessed 07.02.2025).
12. Trunov, Ph. O. 2024, Features of Intergovernmental consultations. The case of Germany, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 45—56, <https://doi.org/10.31857/S0201708324020049>
13. Trunov, Ph. O. 2022, The evolution of NATO's Forward Presence Force by mid-2022, *Russia and the contemporary world*, № 4, p. 100—122, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06>

14. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2018, National-conservative turn of Poland in geopolitical context, *Polis (Russian Federation)*, № 5, p. 17—28, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03>
15. Dyrina, A. F. 2023, Poland elects «Law and Justice»: the party's success in the 2015 and 2020 elections, *Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 91—108, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05>
16. Dyrina, A. F. 2023, Poland on the eve of the 2023 parliamentary elections: Polish right preparing for a third term, *Urgent Problems of Europe*, № 4, p. 313—330 (in Russ.), <https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.15>
17. Lang, K.-O. 2023, *Die Welt der PiS*, Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, S 12, 39 p., <https://doi.org/10.18449/2023S12>
18. Dyrina, A. F. 2023, Results of parliamentary elections in Poland (2023): new government led by D. Tusk, *Urgent Problems of Europe*, № 4, p. 107—122 (in Russ.), <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.06>
19. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2022, Kaliningrad oblast in changing geopolitical situation in Europe, *National strategy issues*, № 4, p. 243—255, <https://doi.org/10.52311/2079-3359>
20. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
21. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2024, *Militarization of Poland and possible responses of the union state within the framework of the theory of regional security complexes*, Kaliningrad, Baltic Federal University, 126 p. (in Russ.).
22. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad Region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic Region*, vol. 14, № 3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
23. Ovcharuk, A. P. 2024, Poland's policy in the Ukrainian crisis and its consequences for Russia, *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, № 1, p. 110—124 (in Russ.).
24. Rusakova, M. Yu. 2021, Poland and new trends in Central European regional configuration, *Sovremennaya Evropa*, № 101 (1), p. 52—61, <https://doi.org/10.15211/soveurope120215261>
25. Bitkova, T. G., Dyrina, A. F. 2024, The place of Central and Eastern Europe in the US — China rivalry: cases of Poland and Romania, *Urgent Problems of Europe*, № 4, p. 260—277, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.14>
26. Trunov, Ph. O. 2022, *The German model of military reforms*, Moscow, INION RAS, 360 p. (in Russ.).
27. Fleckenstein, B. 1990, Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland — Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten, *SOWI-Arbeitspapier*, № 44, 12 p.
28. Trunov, Ph. O. 2024, Burden-sharing between Western states in containing Russia and China Case of Land forces usage, *Mezhdunarodnye Protsessy*, vol. 22, № 1, p. 80—105, <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4>
29. Trunov, Ph. O. 2024, The evolution of the US military presence in Europe (2017—2023), *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, № 10, p. 64—80, <https://doi.org/10.31857/S2686673024100058>
30. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 48, A 49, 8 p., <https://doi.org/10.18449/2022A49>
31. Menon, R., Rumer, E. 2015, *Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order*, Boston, Boston Review Book, 220 p.
32. Ondarza von, N. 2019, Der No-Deal Brexit, *Forschungsgruppe EU / Europa, AR*, № 1, 24 p.
33. Trunov, Ph. O. 2024, Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 61—80, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
34. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*, London, House of Commons Library, 69 p.
35. Trunov, Ph. O. 2024, Strengthening of ground forces as an indicator of Poland's foreign policy priorities, *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, № 3, p. 31—41 (in Russ.), <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320243141>

The author

Prof Philipp O. Trunov, Leading Research Fellow, the Department of Europe and America, the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

E-mail: 1trunov@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

EDN: FTVXSA

ОЦЕНКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СТРАН БАЛТИИ

А. Д. Жуковский

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
125167, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49/2

Поступила в редакцию 10.12.2024 г.
Принята к публикации 09.04.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-4
© Жуковский А. Д., 2025

Статья посвящена оценке уровня развития и современного состояния сельских территорий стран Балтии на примере Латвии, Литвы и Эстонии. Основная цель исследования — выявление ключевых аспектов сельскохозяйственного производства, демографической ситуации в сельских районах, социально-экономических вызовов, с которыми сталкиваются данные территории, а также выработка рекомендаций для их устойчивого и инклюзивного роста. Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, учитывающем демографические, экономические, социальные и экологические аспекты развития сельских территорий. Для анализа использовались методы сравнительного анализа, системного подхода и анализа статистических данных. Для углубленного изучения — методы экономико-географического анализа и анализа документов Европейского союза, включая программы CAP (Common Agricultural Policy). Результаты исследования выделяют как общие, так и специфические для каждой из стран Балтии проблемы сельских территорий, такие как депопуляция, старение населения, высокие уровни безработицы, низкий уровень занятости и инфраструктурные диспропорции. Основное внимание уделено анализу тенденций в сельском хозяйстве, включая влияние европейской сельскохозяйственной политики, изменения в структуре аграрного сектора, а также внедрение инновационных технологий. Подчеркивается важность усиления государственной поддержки сельского хозяйства, использования устойчивых методов производства и улучшения качества жизни сельского населения. Данная статья закладывает основу для дальнейших исследований, включая изучение роли и важности интеграции сельских территорий в национальные и европейские экономические процессы, усиление государственной и международной поддержки, а также разработку программ, ориентированных на повышение качества жизни в сельской местности с участием местных сообществ, в том числе волостных советов, союзов фермеров, ассоциаций предпринимателей.

Ключевые слова:

сельские территории, неурбанизированные территории, сельское хозяйство, сельское население, устойчивое развитие, региональная экономика, пространственное развитие, страны Балтии

Для цитирования: Жуковский А. Д. Оценка уровня развития и современного состояния сельских территорий стран Балтии // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 73–99. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-4

Введение. Постановка проблемы

В условиях современных геополитических и геоэкономических изменений неурбанизированные территории оказываются в фокусе пристального научного внимания в силу своих демографических, экономических и социальных особенностей [1—4], а их социально-экономическое развитие является одним из ключевых аспектов формирования сбалансированного пространственного развития страны [5—8].

Особый интерес представляют страны Балтийского региона¹, поскольку их географическое расположение на стыке Восточной и Западной Европы определяет уникальные социально-экономические характеристики. Особенно остро ощущают вызовы, связанные с развитием сельских территорий, Латвия, Литва и Эстония. После восстановления независимости и интеграции в Европейский союз страны Балтии проделали значительный путь в модернизации своих экономических моделей², однако этот процесс часто сопровождался ухудшением состояния сельских территорий. Уход от централизованного планирования, переориентация на рыночную экономику и открытие границ привели к масштабным изменениям, включая отток населения из сельской местности, снижение занятости и рост региональных диспропорций. Введение в ЕС программ сельского развития, включая субсидии и гранты на модернизацию сельского хозяйства, инфраструктуры и устойчивое развитие, стало важным шагом в поддержке сельских территорий [11—13]. Однако, несмотря на эти усилия, сельские территории стран Балтии продолжают сталкиваться с рядом острых проблем, включая демографический спад, старение населения, сокращение рабочих мест и инфраструктурные диспропорции [14—16].

Актуальность данной статьи обусловлена рядом противоречий, возникающих в процессе анализа и оценки развития сельских территорий стран Балтии. Во-первых, несмотря на значительный аграрный потенциал сельских территорий (в Эстонии сельскохозяйственные угодья занимают 1,2 млн га, в Латвии — 2,5 млн га (около 40 % территории страны), в Литве — 3,3 млн га (более 50 % территории), экономическая активность в этих регионах остается ограниченной. Одной из ключевых проблем является низкий уровень модернизации сельского хозяйства (так, в Латвии на 1 га приходится всего 0,15—0,20 единиц сельскохозяйственной техники, в Литве — 0,18, в Эстонии — 0,25), что свидетельствует о недостаточной оснащенности сельхозпроизводства, несмотря на усилия по внедрению инноваций, поддерживаемые европейскими субсидиями и программами [17]. Во-вторых, инфраструктурные проекты не всегда решают проблемы доступности образования, здравоохранения и цифровых технологий, что препятствует улучшению качества жизни сельских жителей [18]. В-третьих, демографический кризис, выражающийся в старении населения и эмиграции молодежи, усиливает разрыв между урбанизированными и неурбанизированными территориями, что создает угрозу для устойчивости сельских сообществ [19; 20]. В-четвертых, программы ЕС предоставляют значительные ресурсы для развития сельских регионов, однако эффективность их освоения и применения на местном уровне остается спорной из-за бюрократических барьеров и недостатка координации [21; 22]. И наконец, в-пятых, сельские территории играют важную роль в поддержании экологического равновесия, но также сталкиваются с вызовами, связанными с изменением климата, деградацией

¹ В исследовании используется понятие «Балтийский регион» в его устоявшемся современном международно-политическом понимании — регион вокруг Балтийского моря, образуемый странами, состоящими в Совете государств Балтийского моря на начало 2022 г. [9; 10].

² Swistek, G., Paul, M. 2023, Geopolitics in the Baltic Sea Region, *SWP Comment*, №9, February, URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C09/> (дата обращения: 10.11.2024).

почв и сокращением биоразнообразия [23; 24]. В целом указанные противоречия требуют глубокого анализа для разработки стратегий, способных обеспечить гармоничное и устойчивое развитие сельских территорий стран Балтии.

Цель статьи — провести комплексную оценку уровня развития сельских территорий стран Балтии, исследуя их аграрный потенциал, социально-экономическое состояние и влияние европейских программ на модернизацию сельских районов. В рамках исследования особое внимание уделяется демографическим изменениям, миграционным процессам, состоянию рынка труда, а также влиянию европейской политики на развитие сельских территорий Латвии, Литвы и Эстонии.

Для достижения поставленной цели в статье излагаются следующие ключевые аспекты:

- экономический потенциал сельских территорий стран Балтии: анализ природных и аграрных ресурсов Эстонии, Латвии и Литвы;
- проблемы и вызовы сельских территорий: рассмотрение демографических изменений, таких как депопуляция, старение населения, миграция, а также проблемы с инфраструктурой и доступом к современным технологиям;
- влияние европейской поддержки и программ: анализ эффективности использования фондов ЕС и других международных ресурсов для развития сельского хозяйства и модернизации инфраструктуры;
- перспективы и рекомендации: выработка стратегий и рекомендаций для стимулирования роста сельских территорий, оптимизации политики, направленной на улучшение качества жизни и устойчивое развитие сельских районов.

Методология исследования

Предваряя результаты исследования, важно отметить, что между понятиями «сельские» и «неурбанизированные» территории, несмотря на их пересечение, есть существенные различия. Сельские территории, включая сельхозугодья, фермерские хозяйства и предприятия агропромышленного комплекса, непосредственно связаны с аграрной деятельностью. Неурбанизированные территории охватывают более широкий спектр земель, включая природоохранные зоны, леса и территории эко-туризма. В рамках данного исследования акцент сделан на сельских территориях, поскольку они являются основой аграрного сектора. Их анализ позволяет глубже понять ключевые экономические, демографические и инфраструктурные процессы, влияющие на развитие сельского хозяйства. Четкое разграничение терминов обеспечивает точность исследования и позволяет сосредоточиться на проблемах и перспективах сельских районов стран Балтии в контексте их устойчивого развития.

За последние десятилетия в странах Балтии произошли значительные трансформационные процессы, которые привели к формированию уникальных национальных экономических моделей, отражающих основные принципы и особенности функционирования их хозяйственных систем [25] и выступающих индикаторами способности к адаптации в условиях глобальных, региональных и внутренних изменений [26]. Формирование таких моделей стало результатом взаимодействия множества факторов: историческое наследие, экономическую реструктуризацию после выхода из состава СССР, интеграцию в европейское и мировое экономическое пространство, а также адаптацию к вызовам глобализации [27; 28]. В связи с этим оценку уровня развития и современного состояния сельских территорий стран Балтии целесообразно проводить через призму их национальных экономических моделей, поскольку такой подход позволяет учитывать многоуровневый и многокомпонентный характер как внутренних, так и внешних аспектов, влияющих на тенденции их развития.

При анализе экономических моделей стран Балтии следует понимать, что любая экономическая модель — это упрощенное представление основных экономических и политических процессов, что позволяет лучше понять их функционирование в определенных условиях [29—32]. Сравнительный мониторинг национальных экономических моделей [33; 34] подтверждает, что не существует универсальных подходов к макроэкономическому регулированию. Каждая страна адаптирует свои методы в ответ на специфические внутренние и внешние факторы [35; 36]. Важно рассматривать экономические модели стран Балтии как рыночные системы, где ключевыми аспектами являются открытость рынков, интеграция в международную экономику, а также участие в Европейском союзе, что в значительной степени повлияло на их экономическое развитие и адаптацию к мировым трендам [37; 38]. Латвийская модель ориентирована на открытость экономики с акцентом на внешнюю торговлю и привлечение иностранных инвестиций. Основные сектора — транспорт, логистика и финансовые услуги, что делает экономику уязвимой к внешним шокам. Важной частью латвийской модели стала активная интеграция в Европейский союз, включая финансирование инфраструктурных проектов и инноваций. Эстонская модель выделяется как цифровая экономика, активно внедряющая новые информационные технологии и цифровые сервисы. С высокой степенью экономической либерализации страна делает акцент на инновационное развитие, обеспечивая лидерство в электронных госуслугах и цифровых технологиях. В этой модели государственное вмешательство играет важную роль, поддерживая стартапы и цифровизацию. Литовская модель является более сбалансированной, сочетая рыночные механизмы с поддержкой внутреннего производства и промышленности. Литва активно развивает агропромышленный комплекс, биотехнологии и фармацевтику, при этом использует инфраструктуру ЕС для укрепления региональных связей и экономической интеграции [39; 40].

Таким образом, будучи высоко интегрированными в международные рынки, такие небольшие открытые социально-экономические системы, как сельские территории Латвии, Литвы и Эстонии, характеризуются тесной взаимосвязью между региональными экономическими процессами и глобальными социально-экономическими, политическими и технологическими трендами [41]. Несмотря на относительно небольшой размер и отдаленность от крупных урбанистических центров, сельские районы подвергаются влиянию широкого спектра факторов, которые формируют их социально-экономическую модель развития [42; 43]. В связи с этим оценка уровня развития и современного состояния сельского хозяйства и сельского населения стран Балтии важна не только для понимания внутренних процессов, но и для определения их роли в реализации европейской политики регионального развития и их успешной интеграции в глобальную экономическую систему.

Методология данного исследования помимо общенаучных методов (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также принципов (объективности, релевантности, верифицируемости и историзма) включает комплекс историко-экономических методов, позволяющих создать целостную картину исторического развития и преемственности социально-экономического состояния сельских территорий Латвии, Литвы и Эстонии. Применение этих подходов позволяет выявить долгосрочные тенденции и ключевые моменты в развитии сельских и отдаленных регионов этих стран. Дополнительно в исследовании используется междисциплинарный методологический синтез, который позволяет интегрировать научные подходы и методики из различных гуманитарных дисциплин, включая политологию, социологию и экономику. При оценке уровня развития и современного состояния сельского хо-

зяйства и сельского населения стран Балтии использованы статистические данные Центрального статистического управления Латвии, Департамента статистики Литвы, Статистики Эстонии.

Результаты исследования и их обсуждение

Исторически страны Балтии благодаря своему расположению на пересечении европейских и евразийских экономических и политических интересов, играют важную стратегическую роль в социально-экономическом и политическом пространстве Европы [44]. После обретения независимости в 1991 г. Латвия, Литва и Эстония смогли не только интегрироваться в мировую экономику, но и добиться впечатляющих результатов в трансформации от централизованной плановой экономики к рыночной системе. Стремительный рост в 2000-е гг., характеризующийся значительными объемами иностранных инвестиций и активным развитием ключевых отраслей, позволил этим странам получить неофициальное название «прибалтийских тигров», демонстрирующих высокие и стабильные темпы экономического роста [45; 46].

Однако по состоянию на 2024 г. (с момента вступления стран Балтии в Европейский союз в 2004 г.) статистические данные Евростата относят Латвию, Литву и Эстонию к странам с высокой степенью неравенства и небольшими размерами среднего класса¹. Латвия в настоящее время включена в группу девяти стран с низким уровнем дохода, тогда как Литва и Эстония относятся к категории стран со средним уровнем материального благополучия², что ограничивает их экономическую устойчивость и социальную стабильность [47]. Несмотря на провозглашенную в Договоре о функционировании ЕС³ цель, направленную на устойчивое сближение экономических параметров государств-членов⁴, процесс выравнивания показателей социально-экономического развития этих стран до сих пор далек от завершения. Экономике стран Балтии по-прежнему остаются во многом дотационными, а качество жизни населения сильно ухудшилось [48; 49]. Вместо устойчивого роста благосостояния наблюдаются высокие уровни социального неравенства, бедности и ограниченный доступ к социальным благам [50]. Для решения этих проблем ЕС инициировал программу «Европейская опора социальных прав» (European Pillar of Social Rights⁵), призванную служить ориентиром для разработки и реализации национальных стратегий, направленных на снижение социального неравенства и создание устойчивой социальной системы [51]. Однако ее воплощение сталкивается с

¹ European macroeconomic policies amidst shifting priorities, 2024, *Benchmarking Working Europe 2024*, ETUI and ETUC.

² Special Eurobarometer 546. Social Europe. Eurobarometer report fieldwork, 2024, *European Commission*, URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3187> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union, 2020, Art. 121 (3), *Official Journal of the European Union*, 30.03.2010, URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2563a53a-9617-4f41-9268-7d21b62926c1.0007.01/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.11.2024).

⁴ Среди ключевых индикаторов успешности интеграции можно выделить рост качества и уровня жизни, снижение цен на товары и услуги благодаря функционированию свободного рынка, а также снижение инфляции и повышение благосостояния, которые были основными ожиданиями новых членов ЕС.

⁵ European Pillar of Social Rights, 2021, URL: https://employment-social-affairs.ec.europa.eu/policies-and-activities/european-pillar-social-rights-building-fairer-and-more-inclusive-european-union_en (дата обращения: 12.11.2024).

вызовами, связанными с разрывами в уровнях социального и экономического развития стран-членов, ограниченными ресурсами и сложностями согласования национальных и европейских приоритетов.

Кроме того, экономические вызовы последних лет, включая мировой финансовый кризис 2008 г., пандемию COVID-19 и усиление геополитической напряженности, оказали разноплановое влияние на экономическое развитие стран Балтии, что отчетливо демонстрируется показателями ВВП трех стран (табл. 1). Однако макроэкономическая динамика отражает не только общее состояние национальных экономик, но и их способность поддерживать устойчивое развитие сельских территорий, которые являются важной частью социально-экономической структуры региона.

Таблица 1

Показатели ВВП стран Балтии, 2005 – 2024 гг., на 1 января текущего года

Показатель	2005	2010	2015	2020	2024	Темп роста, 2024 г. к 2005 г., %
<i>Латвия</i>						
Объем ВВП, млн евро	4,87	5,07	6,81	6,54	7,81	160,4
Темп роста ВВП, %	6,0	– 10,7	4,5	– 1,3	0,1	1,7
ВВП на душу населения, тыс. евро	10,5	11,0	13,8	15,3	16,9	160,9
<i>Литва</i>						
Объем ВВП в сопоставимых ценах, млн евро	9,06	9,06	11,1	13,5	14,8	163,4
Темп роста ВВП, %	5,5	– 1,0	1,4	2,9	3,0	54,5
ВВП на душу населения, тыс. евро	9,77	1,11	14,3	17,2	18,2	186,3
<i>Эстония</i>						
Объем ВВП в сопоставимых ценах, млн евро	4,72	4,72	5,62	6,63	6,66	141,1
Темп роста ВВП, %	4,5	– 1,7	1,0	– 1,0	– 2,2	– 48,8
ВВП на душу населения, тыс. евро	14,6	14,6	17,4	20,1	20,2	121,7

Рассчитано на основе данных Central Statistical Bureau of Latvia¹; Statistics Lithuania²; Statistics Estonia³.

Сравнительный анализ динамики ВВП стран Балтии показывает, что Литва обладает наиболее устойчивой экономикой, способной быстрее восстанавливаться после кризисов, в то время как Латвия и Эстония сталкиваются с существенными вызовами, замедляющими их экономическое развитие. Литва демонстрирует наиболее стабильный и динамичный рост среди стран Балтии. С 2005 по 2024 г. ее ВВП вырос с 9,06 до 14,8 млрд евро. ВВП на душу населения увеличился почти в два раза, достигнув 18,2 тыс. евро. Особенно примечательны темпы роста Литвы в кризисные годы. Так, в 2024 г. был зафиксирован прирост на уровне 3,0%, что свидетельствует об успешной адаптации к внешним и внутренним вызовам. Латвия

¹ Латвия — ВВП: 1987—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, *Trading Economic*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/latvia/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

² Литва — ВВП: 1990—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/gdp>, *Trading Economic*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Эстония — ВВП, 1987—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/estonia/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

также показала значительное увеличение объема ВВП (с 4,87 до 7,81 млрд евро, рост на 224,4 %). Однако экономическое развитие страны сопровождалось периодами значительной нестабильности. Например, спад в 2020 г. (– 1,3 %) и низкий рост в 2024 г. (0,1 %) указывают на структурные проблемы и низкую инвестиционную активность. Эстония продемонстрировала самый скромный рост объемов ВВП среди стран Балтии (с 4,72 млрд евро в 2005 г. до 6,66 млрд евро в 2024 г.). Несмотря на высокий показатель ВВП на душу населения (20,2 тыс. евро в 2024 г.), в последние годы экономика страны страдает от длительного спада. В 2024 г. темп роста ВВП составил – 2,2 %, что связано с сокращением инвестиций и частного потребления.

На фоне замедления темпов роста ВВП и в некоторых случаях их снижения кризис стоимости жизни оказал тяжелое воздействие на домохозяйства сельской местности, сделав многие из них особенно уязвимыми перед экономическими потрясениями. Рост цен на базовые товары и услуги (продукты питания, топливо, коммунальные услуги и жилье) усилил финансовую нагрузку на семьи, особенно на представителей низшего и среднего классов, что, в свою очередь, усугубило проблему бедности, увеличило социальное расслоение и привело к маргинализации значительной части населения¹.

Важно обратить внимание на ключевые экономические показатели, которые играют центральную роль в формировании макроэкономической устойчивости стран Балтии (табл. 2). Особенно это актуально в контексте сельских территорий, где макроэкономическая ситуация может существенно повлиять на доступ к финансированию, инвестициям в инфраструктуру и сельское хозяйство, а также на возможности трудовой миграции и занятости.

Таблица 2

**Ключевые экономические показатели стран Балтии,
2005 – 2024 гг., на 1 января текущего года**

Показатель	2005	2010	2015	2020	2024	Темп роста, 2024 г. к 2005 г., %
<i>Латвия</i>						
Торговый баланс, млн евро	– 150,2	– 112,1	– 122,5	– 113,4	61,6	– 41,0
Экспорт, млн евро	268,9	380,3	801,2	1080,0	1670,0	621,0
Импорт, млн евро	419,2	492,4	923,7	1200,0	1600,0	381,6
Прямые иностранные инвестиции, млн евро	66,0	– 4,0	90,0	78,00	203,0	307,5
Индекс промышленного производства, %	1,9	4,9	– 2,8	– 4,2	– 2,7	– 142,10
Уровень инфляции, %	6,7	– 3,3	0,4	– 0,7	0,9	13,4
<i>Литва</i>						
Торговый баланс, млн евро	– 92,7	– 133,2	– 172,0	– 103,5	– 273,9	– 295,4
Экспорт, млн евро	653,6	900,5	1530,0	2230,0	3120,0	477,3
Импорт, млн евро	746,3	1030,0	1710,0	2330,0	3390,0	454,2
Прямые иностранные инвестиции, млн евро	221,1	232,7	211,1	69,4	431,3	195,1
Индекс промышленного производства, %	4,9	– 5,8	– 2,0	– 4,0	0,4	8,16
Уровень инфляции, %	2,9	1,0	– 1,5	3,0	0,7	24,1

¹ European macroeconomic policies amidst shifting priorities, 2024, *Benchmarking Working Europe 2024*, ETUI and ETUC, URL: <https://www.etui.org/publications/benchmarking-working-europe-2024> (дата обращения: 02.12.2024).

Окончание табл. 2

Показатель	2005	2010	2015	2020	2024	Темп роста, 2024 г. к 2005 г., %
<i>Эстония</i>						
Торговый баланс, млн евро	– 91,0	– 27,7	– 47,3	– 19,1	– 264,6	– 290,1
Экспорт, млн евро	495,3	519,5	864,1	1150,0	1330,0	268,5
Импорт, млн евро	515,4	547,3	966,1	1170,0	1600,0	310,4
Прямые иностранные инвестиции, млн евро	920,0	272,2	230,8	498,6	– 569,6	– 61,9
Индекс промышленного производства, %	4,7	0,7	– 0,8	– 8,2	– 10,2	– 217,0
Уровень инфляции, %	4,2	– 0,7	– 0,3	1,6	4,7	111,9

Рассчитано на основе данных Central Statistical Bureau of Latvia¹; Statistics Lithuania²; Statistics Estonia³.

Экономические показатели стран Балтии отражают не только различия в устойчивости их экономических моделей, но и специфические вызовы, с которыми сталкиваются эти государства в условиях глобальных и региональных экономических изменений. Литва демонстрирует наиболее стабильное развитие. Темп роста экспорта (+477,3%) является свидетельством конкурентоспособности литовских товаров на международных рынках, что связано с развитием ключевых отраслей, таких как пищевая промышленность, производство электроники и химическая продукция. Устойчивость потребительских настроений (+150,0%) в Литве указывает на стабильный уровень внутреннего спроса, который стимулирует экономическую активность. Однако на фоне роста внешней торговли сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса (–295,4%), что вызвано увеличением импорта товаров для развития инфраструктуры и производственных мощностей. В свою очередь, Латвия демонстрирует позитивные изменения в торговом балансе: переход от значительного дефицита (–150,2 млн евро в 2005 г.) к положительному значению (61,6 млн евро в 2024 г.) свидетельствует о значительных усилиях в оптимизации экспорта и импорта. Рост прямых иностранных инвестиций (+307,5%) показывает повышение привлекательности страны для зарубежных инвесторов, что связано с благоприятной налоговой политикой и интеграцией в еврозону. Однако низкий темп роста индекса промышленного производства (–142,1%) указывает на необходимость модернизации промышленной базы и стимулирования инноваций. Эстония, напротив, сталкивается с рядом структурных проблем. Снижение притока прямых иностранных инвестиций (–61,9%) вызвано неопределенностью в инвестиционном климате и конкуренцией со стороны других стран региона. Сокращение промышленного производства (–217,0%) отражает снижение производственной активности, что негативно влияет на общий экономический рост. Дефицит торгового баланса (–290,1%) остается вызовом, свидетельствуя о зависимости страны от импорта товаров. Однако экспорт показывает умеренный рост (+268,5%), что демонстрирует наличие потенциала для расширения внешних рынков, особенно в высокотехнологичных отраслях.

¹ Latvia Indicators, 2024, *Trading Economics*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/latvia/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Lithuania Indicators, 2024, *Trading Economics*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Estonia Indicators, 2024, *Trading Economics*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/estonia/> (дата обращения: 11.11.2024).

Безусловно, замедление экономического роста неизбежно привело к ухудшению социально-экономической ситуации, что проявилось в снижении рождаемости, демографическом спаде, активизации миграционных процессов и ослаблении устойчивости ряда ключевых отраслей экономики. Одним из наиболее заметных последствий является устойчивое сокращение сельского населения в странах Балтии, что обусловлено как естественными демографическими процессами, так и внешней миграцией (табл. 3).

Таблица 3

**Численность населения в странах Балтии,
2000—2024 гг., на 1 января текущего года, чел.**

Показатель	2005	2010	2020	2023	2024	Темп роста, 2024 г. к 2000 г., %
<i>Латвия</i>						
Все население	2 381 715	2 120 504	1 907 675	1 891 000	1 873 000	78,6
Городское население	1 619 566	1 463 148	1 293 197	1 315 000	1 307 000	80,7
Сельское население	762 149	657 356	614 478	568 000	566 000	74,3
<i>Литва</i>						
Все население	3 355 220	3 329 039	2 794 300	2 860 002	2 851 853	84,9
Городское население	2 517 338	2 230 456	1 882 000	1 966 000	1 930 992	76,7
Сельское население	1 184 629	1 098 582	912 300	894 002	920 861	77,7
<i>Эстония</i>						
Все население	1 401 250	1 333 290	1 328 889	1 365 884	1 374 687	98,1
Городское население	952 850	919 970	900 365	928 773	899 574	94,4
Сельское население	448 400	413 320	428 524	437 111	475 113	105,9

Рассчитано на основе данных Central Statistical Bureau of Latvia¹; Statistics Lithuania²; Statistics Estonia³.

В целом все три страны сталкиваются с демографическими вызовами, но проблемы, связанные с депопуляцией и сокращением сельского населения, особенно выражены в Латвии и Литве. Сельское население Латвии сократилось на 25,7 % (с 762 тыс. чел. в 2005 г. до 566 тыс. в 2024 г.), что обусловлено ухудшением жизни на сельских территориях, где миграция в города и за рубеж является актуальной проблемой. В Литве снижение сельского населения составило 22,3 % (с 1,18 млн чел. в 2005 г. до 920 тыс. в 2024 г.) по причине утечки кадров и нехватки рабочих мест, что приводит к оттоку людей в более урбанизированные районы и за рубеж. В отличие от других стран Эстония демонстрирует небольшой рост сельского населения (105,9 % от уровня 2005 г.), что связано с улучшением экономической ситуации в сельской местности и развитием инфраструктуры.

Безусловно, вступление стран Балтии в Европейский союз открыло для их граждан новые возможности на европейском рынке труда, предоставив доступ к более высоким доходам и лучшим условиям жизни в развитых странах (Ирландия,

¹ Латвия — ВВП: 1987—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, *Trading Economic*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/latvia/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

² Литва — ВВП: 1990—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/gdp>, *Trading Economic*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Эстония — ВВП, 1987—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/estonia/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

Германия, Великобритания, Скандинавские страны). Однако членство в ЕС принесло и значительные проблемы, прежде всего связанные с миграцией [52]. В последние годы эти проблемы приобрели политическую окраску и стали одними из самых острых для стран Балтии. Например, Латвия и Литва столкнулись с высокой тенденцией эмиграции в ЕС, где на долю мигрантов из этих стран приходится значительная часть эмиграционного потока (табл. 4).

Таблица 4

**Миграционные процессы в странах Балтии,
2005 — 2024 гг., на 1 января текущего года, чел.**

Показатель	2005	2010	2015	2020	2024
<i>Латвия</i>					
Эмиграция	17 643	39 651	20 119	13 953	11 600
Иммиграция	6 691	4 011	9 479	3 147	2 415
Нетто-миграция (сальдо)	– 10 952	– 35 640	– 10 640	– 10 806	– 9 185
<i>Литва</i>					
Эмиграция	57 885	83 157	44 533	43 100	38 800
Иммиграция	6 789	5 213	22 130	20 800	22 000
Нетто-миграция (сальдо)	– 51 096	– 77 944	– 22 403	– 22 300	– 16 000
<i>Эстония</i>					
Эмиграция	4 610	5 294	13 003	12 427	12 543
Иммиграция	1 436	2 810	15 413	16 209	26 399
Нетто-миграция (сальдо)	– 3 174	– 2 484	2 410	3 782	13 856

Рассчитано на основе данных Central Statistical Bureau of Latvia¹; Statistics Lithuania²; Statistics Estonia³.

В отличие от Литвы и Латвии Эстония демонстрирует устойчивое положительное сальдо миграции, увеличив его с – 3 174 в 2005 г. до + 5 718 в 2024 г. за счет роста иммиграции (с 1 436 до 26 399 чел.), и относительно стабильный уровень эмиграции (14 491 чел. в 2024 г.). Страна активно развивает сектор высоких технологий, что привлекает квалифицированных специалистов. Однако массовый отток трудоспособного населения, особенно молодежи в возрасте 20—29 лет, является серьезным вызовом для всех государств. Латвия оказалась на первом месте, потеряв 31 % этой возрастной группы, Литва — 20 %, а Эстония — 17 %.

Миграционное поведение населения, в свою очередь, усугубляет проблему старения, поскольку высокие уровни эмиграции способствуют сокращению доли молодежи. Одновременно снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни в исследуемых странах приводят к росту числа пожилых граждан. По прогнозным данным ООН, к 2050 г. около 30 % населения Латвии, Литвы и Эстонии будет старше 65 лет⁴. Такой демографический сдвиг представляет собой серьезный

¹ Латвия — ВВП: 1987—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, *Trading Economic*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/latvia/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

² Литва — ВВП: 1990—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/gdp>, *Trading Economic*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Эстония — ВВП, 1987—2023. Данные, 2024—2025, прогноз, 2024, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/estonia/gdp> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2022, *World Population Prospects 2022: Summary of Results*, UN DESA/POP/2022/TR/NO, URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

вызов для социальных и пенсионных систем стран Балтии, которые уже испытывают давление из-за снижения численности экономически активного населения и миграционных процессов. Тем не менее правительства этих стран пока не предпринимают достаточных усилий для исправления ситуации. Например, в Латвии прекращена программа возвращения молодых специалистов, на которую выделялось 72 тыс. евро в рамках поддержки реэмиграции образованной молодежи. В Эстонии бюджет Фонда интеграции и миграции «Наши люди» (MISA), направленный на содействие репатриации и реэмиграции соотечественников, составляет всего 80 тыс. евро в год, что явно недостаточно для решения проблемы. В Литве программы государственного содействия возвращению соотечественников отсутствуют вовсе, что усиливает утечку кадров и закрепляет отрицательные демографические тренды¹.

Отток рабочей силы в странах Балтии оказал заметное воздействие на рынок труда, особенно в сельских районах, где ситуация с трудовыми ресурсами и так особенно напряженная. Сельское население этих стран, уже испытывающее демографический спад, столкнулось с дополнительными трудностями, поскольку большое количество молодых людей и квалифицированных специалистов покидает родные территории в поисках работы в более развитых регионах Европы.

В ответ на вызов преодоления разрыва в социально-экономическом развитии неурбанизированных территорий в странах Балтии реализуется Единая сельскохозяйственная политика (Common Agricultural Policy, CAP), в рамках которой осуществляются поддержка доходов фермерских хозяйств, внедрение мер, регулирующих аграрные рынки (First Pillar), а также применяются инструменты позитивного воздействия на состояние сельских территорий (Second Pillar)².

Подтверждая важность сельских территорий для развития стран Балтии, статистика демонстрирует рост добавленной стоимости сельского хозяйства во всех трех странах, основной причиной которого является сочетание нескольких факторов: более высокая стоимость продукции, повышение производительности, снижение затрат и расширение переработки сельскохозяйственной продукции. Однако стоит отметить, что в зависимости от страны имеются определенные различия в динамике других ключевых показателей (табл. 5).

Таблица 5

**Ключевые показатели сельского хозяйства в странах Балтии,
2017 – 2024 гг., на 1 января текущего года**

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, 2024 г. к 2017 г., %
<i>Латвия</i>									
Доля сельского хозяйства в ВВП, %	3,26	3,55	3,60	3,76	4,00	4,14	5,01	4,17	127,9
Добавленная стоимость сельского хозяйства, млрд евро	0,92	1,08	1,24	1,29	1,38	1,63	2,02	1,82	197,8

¹ Аналитический портал RuBaltic, 2016, URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/301216-itogiemigratsii-2016> (дата обращения: 11.11.2024).
² The common agricultural policy (CAP) is about food, the environment and the countryside, 2024, URL: https://agriculture.ec.europa.eu/common-agricultural-policy_en (дата обращения: 11.11.2024).

Окончание табл. 5

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, 2024 г. к 2017 г., %
Сельскохозяйственные земли, %	30,08	30,28	31,03	31,06	31,14	31,50	31,64	31,66	105,2
Индекс производства продукции растениевод- ства, %	112,1	105,6	107,8	71,00	106,5	117,2	100,5	105,2	93,8
Индекс производства продуктов питания, %	107,2	104,0	106,1	83,60	104,8	110,7	101,4	103,9	96,9
Индекс производства продукции животновод- ства, %	100,1	101,7	103,7	101,6	102,2	101,3	102,5	102,0	101,8
<i>Литва</i>									
Доля сельского хозяйства в ВВП, %	3,11	3,51	2,88	3,10	3,51	3,40	3,97	2,99	96,1
Добавленная стоимость сельского хозяйства, млрд евро	1,34	1,68	1,55	1,70	2,00	2,27	2,82	2,32	173,1
Сельскохозяйственные земли, %	47,13	47,98	47,16	46,86	47,05	47,51	46,99	46,92	99,5
Индекс производства продукции растениевод- ства, %	108,6	100,3	102,9	76,20	94,50	117,7	99,30	105,1	96,7
Индекс производства продуктов питания, %	106,0	99,00	100,7	83,80	94,40	107,6	96,10	99,50	93,8
Индекс производства продукции животновод- ства, %	102,0	97,10	97,50	95,00	94,60	92,60	91,40	91,20	89,4
<i>Эстония</i>									
Доля сельского хозяйства в ВВП, %	2,11	2,39	2,09	2,31	2,00	1,97	2,49	2,17	102,8
Добавленная стоимость сельского хозяйства, млрд евро	0,51	0,64	0,64	0,72	0,63	0,73	0,95	0,89	174,5
Сельскохозяйственные земли, %	22,41	22,84	23,07	22,97	23,04	23,12	23,04	23,09	103,0
Индекс производства продукции растениевод- ства, %	122,8	81,30	103,7	71,10	120,3	122,4	101,9	119,0	96,9
Индекс производства продуктов питания, %	111,2	91,40	99,60	84,70	106,8	107,7	98,20	105,7	95,0
Индекс производства продукции животновод- ства, %	101,6	99,80	96,10	95,80	95,60	95,60	95,00	94,60	93,1

Рассчитано на основе данных Business and economic data for 200 countries¹.

¹ Латвия: Доля сельского хозяйства в ВВП, 2023, *Global economy, world economy*, URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Latvia/Share_of_agriculture (дата обращения: 11.11.2024) ; Литва: Доля сельского хозяйства в ВВП, 2023, *Global economy, world economy*, URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Lithuania/Share_of_agriculture/ (дата обращения: 11.11.2024) ; Эстония: Доля сельского хозяйства в ВВП, 2023, *Global economy, world economy*, URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Estonia/Share_of_agriculture/ (дата обращения: 11.11.2024).

Самый высокий рост развития сельского хозяйства наблюдается в Латвии. Доля сельского хозяйства в ВВП выросла с 3,26 до 4,17 % (+27,9 %), добавленная стоимость сельского хозяйства увеличилась почти вдвое (+197,8 %), отражая рост эффективности и возможное улучшение доступа к рынкам. Однако низкий рост индексов производства продукции растениеводства (–6,2 %) и продуктов питания (–3,1 %) указывает на необходимость технологической модернизации и стимулирования внутреннего производства. Литва демонстрирует умеренный рост добавленной стоимости сельского хозяйства (+173,1 %), но доля сельского хозяйства в ВВП снизилась до 2,99 % (–3,9 %), указывая на структурные изменения в экономике. Наблюдается сокращение индексов производства продукции растениеводства (–3,3 %), продуктов питания (–6,2 %) и особенно животноводства (–10,6 %), что связано с проблемами на экспортных рынках. Эстония имеет наименьшую долю сельского хозяйства в ВВП (с 2,11 до 2,17 %, +2,8 %), что объясняется меньшей зависимостью от аграрного сектора. Однако добавленная стоимость сельского хозяйства выросла на 74,5 %, отражая внедрение инновационных подходов и более высокую производительность. Тем не менее сокращение индексов производства продуктов питания (–5,0 %) и животноводства (–6,9 %) говорит о необходимости дальнейшей диверсификации отрасли и активной государственной поддержки.

В настоящее время особое внимание уделяется поддержке сельских территорий через механизмы двух ключевых финансовых инструментов: Европейский фонд сельскохозяйственных гарантий (European Agricultural Guarantee Fund — EAGF) и Европейский фонд развития сельских территорий (European Agricultural Fund for Rural Development — EAFRD). Структурно расходы программы Common Agricultural Policy (CAP) выглядят так: около 70 % выделяется на прямую поддержку фермеров, что включает субсидии на производство, обеспечение стабильности доходов и компенсацию рисков, связанных с колебаниями цен на сельскохозяйственную продукцию; примерно 5 % направляется на рыночные меры, такие как стабилизация цен и обеспечение конкурентоспособности агропромышленного сектора в условиях глобальных вызовов; оставшиеся 25 % идут на развитие сельских районов, в том числе инфраструктурные проекты, поддержку малых сельских предприятий, модернизацию аграрной техники и внедрение устойчивых экологических практик (рис.).

Следует подчеркнуть, что в рамках CAP на протяжении последних лет значительное внимание уделялось вопросам развития сельской инфраструктуры, сохранения экологического баланса и поддержки местных сообществ. Однако в новом плановом периоде акцент стал делаться на «зеленый курс» ЕС, цели устойчивого развития и продвижение инновационных решений для сельских территорий. Данные тенденции отражаются в запуске и поддержке таких инициатив, как Small Places Matter («Маленькие места имеют значение»), Smart Rural 21 («Умное село XXI века») и Digital Europe Programme («Программа цифровизации Европы»), направленных на комплексную модернизацию сельских регионов, включая цифровизацию, развитие экологически чистого производства, поддержку малых хозяйств и повышение уровня жизни в сельских районах [53]. Данный подход демонстрирует растущую приверженность ЕС к созданию сбалансированной и устойчивой системы развития сельских территорий, в которой традиционные меры поддержки фермерства сочетаются с внедрением современных технологий и практик для повышения конкурентоспособности сельских регионов в контексте глобальных вызовов.

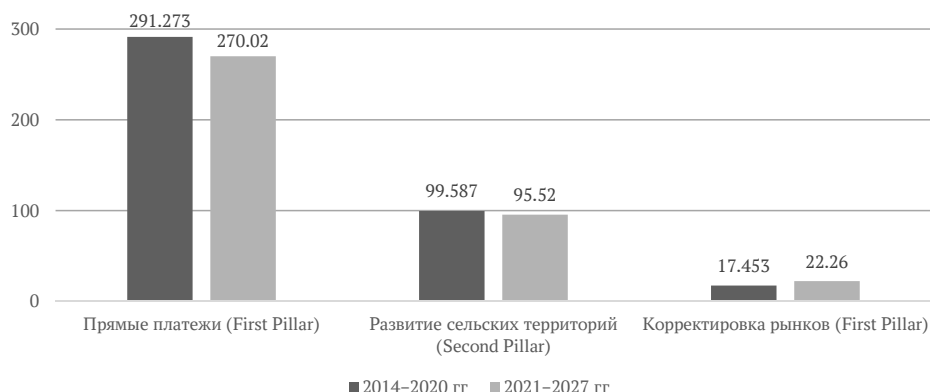

Рис. Структура расходов CAP на поддержку сельских территорий стран Балтии, млрд евро

Составлено на основе данных Regulation (EU) № 1305/2013¹; Regulation (EU) 2017/2393²; Regulation (EU) 2021/690³.

Однако, несмотря на активную реализацию CAP, экономическое развитие сельских территорий в странах Балтии сталкивается с рядом проблем, таких как снижение численности экономически активного населения, высокая молодежная безработица и дефицит рабочей силы. При этом каждая из стран имеет свои особенности (табл. 6—8).

Таблица 6

**Уровень экономического развития сельских территорий Латвии,
2020 — 2024 гг., на 1 января текущего года**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, 2024 г. к 2020 г., %
Экономически активное население, тыс. чел.	430,1	453,0	469,0	386,2	389,9	90,6
Уровень экономической активности, %	70,0	67,0	68,1	68,0	68,9	98,4
Уровень занятости населения, %	64,7	61,6	63,2	63,7	64,0	98,9
Безработные, тыс. чел.	58,8	72,6	62,3	55,3	51,2	87,1
Уровень безработицы, %	7,6	8,1	7,3	6,4	7,2	94,7
Уровень молодежной безработицы, %	13,4	14,7	11,2	15,2	11,1	82,8
Потребность в работниках, заявленная работодателями, тыс. чел.	18,5	21,5	27,9	23,6	24,2	130,8
Уровень вакансий, %	2,1	2,4	3,2	2,7	2,8	133,3
Производительность труда, %	110,4	120,6	121,5	118,4	119,0	107,7

Рассчитано на основе данных Eurostat⁴.

¹ European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD), 2012, EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/european-agricultural-fund-for-rural-development.html> (дата обращения: 11.11.2024).

² Information (1782/EU XXVI.GP), 2017, *Parlament Österreich*, URL: <https://www.parlament.gv.at/gegenstand/XXVI/EU/14659> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Regulation — 2017/2393 — EN — EUR-Lex, 2017, EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2017/2393> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Latvia Indicators, 2024, *Trading Economics*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/latvia> (дата обращения: 11.11.2024).

Таблица 7

**Уровень экономического развития сельских территорий Литвы,
2020 — 2024 гг., на 1 января текущего года**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, 2024 г. к 2020 г., %
Экономически активное население, тыс. чел.	574,7	550,0	580,0	556,1	581,1	101,1
Уровень экономической активности, %	63,0	61,7	62,1	62,2	63,1	100,2
Уровень занятости населения, %	73,0	71,4	72,6	71,5	72,2	98,9
Безработные, тыс. чел.	157,8	282,0	177,3	160,8	165,8	105,1
Уровень безработицы, %	9,2	16,4	10,2	9,2	9,3	101,1
Уровень молодежной безработицы, %	15,2	15,5	12,2	12,7	16,2	106,6
Потребность в работниках, заявленная работодателями, тыс. чел.	15,0	21,0	26,9	26,5	27,4	182,6
Уровень вакансий, %	1,1	1,6	2,0	1,9	2,0	181,8
Производительность труда, %	118,5	125,2	125,1	120,8	119,9	101,2

Рассчитано на основе данных Eurostat¹.

Таблица 8

**Уровень экономического развития сельских территорий Эстонии,
2020 — 2024 гг., на 1 января текущего года**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, 2024 г. к 2020 г., %
Экономически активное население, тыс. чел.	307,2	305,2	316,9	320,4	352,5	114,7
Уровень экономической активности, %	71,7	70,9	73,1	73,3	74,2	104,4
Уровень занятости населения, %	68,1	65,9	69,0	69,4	68,4	100,4
Безработные, тыс. чел.	36,6	56,6	45,3	54,3	55,6	151,9
Уровень безработицы, %	5,0	7,1	5,5	5,3	7,8	156,0
Уровень молодежной безработицы, %	9,5	17,9	19,9	15,9	17,2	181,1
Потребность в работниках, заявленная работодателями, тыс. чел.	3,6	3,4	6,8	4,1	3,3	91,6
Уровень вакансий, %	1,4	1,5	2,1	1,9	1,6	114,3
Производительность труда, %	119,3	127,0	126,5	115,4	115,8	97,1

Рассчитано на основе данных Statistics Estonia².

Сравнительный мониторинг показателей экономического развития сельских территорий свидетельствует о том, что в Латвии, несмотря на стабильный уровень занятости и рост производительности труда, проблемы с безработицей, особенно молодежной, и нехваткой рабочих мест остаются актуальными. Потребность в рабочей силе в сельской местности Латвии увеличилась на 30,8 %, с 18,5 тыс. чел. в 2020 г. до 24,2 тыс. чел. в 2024 г., что указывает на растущий спрос на рабочую силу. Тем не менее уровень безработицы в Латвии снизился с 7,6 % в 2020 г. до 7,2 % в 2024 г., что можно трактовать как некоторое улучшение ситуации на рынке труда. Однако, несмотря на уменьшение уровня безработицы, латвийская экономика сталкивается с проблемой высокой молодежной безработицы, которая, хотя и снизилась

¹ Lithuania Indicators, 2024, *Trading Economics*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/lithuania/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Эстония — данные — экономические показатели, 2024, *Trading Economics*, URL: <https://ru.tradingeconomics.com/estonia/> (дата обращения: 11.11.2024).

с 13,4 % в 2020 г. до 11,1 % в 2024 г., все еще остается значительной. В то же время уровень занятости в Латвии сравнительно стабилен (64,0 % в 2024 г. против 64,7 % в 2020 г.), что свидетельствует о том, что трудоустройство населения в сельской местности не испытывает резких колебаний, но сохраняет тенденцию к постепенному снижению в условиях трудовой миграции и уменьшения числа экономически активного населения.

Литва, несмотря на повышение необходимости в рабочей силе, сталкивается с высокой безработицей. В 2020—2024 гг. потребность в работниках выросла на 82,6 %, с 15 тыс. чел. до 27,4 тыс. чел. Однако уровень безработицы оставался значительным, колеблясь от 9,2 % в 2020 г. до 9,3 % в 2024 г., что отражает проблему недостаточной занятости при растущем спросе на трудовые ресурсы. Молодежная безработица также представляет собой серьезную проблему, увеличившись с 15,2 % в 2020 г. до 16,2 % в 2024 г. Снижение уровня занятости с 73,0 % в 2020 г. до 72,2 % в 2024 г. указывает на сложности в трудоустройстве сельского населения. Несмотря на рост производительности труда с 118,5 до 119,9 %, рынок труда остается напряженным, что свидетельствует о трудности совмещения роста потребности в рабочих руках с фактическим обеспечением рабочих мест для всех категорий населения, особенно для молодежи.

В отличие от Литвы и Латвии Эстония демонстрирует наибольший рост в экономической активности населения сельской местности, увеличив ее с 71,7 % в 2020 г. до 74,2 % в 2024 г. (рост на 104,4 %). Однако уровень занятости оставался сравнительно стабильным (снизившись с 68,1 % в 2020 г. до 68,4 % в 2024 г.), что указывает на некоторое затруднение в создании новых рабочих мест, несмотря на растущую экономическую активность. Потребность в рабочей силе увеличилась, но ее динамика была менее выраженной, чем в других странах Балтии. Например, потребность в работниках в 2024 г. составила 3,3 тыс. чел., что меньше, чем в предыдущие годы, и указывает на проблемы с предложением рабочих мест в сельской местности. При этом уровень молодежной безработицы возрос с 9,5 % в 2020 г. до 17,2 % в 2024 г. (рост на 81,1 %), что указывает на серьезные проблемы с трудоустройством молодых людей в сельской местности.

Важно подчеркнуть, что сельские районы стран Балтии исторически зависели от аграрного сектора, малого и среднего бизнеса, а также сельского туризма. Однако с сокращением числа трудоспособного населения и массовым оттоком молодежи все эти отрасли столкнулись с дефицитом рабочей силы. Работодатели в сельской местности, будь то фермеры или владельцы небольших предприятий, все чаще вынуждены искать работников из других стран или останавливать свои предприятия из-за нехватки рабочей силы. Кроме того, в сельских районах из-за миграции закрываются школы, магазины и медицинские учреждения, что ухудшает качество жизни на периферии и делает сельские районы менее привлекательными для оставшихся жителей. В свою очередь, это создает замкнутый круг, где сокращение населения приводит к снижению спроса на товары и услуги, что усиливает экономическое застой в регионах. В результате отток рабочей силы из сельской местности стран Балтии приводит к углублению социальной и экономической депопуляции в этих районах, что еще больше усиливает разрыв между городскими и сельскими территориями и затрудняет устойчивое развитие экономики в целом.

В целом все три страны сталкиваются с дефицитом рабочей силы в сельской местности, что создает вызовы для экономического развития и социальной стабильности неурбанизированных территорий.

Проведенный мониторинг позволяет выделить как общие, так и специфические черты социально-экономического развития сельских территорий стран Балтии, что

отражает как схожесть их тенденций, обусловленных историческими и географическими факторами, так и особенности, связанные с различиями в экономической политике, структурных приоритетах и уровне интеграции в европейские и глобальные процессы (табл. 9).

Таблица 9

**Тенденции социально-экономического развития
сельских территорий стран Балтии**

Категория	Общие черты	Специфические черты
Сельское хозяйство и природные ресурсы	Важная роль сельского хозяйства в экономике. Стабильное использование сельскохозяйственных земель	Латвия: высокая доля сельского хозяйства в ВВП и устойчивый рост добавленной стоимости. Литва: сбалансированное развитие агропромышленного сектора с упором на биотехнологии. Эстония: меньшая доля сельского хозяйства, акцент на цифровизацию
Демография	Депопуляция из-за миграции и старения населения. Миграция молодежи в города и за границу. Снижение спроса и рост затрат на инфраструктуру. Демографические потери компенсируются за счет инноваций, цифровизации и модернизации инфраструктуры	Латвия: более выраженная миграция молодежи в другие страны ЕС. Литва: умеренные темпы миграции благодаря государственной поддержке молодых семей. Эстония: рост сельского населения связан с улучшением экономической ситуации в сельской местности и развитием инфраструктуры
Поддержка ЕС (CAP)	Активное использование средств CAP (EAGF, EAFRD) для поддержки фермеров и модернизации инфраструктуры. Рост конкурентоспособности сельских территорий	Латвия: значительная поддержка экспортоориентированного сельского хозяйства. Литва: использование фондов ЕС для агропромышленного развития, развитие переработки сельхозпродукции. Эстония: реализация программ цифровизации и инноваций в рамках Smart Rural 21
Экологическая направленность	Активное внедрение инициатив «зеленого курса» ЕС. Ориентация на биоразнообразие, устойчивое использование ресурсов и ВИЭ	Латвия: увеличение доли экологически чистого производства в растениеводстве. Литва: интеграция экологически чистых технологий в агропромышленный сектор, развитие инфраструктуры возобновляемой энергетики. Эстония: инновации в рамках Smart Rural 21, мониторинг и управление экологическими проектами

Таким образом, выделенные тенденции подтверждают, что, несмотря на общие вызовы и стратегические направления развития сельских территорий в странах Балтии, каждая из них демонстрирует уникальные подходы и приоритеты, определяемые специфическими национальными особенностями, доступностью ресурсов и эффективностью использования европейской поддержки. Во всех странах Балтии развитие сельских территорий опирается на инновации, экологические инициативы и модернизацию инфраструктуры. В частности, Латвия делает акцент на биоэнергетику и цифровые решения в сельском хозяйстве. В стране активно развиваются технологии точного земледелия и цифровых решений в агросекторе (использование дронов, спутниковых данных и IoT-устройств), а также проекты по использованию биогаза и органических удобрений. В рамках европейских программ финансируются инициативы по расширению интернет-доступа в сельской местности, что способствует развитию электронной коммерции и дистанционной занятости. Литва сосредоточена на экологической устойчивости и развитии «умных деревень». Благодаря субсидиям ЕС в стране реализуются программы по переходу фермеров на органическое сельское хозяйство и внедрение технологий искусственного интеллекта для мониторинга почв. Кроме того, создаются цифровые сервисы для сельских жителей, способствующие улучшению доступа к медицинским, образовательным и административным услугам. Эстония является лидером в цифровизации сельского хозяйства и внедрении автоматизированных решений. Фермерские хозяйства активно используют роботизированные технологии, дроны и системы управления агропредприятиями на базе искусственного интеллекта. Государство также инвестирует в развитие возобновляемых источников энергии, таких как солнечные и ветряные электростанции, что способствует созданию энергоэффективных сельских территорий.

В среднесрочной перспективе социально-экономическое развитие сельских территорий стран Балтии должно учитывать значительные изменения в глобальной и региональной экономической среде в рамках политики CAP, вызванные структурно-технологической трансформацией национальных хозяйств. Кроме того, страны Балтии вынуждены адаптировать свои социально-экономические стратегии в условиях меняющихся геополитических и геоэкономических реалий. Такие изменения затрагивают не только внешнюю торговлю, но и внутреннюю экономическую структуру сельских территорий. Например, возрастание неопределенности на международных рынках, изменения в политике ЕС, а также усиливающееся влияние внешних экономических санкций и торговых барьеров вынуждают страны искать новые рынки сбыта и развивать альтернативные направления экспортоориентированной сельскохозяйственной продукции. В таких условиях для эффективного развития сельских территорий необходимо вырабатывать индивидуальные стратегии, способные учитывать локальные особенности, тенденции технологических изменений и внешние экономические вызовы. Местные органы власти должны адаптировать национальные стратегии, координировать программы и поддерживать инфраструктуру, бизнес — внедрять инновации и создавать рабочие места, научные и образовательные учреждения — развивать новые технологии и готовить специалистов, европейские фонды — предоставлять финансирование и поддержку проектов, а местные сообщества — быть вовлечены в принятие решений и реализацию инициатив. Совместные усилия этих субъектов обеспечат устойчивое развитие сельских территорий, что, в свою очередь, будет способствовать предотвращению миграции из сельских районов в более урбанизированные регионы. Основные перспективные направления социально-экономического развития сельских территорий стран Балтии приведены в таблице 8.

Таблица 8

**Перспективные направления социально-экономического развития
сельских территорий стран Балтии**

Направление	Характеристика	Результат	Эффект
Развитие сельского предпринимательства	Создание условий для роста и поддержки малых и средних предприятий, внедрение новых бизнес-моделей	Увеличение числа рабочих мест, стимулирование местной экономики	Снижение уровня безработицы, повышение локальной экономической активности
Цифровизация сельских территорий	Развитие цифровых платформ и интернет-услуг для сельского населения	Доступ к цифровым услугам для жителей, улучшение связи и взаимодействия	Увеличение доступности образовательных и медицинских услуг, улучшение жизни на селе
Развитие зеленой экономики и экотехнологий	Внедрение инновационных экологически чистых технологий в сельское хозяйство и производство	Устойчивое развитие, создание «зеленых» рабочих мест	Повышение устойчивости экономики, привлечение инвестиций в экологические проекты
Привлечение инвестиций в сельские районы	Создание инфраструктуры для привлечения инвесторов в сельские районы, улучшение условий для бизнеса	Развитие новых отраслей экономики в сельской местности	Устойчивый экономический рост, снижение миграции в крупные города, улучшение качества жизни
Устойчивое развитие агротуризма	Развитие туризма на основе природных и культурных ресурсов, интеграция сельских районов в туристическую отрасль	Повышение привлекательности сельских территорий для туристов	Рост туристической привлекательности, развитие смежных отраслей (гостиничный бизнес, торговля)
Модернизация инфраструктуры	Развитие транспортной и социальной инфраструктуры: дороги, связь, школы, больницы	Улучшение условий для жизни и работы на сельских территориях	Снижение миграции в города, повышение качества жизни в сельской местности
Развитие устойчивых цепочек поставок	Создание локальных и региональных цепочек поставок для сельского хозяйства и производственных отраслей	Снижение зависимости от внешних поставок, увеличение местных производств	Устойчивость к внешним экономическим и политическим рискам, укрепление местных рынков
Социальная поддержка населения	Программы для улучшения социальной поддержки, здравоохранения и образования на селе	Повышение качества жизни и уровня образования в сельских регионах	Устранение социального неравенства, повышение уровня образования и здравоохранения

В целом реализация этих направлений позволит укрепить устойчивость и конкурентоспособность сельских территорий стран Балтии, обеспечивая их интеграцию в общеевропейские стратегии устойчивого развития и «зеленого курса» ЕС. Эффективное сочетание традиционных и инновационных отраслей, инвестиции в инфраструктуру и поддержка предпринимательства будут способствовать устойчивому развитию сельских районов и повышению их конкурентоспособности.

Заключение

Исследование показало, что, несмотря на множество внешних и внутренних вызовов, сельские территории стран Балтии обладают значительным потенциалом для устойчивого развития и повышения качества жизни местных сообществ. Хотя ресурсы ЕС активно привлекаются для развития сельского хозяйства, их влияние на рынок труда и уровень безработицы остается неоднозначным. Тем не менее финансирование сельского хозяйства способствует его модернизации, что в долгосрочной перспективе может положительно отразиться на экономике сельских территорий. Особое внимание уделяется таким аспектам, как внедрение инновационных технологий, поддержка экологических инициатив и развитие инфраструктуры, что способствует не только улучшению условий жизни в сельских районах, но и укреплению их позиций на международных рынках. Программы цифровизации, устойчивое сельское хозяйство и создание условий для социальной инклюзии и роста человеческого капитала являются важнейшими векторами развития, которые способствуют снижению социальной и экономической нестабильности на этих территориях.

Однако, несмотря на позитивные тенденции, необходимо учитывать существующие проблемы, такие как низкий уровень инвестиций в инфраструктуру и недостаточный доступ сельского населения к современным технологиям и услугам, что требует дальнейшей работы по оптимизации политик, направленных на развитие неурбанизированных территорий в целом с акцентом на их интеграцию в общие европейские процессы. Например, в Эстонии активно развивается инициатива по улучшению цифровой доступности в сельских районах, что позволяет местным властям создавать «умные деревни» и улучшать качество предоставляемых услуг. В Латвии и Литве министерствами экономики, сельского хозяйства и регионального развития разрабатываются национальные программы для улучшения инфраструктуры и развития сельского хозяйства, включая использование европейских субсидий для модернизации инфраструктуры и внедрения инновационных технологий. Важно также продолжать работу по снижению неравенства и обеспечению равных возможностей для всех слоев населения, что станет основой для их устойчивого и гармоничного развития. Кроме того, стратегии социально-экономического развития неурбанизированных территорий должны учитывать новые вызовы, связанные с изменением внешнеэкономической ситуации, санкциями, а также усилением мозаичности экономики, что потребует гибкости в принятии решений как на региональном, так и на национальном уровнях.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем анализе и разработке гибких стратегий, направленных на снижение социального и экономического неравенства в сельских районах, что станет основой для устойчивого и гармоничного развития неурбанизированных территорий стран Балтии. Важно учитывать влияние глобальных изменений, что требует адаптивности на всех уровнях управления — от местных и региональных властей до национального уровня. Интерес также представляет оценка эффективности государственных программ поддержки, направленных на устойчивое развитие сельских районов. Не менее важным является изучение вопросов социальной справедливости, равенства и доступности социальных услуг, что также оказывает значительное влияние на устойчивость развития неурбанизированных территорий в целом.

Список литературы

1. Шаймарданова, В. В. 2021, Функциональная структура неурбанизированных территорий: проблемы и перспективы, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, № 7 (3), с. 367 — 375. EDN: RVFFCR

2. Братарчук, Т. В. 2022, Сельские территории: научно-теоретические основы сущности и современные проблемы их устойчивого развития, *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, т. 12, № 3-2, с. 548 — 555. EDN: JCAWGE, <https://doi.org/10.34670/AR.2022.51.59.014>
3. Шевелева, Р. Н. 2016, Современное состояние исследований в области развития не-урбанизированных территорий, *Государственная власть и местное самоуправление*, № 7, с. 29 — 32. EDN: WGEQGP
4. Сычёва, Н. 2024, Зарубежные подходы к определению и разработке типологий сельских территорий, *Аграрная экономика*, № 10, с. 84 — 96. EDN: PHMMHX, <https://doi.org/10.29235/1818-9806-2024-10-84-96>
5. Котов, А. В. 2024, *Стратегическое пространственное развитие в европейском союзе*, М., РАН.
6. Лексин, В. Н. 2024, Развитие как ключевое оценочное понятие трансформации пространственных систем, *Балтийский регион*, т. 16, № 3, с. 4 — 20. EDN: NIFEE0, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-1>
7. Кузнецова, Э. Г., Моисеев, О. Б. 2024, Пространственное развитие как фактор роста социально-экономической жизни сельского населения. В: *Актуальные вопросы экономики*, сборник научных трудов, Чебоксары, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, с. 139 — 143. EDN: JKLRSР
8. Косякова, Л. Н., Косяков, Н. Н., Попова, А. Л. 2022, Проблемы сельских территорий в аспекте современных концепций пространственного развития, *Известия Международной академии аграрного образования*, № 62, с. 117 — 122. EDN: ZEIKSU
9. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7 — 28. EDN: YLTZAY, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
10. Федоров, Г. М., Зотов, С. Ю., Кузнецова, Т. Ю., Часовский, В. И. 2016, Балтийский регион: состав территории и внутренняя структура, *Региональные исследования*, № 2, с. 113 — 121. EDN: WHTRIV
11. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 141 — 158. EDN: JPXTXQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
12. Šešelgytė, M. 2019, Baltic Concerns and Moderate Engagement, *L'Europe en Formation*, № 2 (389), p. 177 — 193.
13. Gagliardi, L., Percoco, M. 2016, The impact of European Cohesion Policy in urban and rural regions, *Regional Studies*, vol. 51, № 6, p. 857 — 868, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1179384>
14. Izvorski, I., Lokshin, M., Renee, J., Norfleet, R., Singer, D., Torre, I. 2023, Weak Growth, High Inflation, and a Cost-of-Living Crisis. *Europe and Central Asia Economic Update (Spring)*, Washington, DC, World Bank, <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1982-7>
15. Манаков, А. Г., Суворков, П. Э., Станайтис, С. А. 2017, Старение населения как социально-демографическая проблема Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 9, № 1, с. 79 — 95. EDN: XWQWDD, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-5>
16. Шибаева, Е. И. 2019, Исчезающая Прибалтика: демографическая ситуация в Латвии, Литве и Эстонии, *Постсоветский материк*, № 4, с. 41 — 54. EDN: ZQSUGX
17. Федоров, Г. М., Киндер, С., Кузнецова, Т. Ю. 2021, О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 129 — 146. EDN: ZUCTAJ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
18. Головина, С. Г., Абилова, Е. В., Смирнова, Л. Н. 2021, Государственная поддержка сельских территорий Европейского союза: содержание и результаты реформирования, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 10 (456), с. 59 — 69. EDN: RXBHSI, <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-11006>
19. Веркулевичюте-Крюкене, Д., Бучене, А., Чепиене, Э. 2021, Депопуляция прибрежных сельских районов Литвы — может ли демографическая ситуация стабилизироваться благодаря региональным паркам? *Балтийский регион*, т. 13, № 2, с. 90 — 111. EDN: LVBPR1, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-5>

20. Федоров, Г. М., 2023, Демографические процессы в Балтийском макрорегионе (1990—2022), *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 68, № 4, с. 798—816. EDN: CLDLAZ, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.411>
21. Разумовский, В. М. 2009, Опыт Европейского Союза в реализации стратегии многофункционального развития сельских регионов, *Экономика и управление*, № 11 (49), с. 36—41. EDN: KZCATX
22. Луговской, С. И., Звягинцева, О. С., Грудина, О. Н. 2022, Европейский опыт управления сельским развитием, *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, т. 12, № 10-1, с. 142—152. EDN: GVFSUD, <https://doi.org/10.34670/AR.2022.77.12.039>
23. Долгих, О. С., Новикова, Т. В., Маньшин, А. А. 2020, Экологическое сельское хозяйство в странах ЕС: нормативно-законодательная основа, *Вестник Алтайской академии экономики и права*, № 4-3, с. 313—321. EDN: HMUGBZ, <https://doi.org/10.17513/vaael.1089>
24. Амиров, Д. К. 2024, Правовая политика Европейского Союза в сфере развития экологически чистого сельского хозяйства, *Евразийская адвокатура*, № 5 (70), с. 178—184. EDN: LMНЕНТ, https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_70_5_178
25. Дрыночкин, А. В. 2023, Экономическая трансформация стран Восточной Европы: от опавших к скепсису, *Мировое и национальное хозяйство*, № 2. EDN: FQLVFY
26. Дрыночкин, А. В. 2024, Насколько выгодно странам ЦВЕ членство в ЕС: попытка критического анализа, *Современная Европа*, № 3, с. 125—137, <https://doi.org/10.31857/S0201708324030100>
27. Межевич, Н. М. 2015, Прибалтийская экономическая модель: некоторые итоги трансформаций 1990—2015 годов, *Балтийский регион*, т. 7, № 4, с. 27—50. EDN: VCYWSH, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-2>
28. Говорова, Н. В. 2024, Социально-экономические трансформации в странах Балтии, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 5, с. 51—60. EDN: NWGIDP, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520245160>
29. Гранберг, А. Г., Суспицын, С. А. 1988, *Введение в системное моделирование народного хозяйства*, Новосибирск, Наука.
30. Ланко, Д. А. 2014, Балтийский регион в международной политике: к вопросу о моделировании процесса регионализации, *Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования*, № 1 (2), с. 30—41. EDN: YJTDGD
31. Максимцев, И. А., Межевич, Н. М., Королева, А. В. 2017, Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей, *Балтийский регион*, т. 9, № 1, с. 60—78. EDN: VMPEHR, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-4>
32. Шамахов, В. А., Еремина, Н. В., Межевич, Н. М. 2019, Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия, *Управленческое консультирование*, № 3, с. 8—23. EDN: BHQGLW, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-3-8-23>
33. Воронов, В. В. 2023, Различия в управлении социально-экономическим развитием в странах Балтии: уровни, подходы и модели, *Международный научно-исследовательский журнал*, № 9 (135). EDN: BJPKЕВ, <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.31>
34. Жуковский, И. И., 2024, Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 145—160. EDN: ZGCUFQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-7>
35. Воротников, В. В. 2021, Страны Прибалтики в 2020—2021 гг.: испытание «коронакризисом», *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*, № 4, с. 36—50. EDN: YFTMAV
36. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 141—158. EDN: JPXTXQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
37. Тесля, П. Н. 2022, Экономика стран Балтии после обретения независимости, *ЭКО*, № 5 (575), с. 60—87. EDN: XYQSRC, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-5-60-87>
38. Dandashly, A., Verdun, A. 2020, Euro adoption policies in the second decade — the remarkable cases of the Baltic States, *Journal of European Integration*, vol. 42, № 3, p. 381—397, <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1730355>

39. Зверев, Ю.М., Межевич, Н.М. 2019, Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы, *Полис. Политические исследования*, т. 28, № 5, с. 181—191. EDN: BMRHVG, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.13>
40. Клемешев, А.П. 2024, *Польша, Литва, Латвия, Эстония: социально-экономическое и политическое развитие*, М., ИНФРА-М.
41. Воронцова, Н.В. 2021, Взаимосвязь мировых тенденций и политики развития сельских территорий (на примере международного опыта), *Экономические отношения*, т. 11, № 1, с. 221—235. EDN: RGIHFK, <https://doi.org/10.18334/eo.11.1.111784>
42. Пивоварова, О.В., Дудник, А.И. 2023, Механизмы развития неурбанизированных территорий: анализ мирового опыта, *Аграрная наука*, № 10, с. 160—166. EDN: ZEXRYY, <https://doi.org/10.32634/0869-8155-2023-375-10-160-166>
43. Biegańska, J. Środa-Murawska, S., Kruzmetra, Z., Swiaczny, F. 2018, Peri-Urban Development as a Significant Rural Development Trend, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, № 2, p. 125—140, <https://doi.org/10.2478/quageo-2018-0019>
44. Арбатова, Н.К. 2023, Страны Балтии и стратегическая автономия Европейского союза, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 8, с. 26—36. EDN: ZMONAU, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-26-36>
45. Åslund, A. 2016, Why Have the Baltic Tigers Been So Successful?, *CESifoForum*, ifo Institute — Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich, vol. 16 (04), p. 3—8, January.
46. Володькин, А.А. 2021, *Основные векторы внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1991—2014 гг.*, Минск, Беларуская навука.
47. Vacas-Soriano, C. 2024, Developments in income inequality and the middle class in the EU, *Eurofound. Publications Office of the European Union*, <https://doi.org/10.2806/477653>
48. Кочетков, Ю., Машарский, А. 2023, Макроэкономическая нестабильность в странах Балтии, *Sociālo Zinātnu Vēstnesis / Вестник социальных наук*, т. 37, № 2, с. 25—44, [https://doi.org/10.9770/szv.2023.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2023.2(2))
49. Сберегаев, Н.А. 2022, Динамика экономического развития стран ЕС (Балтийский регион), *Балтийский экономический журнал*, № 4, с. 65—79. EDN: PTOKEN, <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2022-0-4-65-79>
50. Воронов, В.В. 2022, Малые города Латвии: неравенство в региональном и городском развитии, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 39—56. EDN: WBSDPJ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-3>
51. Говорова, Н.В. 2018, Европейская опора социальных прав, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2, с. 168—173. EDN: XNQAQH, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2201825>
52. Рязанцев, С.В., Молодикова, И.Н., Воробьева, О.Д. 2022, Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» Евразийской и Европейской подсистем в 1990—2020-е годы, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 115—143. EDN: BIVULC, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-8>
53. Carey, M. 2019, The Common Agricultural Policy's New Delivery Model Post-2020: National Administration Perspective, *EuroChoices*, vol. 18, № 1, p. 11—17, <https://doi.org/10.1111/1746-692X.12218>

Об авторе

Андрей Дмитриевич Жуковский, кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического и инновационного развития, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5383-2156>

E-mail: jukoffsky@gmail.com

RURAL DEVELOPMENT IN THE BALTIC STATES: ASSESSMENT OF THE CURRENT STATE

A. D. Zhukovskii

Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia

Received 10 December 2024
Accepted 09 April 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-4
© Zhukovskii, A. D., 2025

The article assesses the development level and current state of rural areas in the Baltic States, with a particular focus on Latvia, Lithuania, and Estonia. The primary objective of the study is to identify key aspects of agricultural production, demographic trends in rural areas, and the socio-economic challenges these territories face, as well as to develop recommendations for their sustainable and inclusive growth. The research methodology adopts an interdisciplinary approach, incorporating demographic, economic, social, and environmental dimensions of rural development. The study employs comparative, systemic and statistical data analyses. For a more in-depth examination, methods of economic-geographical analysis and document analysis of European Union policies — particularly the Common Agricultural Policy (CAP) — are utilized. The findings highlight both shared and country-specific issues affecting rural areas in the Baltic States, such as depopulation, aging of the population, high unemployment, low employment rates, and disparities in infrastructure. Special attention is given to agricultural trends, including the impact of EU agricultural policies, structural transformations in the agricultural sector, and the adoption of innovative technologies. The study underscores the importance of enhancing government support for agriculture, implementing sustainable production practices, and improving the overall quality of life in rural areas. This article provides a foundation for future research, including the exploration of the role and significance of integrating rural areas into national and European economic frameworks, enhancing governmental and international support mechanisms, and developing targeted programs aimed at improving rural living standards. These programmes are intended to involve local communities, including parish councils, farmers' unions, and business associations.

Keywords:

rural areas, non-urbanized areas, agriculture, rural population, sustainable development, regional economy, spatial development, Baltic States

References

1. Shaimardanova, V. V. 2021, The Functional structure of non-urbanized territories: problems and prospects, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 7, № 3, p. 367—375 (in Russ.). EDN: RVFFCR
2. Tatarchuk, T. V. 2022, Rural territories: scientific and theoretical foundations of the essence and modern problems of their sustainable development, *Economics: yesterday, today, tomorrow*, vol. 12, № 3-2, p. 548—555 (in Russ.), <https://doi.org/10.34670/AR.2022.51.59.014>

3. Sheveleva, R. N. 2016, Modern condition of researches in the field of non-urbanized territories development, *State Power and Local Self-government*, № 7, p. 29—32 (in Russ.). EDN: WGEQGP
4. Sychova, N. 2024, Foreign approaches to the defining and development typologies of rural areas, *Agrarian Economics*, № 10, p. 84—96 (in Russ.), <https://doi.org/10.29235/1818-9806-2024-10-84-96>
5. Kotov, A. V. 2024, *Strategic spatial development in the European Union*, Moscow, RAS (in Russ.).
6. Leksin, V. N. 2024, Development as a key evaluative concept of spatial system transformation, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 4—20, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-1>
7. Kuznetsova, E. G., Moiseev, O. B. 2024, Spatial development as a factor in the growth of the socio-economic life of the rural population, in: *Topical issues of economics*, collection of scientific papers, Cheboksary, I. N. Ulyanov Chuvash State University, p. 139—143. EDN: JKLRSР (in Russ.).
8. Kosyakova, L. N., Kosyakov, N. N., Popova, A. L. 2022, The problems of rural territories in the aspect of modern concepts of spatial development, *Proceedings of the International Academy of Agrarian Education*, № 62, p. 117—122. EDN: ZEIKSU (in Russ.).
9. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmovsky, T. 2017, Approaches to the definition of the concept of the “Baltic region”, *Baltic Region*, vol. 9, № 4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
10. Fedorov, G. M., Zotov, S. Yu., Kuznetsova, T. Yu., Chasovsky, V. I. 2016, Baltic region: its composition and inner structure, *Regional Research*, № 2, p. 113—121. EDN: WHTRIV (in Russ.).
11. Kaledin, N. V., Yelatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalization of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
12. Šešelgytė, M. 2019, Baltic Concerns and Moderate Engagement, *L'Europe en Formation*, № 2, p. 177—193.
13. Gagliardi, L., Percoco, M. 2016, The impact of European Cohesion Policy in urban and rural regions, *Regional Studies*, vol. 51, № 6, p. 857—868, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1179384>
14. Izvorski, I., Lokshin, M., Renee, J., Norfleet, R., Singer, D., Torre, I. 2023, Weak Growth, High Inflation, and a Cost-of-Living Crisis, *Europe and Central Asia Economic Update (Spring)*, Washington, DC, World Bank, <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1982-7>
15. Manakov, A. G., Suvorkov, P. E., Stanaitis, S. A. 2017, Population Aging as a Socio-demographic problem in the Baltic region, *Baltic Region*, vol. 9, № 1, p. 79—95, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-5>
16. Shibaeva, E. I. 2019, Disappearing Baltics: demographic situation in Latvia, Lithuania and Estonia, *Post—Soviet Continent*, № 4, p. 41—54. EDN: ZQSUGX (in Russ.).
17. Fedorov, G. M., Kinder, S., Kuznetsova, T. Yu. 2021, The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends, *Baltic Region*, vol. 13, № 4, p. 129—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
18. Golovina, S. G., Abilova, E. V., Smirnova, L. N. 2021, State support for rural areas in the European Union: content and results of reform, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, № 10, p. 59—69 (in Russ.), <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-11006>
19. Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A., Čepienė, E. 2021, Depopulation of coastal rural Lithuania: Do regional parks stabilise the situation?, *Baltic Region*, vol. 13, № 2, p. 90—111, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-5>
20. Fedorov, G. M. 2023, Demographic processes in the Baltic macro-region (1990—2022), *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 68, № 4, p. 798—816, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.411> (in Russ.).
21. Razumovsky, V. M. 2009, The experience of the European Union in implementing the strategy of multifunctional rural development, *Economics and Management*, № 11, p. 36—41. EDN: KZCATX (in Russ.).
22. Lugovskoi, S. I., Zvyagintseva, O. S., Grudina, O. N. 2022, European experience in rural development management, *Economics: yesterday, today, tomorrow*, vol. 12, № 10-1, p. 142—152 (in Russ.), <https://doi.org/10.34670/AR.2022.77.12.039>

23. Dolgikh, O. S., Novikova, T. V., Manshin, A. A. 2020, Ecological agriculture in countries EU: regulatory framework, *Vestnik Altaiskoi Akademii Ehkonomiki I Prava*, № 4-3, p. 313—321 (in Russ.), <https://doi.org/10.17513/vaael.1089>
24. Amirov, D. K. 2024, The Legal policy of the European Union in the field of development of environmentally friendly agriculture, *Eurasian Advocacy (Evraziiskaya Advokatura)*, № 5, p. 178—184 (in Russ.), https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_70_5_178
25. Drynochkin, A. V. 2023, Economic transformation of Eastern European countries: from applauds to scepisis, *World and national economy*, № 2 (in Russ.).
26. Drynochkin, A. V. 2024, How beneficial is EU membership for CEE countries: an attempt of critical analysis, *Sovremennaya Evropa*, № 3, p. 125—137 (in Russ.), <https://doi.org/10.31857/S0201708324030100>
27. Mezhevich, N. M. 2015, The Baltic economic model: some results of the 1990—2015 transformations, *Baltic Region*, vol. 7, № 4, p. 27—50, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-2>
28. Govorova, N. V. 2024, Socio-economic transformations in the Baltic countries, *Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS*, № 5, p. 51—60 (in Russ.), <https://doi.org/10.15211/vestniki-eran520245160>
29. Granberg, A. G., Suspitsyn, S. A. 1988, *Introduction to system modeling of the national economy*, Novosibirsk, Nauka (in Russ.).
30. Lanko, D. A. 2014, The Baltic region in international politics: on the issue of modeling the regionalization process, *Studia Humanitatis Borealis*, № 1, p. 30—41. EDN: YJTDGD (in Russ.).
31. Maksimtsev, I. A., Mezhevich, N. M., Koroleva, A. V. 2017, Economic development of the Baltic and the Nordic countries: characteristics of economic models, *Baltic Region*, vol. 9, № 1, p. 60—78, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-4>
32. Shamakhov, V. A., Eremina, N. V., Mezhevich, N. M. 2019, Main characteristics of the Baltic countries political development and their economic consequences, *Administrative Consulting*, № 3, p. 8—23 (in Russ.), <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-3-8-23>
33. Voronov, V. V. 2023, Differences in the management of socio-economic development in the Baltic states: levels, approaches and models, *International research journal*, № 9 (in Russ.), <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.31>
34. Zhukovsky, I. I. 2024, The model of international relations in the Baltic Sea region: political shifts and current challenges, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 145—160, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-7>
35. Vorotnikov, V. V. 2021, The Baltic Countries in 2020—2021: the test of the “coronacrisis”, *Visegrad Europe Central European Journal*, № 4, p. 36—50. EDN: YFTMAV (in Russ.).
36. Kaledin, N. V., Yelatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalization of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
37. Teslya, P. N. 2022, The Baltic economies after independence, *ECO*, № 5, p. 60—87 (in Russ.), <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-5-60-87>
38. Dandashly, A., Verdun, A. 2020, Euro adoption policies in the second decade — the remarkable cases of the Baltic States, *Journal of European Integration*, vol. 42, № 3, p. 381—397, <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1730355>
39. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2019, Approaches to the Typology of European Small Countries (Case of Estonia, Latvia, Lithuania), *Polis. Political Studies*, vol. 28, № 5, p. 181—191 (in Russ.), <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.13>
40. Klemeshev, A. P. 2024, *Poland, Lithuania, Latvia, Estonia: socio-economic and political development*, Moscow, INFRA-M.
41. Vorontsova, N. V. 2021, The relationship between global trends and rural development policies (based on international experience), *Journal of International Economic Affairs*, vol. 11, № 1, p. 221—235 (in Russ.), <https://doi.org/10.18334/eo.11.1.111784>
42. Pivovarova, O. V., Dudnik, A. I. 2023, Mechanisms for the development of non-urbanized territories: analysis of world experience, *Agrarian Science*, № 1, p. 160—166 (in Russ.), <https://doi.org/10.32634/0869-8155-2023-375-10-160-166>

43. Biegańska, J., Środa-Murawska, S., Kruzmetra, Z., Swiaczny, F. 2018, Peri-Urban Development as a Significant Rural Development Trend, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, № 2, p. 125—140, <https://doi.org/10.2478/quageo-2018-0019>
44. Arbatova, N.K. 2023, The Baltic States and the EU Strategic Autonomy, *World Economy and International Relations*, vol. 67, № 8, p. 26—36 (in Russ.), <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-26-36>
45. Åslund, A. 2016, Why Have the Baltic Tigers Been So Successful?, *CESifoForum*, ifo Institute — Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich, vol. 16 (04), p. 3—8, January.
46. Volodkin, A.A. 2021, *The main vectors of the foreign policy of Lithuania, Latvia and Estonia in 1991—2014*, Minsk, Belorusskaya Nauka (in Russ.).
47. Vacas-Soriano, C. 2024, Developments in income inequality and the middle class in the EU, *Eurofound. Publications Office of the European Union*, <https://doi.org/10.2806/477653>
48. Kochetkov, Yu., Masharsky, A. 2023, Macroeconomic instability in the Baltic States, *Sociālo Zinātņu Vēstnesis = Social Sciences Bulletin*, vol. 37, № 2, p. 25—44 (in Russ.), [https://doi.org/10.9770/szv.2023.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2023.2(2))
49. Sberegaev, N.A. 2022, Dynamics of economic development of the EU countries (Baltic region), *Baltic Economic Journal*, № 4, p. 65—79 (in Russ.), <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2022-0-4-65-79>
50. Voronov, V.V. 2022, Small towns of Latvia: disparities in regional and urban development, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 39—56, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-3>
51. Govorova, N.V. 2018, European Pillar of Social Rights, *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, № 2, p. 168—173 (in Russ.), <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2201825>
52. Ryazantsev, S.V., Molodikova, I.N., Vorobeva, O.D. 2022, Between the Eurasian and European subsystems: migration and migration policy in the cis and Baltic countries in the 1990s—2020s, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 115—143, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-8>
53. Carey, M. 2019, The Common Agricultural Policy's New Delivery Model Post-2020: National Administration Perspective, *EuroChoices*, vol. 18, № 1, p. 11—17, <https://doi.org/10.1111/1746-692X.12218>

The author

Dr Andrei Zhukovskii, Associate Professor, the Department of Strategic and Innovation Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5383-2156>

E-mail: jukoffsky@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

EDN: JDJZL

АВТОТРАНСПОРТНАЯ РАЗВИТОСТЬ ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА

В. Ф. Комарова¹ **О. П. Ружа**² **†Б. М. Хейманис**³ **И. Арбидане**⁴ **И. Островска**⁵

^{1,2,5} Даугавпилсский университет,
LV-5401, Латвия, Даугавпилс, ул. Виенибас, 13

³ Балтийская международная академия,
LV-1019, Латвия, Рига, ул. Валерии Сэйле, 4

⁴ Резекненская академия технологий,
LV-4601, Латвия, Резекне, Атбировшанас аллея, 115

Поступила в редакцию 27.11.2024 г.

Принята к публикации 13.05.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-5

© Комарова В. Ф., Ружа О. П., Хейманис Б. М.,
Арбидане И., Островска И., 2025

Настоящее исследование посвящено анализу автотранспортной развитости территорий Латвии в контексте пространственного неравенства по экономической производительности и экологической устойчивости. Объектом анализа выступают 43 латвийских самоуправления, исследуемые на основе статистических и фискальных данных за 2022—2023 гг. С учетом выраженной моноцентричности страны и асимметрии плотности населения проведены корреляционный и двухэтапный иерархический кластерный анализ, что позволило типологизировать территории по характеристикам автотранспортной инфраструктуры, экономическим показателям и экологическим рискам. В результате выявлены пять устойчивых типов территорий, демонстрирующих значительные различия в уровне автотранспортной обеспеченности, интеграции в экономическое пространство страны и экологической нагрузке. Центральные города, как правило, выигрывают за счет концентрации инвестиций и плотности транспортной сети, тогда как отдаленные территории страдают от ограниченного доступа к инфраструктуре и менее эффективного экологического баланса. Отдельный интерес вызывает случай Вентспилса, типологически отнесенного к центральным территориям несмотря на периферийное географическое положение. Сделан вывод о необходимости дифференцированной транспортной политики, учитывающей специфику территорий и направленной на устранение последствий центр-периферийного разрыва. Предложенная эмпирическая модель служит основой для разработки территориально чувствительных стратегий повышения автотранспортной развитости с одновременным учетом целей устойчивого развития.

Ключевые слова:

автотранспортная развитость, пространственное неравенство, плотность населения, экономическая производительность, экологическая устойчивость, центр — периферия, Латвия

Для цитирования: Комарова В. Ф., Ружа О. П., Хейманис Б. М., Арбидане И., Островска И. Автотранспортная развитость территории Латвии в контексте пространственного неравенства // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 100—121. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-5

Введение

Основными понятиями, с которыми работают авторы в рамках данного исследования, являются следующие: транспортная развитость (англ. state of transport development) территории [1; 2], в частности автотранспортная развитость, пространственное неравенство (англ. spatial inequality [3; 4]) по экономической производительности (англ. economic productivity) [5; 6] и экологической устойчивости (англ. ecological sustainability [7], environmental sustainability [8]). Попытки концептуализировать и эмпирически интерпретировать эти понятия были предприняты в предыдущих исследованиях одного из авторов данной статьи [9–11], но без акцента на транспортной развитости Латвии в контексте пространственного неравенства по экономической производительности и экологической устойчивости. Тем не менее именно такой контекст сегодня особенно актуален для Латвии. Так, экономист Банка Латвии Я. Маурис подчеркивает, что в последние годы несколько отраслей экономики Латвии росли достаточно быстро, в то время как транспортная отрасль была одной из самых медленно растущих. Постепенный спад в транзитном секторе существенно подорвал роль транспорта в экономике Латвии¹.

Кроме того, транспортная отрасль считается основным загрязнителем окружающей среды, поскольку именно эта отрасль дает значительный объем выбросов парниковых газов (ПГ) [12; 13]. В Латвии на сельскохозяйственную и транспортную отрасли приходится наибольший объем выбросов ПГ на душу населения². Латвия входит в число стран ЕС с самым старым автопарком³, и этот факт часто упоминается как причина большого объема выбросов ПГ от транспорта в Латвии⁴. По мнению экспертов ОЭСР, обновление латвийского автопарка требует инновационных финансовых решений для повышения доступности новых транспортных средств [14]. Д. Паула, экономист Банка Латвии, подчеркивает, что Латвия является экономикой догоняющего типа: уровень доходов низкий, количество транспортных средств небольшое, а общий объем выбросов ПГ не так уж и высок. В этом контексте тот факт, что цели экологизации касаются всех, напоминает об издержках сравнений, то есть когда вы «догоняете» страны с более высоким уровнем жизни, желаемые перспективы роста часто идут вразрез с объемами потребления физических и материальных ресурсов. В то же время Латвия по сравнению с другими странами ЕС производит меньше добавленной стоимости на единицу выбросов ПГ, особенно в сельскохозяйственной и транспортной отраслях⁵.

При анализе автотранспортной развитости территории Латвии в контексте пространственного неравенства по экономической производительности и экологической устойчивости необходимо учитывать одну важную особенность, а имен-

¹ Mauris, J. 2022, Latvian transport sector. Long good-bye to the East-West transport corridor, in: *Macroeconomics*, 20/05, URL: <https://www.macroecconomics.lv/raksti/latvian-transport-sector-long-good-bye-east-west-transport-corridor> (дата обращения: 04.11.2024).

² Paula, D. 2021, Strengthening the Green Deal in Latvia: what could we expect from electrical mobility?, in: *Macroeconomics*, 20/04, URL: <https://www.macroecconomics.lv/raksti/strengthening-green-deal-latvia-what-could-we-expect-electrical-mobility> (дата обращения: 04.11.2024).

³ Skribans, V., Kotlars, A. 2024, European cargo vehicle market dataset for 2023, *Data in Brief*, 55, 110648, URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352340924006152?dgci=rss_sd_all (дата обращения: 04.11.2024).

⁴ Zalamane, D. 2020, *Ar nodokli vecāku automašīnu iegādei Latvijā plāno veicināt autoparka atjaunināšanu*, URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/ekonomika/ar-nodokli-vecaku-automasinu-iegadei-latvija-plano-veicinat-autoparka-atjauninasanu.a372414/> (дата обращения: 04.11.2024).

⁵ Paula, D. 2021, Strengthening the Green Deal in Latvia: what could we expect from electrical mobility?, in: *Macroeconomics*, 20/04, URL: <https://www.macroecconomics.lv/raksti/strengthening-green-deal-latvia-what-could-we-expect-electrical-mobility> (дата обращения: 04.11.2024).

но — моноцентрическую специфику пространственного распределения плотности населения в Латвии [15; 16], которая оказывает значительное влияние на автомобильную транспортную развитость территории страны. Так, в Латвии очень высока плотность населения в столице и ее окрестностях (и она продолжает расти) по сравнению с другими регионами и особенно с теми территориями, которые расположены вблизи государственной границы¹. Для автомобильной транспортной развитости территории Латвии особенно существенным является тот факт, что практически необитаемые территории (1 — 3 жителя на км²) расположены не только вблизи границы Латвии с Россией и Беларусью (где возможности автотрансграничных перевозок и экономического сотрудничества практически сведены на нет из-за текущих геополитических условий), но также на границе с Литвой и Эстонией (странами ЕС) и на побережье Балтийского моря. Почти вся экономика Латвии (включая транспортную отрасль и рабочую силу) сосредоточена вокруг столицы, а расстояние до Риги становится основной детерминантой транспортной развитости Латвии и определяет экономическую производительность и экологическую устойчивость латвийских территорий.

Цель данного исследования — анализ автотранспортной развитости территории Латвии в более широком контексте пространственного неравенства по экономической производительности и экологической устойчивости. Исследование также направлено на изучение того, как на автотранспортную развитость территории Латвии влияет специфика пространственного распределения плотности населения, в частности ярко выраженная концентрация жителей в столице / ее окрестностях и малонаселенность (в сельских районах — практически необитаемость) территорий вблизи границ с соседними странами (включая страны ЕС).

Обзор и краткий анализ литературы

Обзор и краткий анализ литературы в рамках данного исследования направлен на поиск обоснования для дальнейшей концептуализации и эмпирической интерпретации основных понятий, с которыми работают авторы: транспортная (в частности, автотранспортная) развитость территории, пространственное неравенство по экономической производительности и экологической устойчивости. Кроме того, обзор литературы сконцентрирован на основной задаче идентификации пробелов в изучении проблематики автотранспортной развитости территорий в контексте пространственного неравенства и обоснования методологии дальнейшего эмпирического исследования.

Существенный вклад в развитие методологии оценки транспортной развитости территорий внес подход [9], в котором транспортная развитость представлена как многокомпонентное явление, охватывающее уровень транспортизации², степень интернационализации транспортной системы, качество транспортной инфраструктуры и эффективность транспортных услуг. В рамках исследования [9] был разработан интегральный Индекс транспортной развитости территории, ИТРТ (*англ.* Territory Transport Development Index, TTDI), апробированный на примере стран ЕС. Его преимущество заключается в способности объединить разнообразные количественные и качественные показатели — от плотности автодорог и внутреннего

¹ Central Statistical Bureau (Latvia), IRD062: Usually resident population density in regions, cities and towns, municipalities, and rural territories, *Statistical Database*, URL: https://data.stat.gov.lv/rxweb/en/OSP_PUB/START_POP_IR_IRD/IRD062/ (дата обращения: 04.11.2024).

² Имеется в виду плотность транспортных путей на 1 км² территории; термин выбран по аналогии с терминами «электрификация», «газификация» и отличается по смыслу от термина «транспортировка» [1; 2].

водного транспорта до оценки качества портовой инфраструктуры и эффективности железнодорожных перевозок — в единую сравнительную шкалу [9]. Особенно ценно в контексте пространственного анализа то, что данный индекс позволяет выявлять не только традиционные «центры» транспортной активности, но и случаи функционального несоответствия территориальному положению, что актуализирует подход к типологизации, основанный не на географической близости, а на системных характеристиках.

Особое значение для формирования более глубокой методологии пространственного анализа транспортной развитости территории имеет исследование [10], в котором рассматриваются взаимосвязи между развитием транспортной инфраструктуры и уровнем территориального производства. Его авторы выделяют два уровня интерпретации транспортной развитости — классический (инфраструктура дорог, портов, авиации) и инновационный (логистические и цифровые сервисы), результаты которых демонстрируют устойчивость типологий: наиболее развитые страны ЕС систематически показывают высокие значения по всем индексам, а Латвия — стабильно низкие. Важным вкладом исследования [10] является выявление обратной причинной зависимости: развитая инфраструктура становится детерминантой роста производства, а не его следствием. Данное исследование также подчеркивает необходимость учета не только экономических и логистических, но и экологических, институциональных факторов при оценке территориального развития, что особенно важно для малых и отдаленных регионов с ограниченными возможностями доступа к централизованным инвестициям и управленческим ресурсам.

Значительный вклад в изучение связи между транспортной инфраструктурой и экономическим развитием на субнациональном уровне в Латвии внес анализ [11], сфокусированный на муниципальных бюджетных расходах на транспорт и производство в контексте повышения локальной экономической активности. Исследование [11] опровергло исходную гипотезу о том, что приоритет финансирования определяется текущим уровнем экономического развития: выяснилось, что бюджетные приоритеты самоуправлений зависят скорее от географического или геоэкономического положения, чем от внутреннего состояния экономики. В Латвии наблюдается устойчивая кластеризация самоуправлений по типу доминирующего направления расходов, при этом тенденция к «транспортно-производственной» реструктуризации усилилась в 2022 г., что, вероятно, связано с геополитической ситуацией в Восточной Европе.

Особый интерес для данного исследования представляет работа, посвященная странам Южной Азии [17], в которой показано, что плотность населения оказывает существенное влияние на связь между состоянием автотранспортной инфраструктуры, объемом дорожной сети, уровнем энергообеспечения и качеством жизни. В условиях высокой плотности населения рост автотранспортной инфраструктуры без должного развития общественного транспорта приводит к ухудшению экологических и социальных условий, росту загрязнений и автотранспортной нагрузки. В исследовании [17] подчеркивается, что при планировании транспортной политики необходимо учитывать не только наличие автодорог и энергоснабжения, но и функциональную интеграцию с населенной структурой, включая развитие доступного и экологичного общественного транспорта. Эти выводы актуальны и для латвийского контекста, где также наблюдается высокая концентрация населения в столичном регионе и необходимость перехода к функционально-ориентированным стратегиям транспортного развития.

Современные исследования [18; 19] подчеркивают двойственную природу влияния автотранспортной развитости на экологическую устойчивость терри-

торий. Так, в рамках анализа десяти стран с переходом к «зеленой» энергетике [18] установлено, что инвестиции в экологически чистый автотранспорт способствуют снижению экологического следа и, следовательно, уменьшению уровня деградации окружающей среды. Влияние зеленого автотранспорта проявляется как в прямом сокращении выбросов парниковых газов, так и в повышении энергоэффективности городской мобильности, при этом факторы институционального качества, инновационной активности и внутренних инвестиций также способствуют улучшению экологического баланса. Однако урбанизация, напротив, усиливает нагрузку на окружающую среду, что требует комплексной политики по согласованию темпов роста и экологических ограничений [18]. В то же время исследование на примере провинции Хайнань в Китае [19] демонстрирует, что влияние транспортной развитости зависит от характера изменения землепользования: повышение эффективности использования земель может смягчить негативное воздействие, тогда как интенсивное освоение новых территорий, напротив, приводит к росту загрязнения [19]. Таким образом, устойчивый эффект транспортных инвестиций определяется не только их масштабом, но и характером территориальной политики.

Возвращаясь к экономическим аспектам автотранспортной развитости территорий Балтийского региона, следует подчеркнуть, что практически все современные исследования подтверждают наличие прямой взаимосвязи между состоянием транспортной инфраструктуры и макроэкономической динамикой. Так, в исследовании [20] обосновано, что инвестиции в транспортную инфраструктуру Латвии способствуют не только росту ВВП, но и активизации внешней торговли, включая экспортно-импортные отношения с Польшей и другими странами ЕС. Анализ [21] показывает, что эффективность транспортной политики во многом определяется способностью государства формировать устойчивые механизмы принятия инвестиционных решений в условиях ограниченных бюджетных ресурсов. При этом высококачественная инфраструктура способствует развитию предпринимательской активности, повышению занятости и росту конкурентоспособности экономики. Исследование [22] дополняет эту картину моделированием вклада транспортно-складского сектора в экономическое развитие Латвии: авторы фиксируют значимую долю добавленной стоимости (9,2 %) и высокую корреляцию между колебаниями грузооборота и динамикой ВВП, подчеркивая роль Латвии как регионального транзитного узла. Наконец, исследование [23] акцентирует внимание на том, что устойчивое развитие транспортного сектора Литвы оказывает мультипликативное воздействие на экономику соседних стран, включая Латвию, что подтверждает необходимость учитывать региональные взаимосвязи при разработке национальной транспортной стратегии. Все эти исследования подчеркивают, что автотранспортная инфраструктура выступает не просто логистическим ресурсом, но и стратегическим инструментом пространственного и экономического развития.

В исследовании ОЭСР о воздействии на климат транспортных инвестиций в Латвии [14] предлагается более дифференцированная (с учетом пространственного неравенства) стратегия перехода от автомобильного транспорта к более устойчивым видам общественного транспорта, включая инвестиции в расширение инфраструктуры общественного транспорта (например, железных дорог) и улучшение городских транспортных систем (например, трамваев и троллейбусов), особенно в столичном регионе, где значительны пробки на дорогах и выбросы. Для периферийных территорий с более низкой плотностью населения эксперты ОЭСР рекомендуют сосредоточиться на инвестициях, которые улучшают связанность и эффективность существующей транспортной инфраструктуры [14]. В свою оче-

редь, для территорий с самой низкой плотностью населения эксперты подчеркивают необходимость разработки транспортной политики, учитывающей местные потребности (например, продвижение услуг совместного использования транспортных средств) [14]. Эти рекомендации направлены на повышение транспортной развитости территорий и одновременно на поддержку экономического роста и экологической устойчивости как в столице, так и на периферийных территориях Латвии.

В этой связи уместно обратиться к теоретической модели «центр — периферия», широко используемой в академической литературе по вопросам пространственного неравенства [24; 25]. Она описывает структуру, в которой центральные регионы (в данном случае Рига и прилегающие территории) концентрируют ресурсы, инфраструктуру и экономическую активность, в то время как периферийные районы характеризуются отставанием по ключевым показателям. При этом неравномерное развитие территорий не является следствием их отсталости или отсутствия ресурсов, а формируется в процессе структурной зависимости — как внешнеэкономической, так и институциональной [24].

Эмпирическое подтверждение применимости модели «центр — периферия» в транспортных исследованиях дает анализ связности сельских поселений Калининградской области [25]. Авторы подчеркивают, что недостаточная транспортная связность способствует углублению периферийности, снижению доступности социальных и экономических услуг, а также ограничивает потенциал развития отдаленных территорий. В исследовании [25] показано, что инвестиции в автотранспортную инфраструктуру, направленные на преодоление изолированности и восстановление связей с центром, выступают не только как транспортная мера, но и как социально-экономический инструмент сокращения территориального неравенства. Таким образом, концепция «центр — периферия» может служить не только теоретической рамкой, но и аналитическим инструментом интерпретации различий, наблюдаемых в автотранспортной развитости территорий Латвии.

Исследования транспортной инфраструктуры Калининградской области [26—28] демонстрируют системную взаимосвязь между ее геополитическим положением, экономической устойчивостью и логистической связностью. Регион рассматривается как уникальный полуэксклав России, находящийся в изоляции от основной территории страны и одновременно обладающий близостью к промышленно развитым европейским государствам, что определяет его двойственную экономико-географическую роль [26]. В исследованиях [27; 28] подчеркивается, что слабая транспортная связность и недостаточная плотность наземной инфраструктуры ограничивают экономический потенциал региона и повышают уязвимость в условиях санкционного давления. Выявлены значительные различия между федеральными, региональными и местными дорогами, требующими реконструкции и расширения, несмотря на относительно высокую долю дорог с твердым покрытием. Повышенное внимание уделяется роли особой экономической зоны как институционального механизма адаптации: она обеспечивает частичную компенсацию изолированности и стимулирует создание дополнительного транспортного и логистического потенциала территории [26].

Обобщая результаты рассмотренных теоретических и эмпирических исследований, можно сделать вывод, что транспортная развитость территорий представляет собой многоуровневое и многофакторное явление, оказывающее комплексное влияние на экономическую производительность и экологическую устойчивость территорий. Моноцентрическая структура населения Латвии, устойчивое доминирование столичного региона и значительная дифференциация в доступе к транспортной

инфраструктуре усиливают пространственное неравенство, что требует более тонкой и типологизированной аналитики. Представленные в литературе подходы и выявленные взаимосвязи между транспортными характеристиками, плотностью населения и экономико-экологическими показателями создают основу для эмпирической верификации предложенной в настоящем исследовании системной модели, которая и будет далее положена в основу формализации методологии анализа территорий латвийских самоуправлений.

Концептуальная основа и методология исследования

На основании результатов обзора и краткого анализа литературы мы предлагаем разделить Латвию на три различных (неравных) типа территорий для дальнейшей концептуализации и определения понятия транспортной развитости (отдельно для каждого типа территорий в Латвии) в контексте пространственного неравенства по экономической производительности и экологической устойчивости. Объектом данного исследования являются территории латвийских самоуправлений. Административное деление Латвии на территории самоуправлений (36 краев и 7 городов государственного значения, не входящих в состав краев) осуществлено с 1 июля 2021 г. в соответствии с законом Латвийской Республики «Об административных территориях и населенных пунктах»¹. Все самоуправления Латвии — как края, так и города государственного значения — включены в выборку данного исследования, которая в конечном итоге состоит из 43 объектов и совпадает с генеральной совокупностью (общим количеством) латвийских самоуправлений. Такое сравнительно небольшое количество объектов можно анализировать статистическими методами [29], но при этом требуется повышенное внимание к статистической значимости полученных результатов.

Системный анализ объекта и предмета исследования начинается с тех сил (процессов), которые воздействуют на латвийские самоуправления, и наоборот. Этими силами являются, с одной стороны, традиционная практика и привычные требования к окружающей среде и экономической производительности, а с другой — инновационная практика и новые требования к экологической устойчивости и экономической производительности. В результате этого взаимного влияния теоретически можно получить три типа территорий Латвии в контексте пространственного неравенства: столичный регион, периферийные территории с меньшей плотностью населения и отдаленные территории с низкой плотностью населения. Основными потенциальными детерминантами типологии латвийских самоуправлений (которые необходимо эмпирически проверить в ходе дальнейшего количественного анализа статистических данных) мы считаем плотность населения, расстояние до Риги, характеристики транспорта и его инфраструктуры. Следующим методологическим вопросом эмпирической проверки вышеизложенного теоретического системного анализа является эмпирическая интерпретация используемых в исследовании концептуальных конструкций с целью их практического измерения на территориях латвийских самоуправлений.

В таблице 1 представлены как концептуальные конструкции, использованные при системном анализе объекта и предмета исследования, так и их эмпирическая интерпретация, основанная на идеях, взятых из обследованной научной литературы и данных латвийской статистики.

¹ Saeima of Latvia 2020, Law on administrative territories and populated areas, *Latvijas Vēstnesis* = *Bulletin of Latvia*, 119C, 22/06, URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/315654> (дата обращения: 04.11.2024).

Таблица 1

Концептуальные конструкции исследования и их эмпирическая интерпретация

Концептуальные конструкции	Эмпирическая интерпретация в рамках исследования, данные за 2022—2023 гг.
Экономическая производительность (на территории)	ВВП на душу населения, евро Среднегодовой подоходный налог на душу населения, евро
Экологическая устойчивость (на территории)	Выбросы парниковых газов (ПГ) (CO ₂ , N ₂ O, CH ₄ , HFC и SF ₆) на душу населения, кг в эквиваленте CO ₂ Выбросы ПГ на км ² территории, тыс. т в эквиваленте CO ₂
Характеристики транспорта (на территории)	Доля пассажирских электромобилей, % от общего количества зарегистрированных пассажирских автомобилей
Характеристики транспортной инфраструктуры (на территории)	Доля асфальтированных дорог и дорог с другим битумным покрытием, % от общей протяженности автодорог Плотность автодорог, км дорог (улиц, государственных и муниципальных автодорог) на км ² территории
Общие характеристики, потенциально детерминирующие типологию территорий	Плотность населения, количество жителей на км ² территории Расстояние (по дорогам) до Риги, км

Разработано на основе [1; 2; 9; 11], а также по данным латвийской статистики¹ и Государственной кассы Латвии².

Поскольку взаимодействие между латвийскими самоуправлениями / транспортной развитостью их территории и практикой / требованиями к экологической устойчивости / экономической производительности является двусторонним процессом, то для количественной оценки вышеназванных взаимосвязей (рис. 1) можно использовать корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона [30]. Затем те из основных потенциальных детерминант типологии латвийских самоуправлений, которые статистически значимо коррелируют с выбранными показателями экономической производительности и экологической устойчивости

¹ Central Statistical Bureau (Latvia), IRD062: Usually resident population density in regions, cities and towns, municipalities, and rural territories, *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_POP_IR_IRD/IRD062/ (дата обращения: 04.11.2024) ; IKR060: Gross domestic product and gross value added by region, State city and municipality at current prices (after administrative-territorial reform in 2021), *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_VEK_IK_IKR/IKR060 (дата обращения: 04.11.2024) ; GPE020: Greenhouse gas emissions in regions, State cities and municipalities, *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_ENV_GP_GPE/GPE020 (дата обращения: 04.11.2024) ; TRC011: Stock of vehicles by type in regions, State cities and municipalities, *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_NOZ_TR_TRC/TRC011/ (дата обращения: 04.11.2024) ; TRC012: Registered electric vehicles in regions, State cities and municipalities, *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_NOZ_TR_TRC/TRC012/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 04.11.2024) ; TRS020: Length of state and municipal roads and streets in regions, State cities and municipalities, *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_NOZ_TR_TRS/TRS020 (дата обращения: 04.11.2024) ; DRT011: Total and land area of regions, cities, municipalities, towns and rural territories, *Statistical database. Oficiālās statistikas portāls*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_ENV_DR_DRT/DRT011 (дата обращения: 04.11.2024).

² State Treasury of Latvia, *Basic Budget Implementation Report (2PB_Pasv)*, URL: https://e2.kase.gov.lv/pub5.5_pasv/code/pub.php?module=pub (дата обращения: 04.11.2024).

латвийских самоуправлений, будут участвовать в кластерном анализе с целью выявления эмпирических типов территорий Латвии (рис. 1, табл. 1). На основе обзора и краткого анализа литературы можно сделать вывод, что транспортная развитость для каждого типа идентифицированных территорий Латвии имеет свои особенности, определяемые спецификой экономической производительности и экологической устойчивости этих типов территорий.

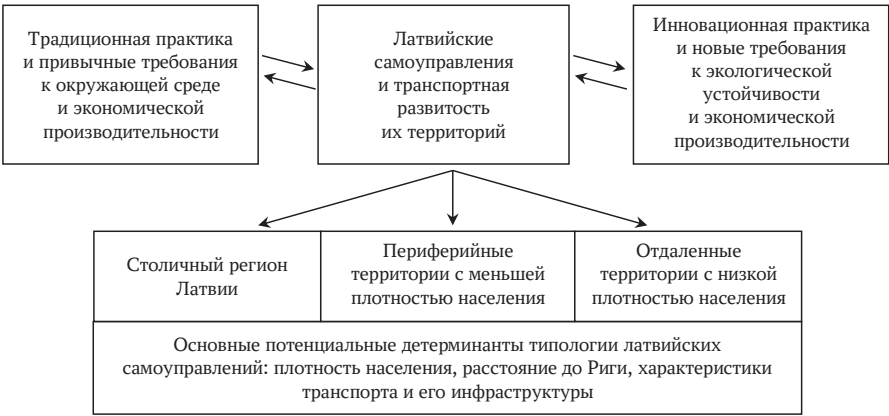

Рис. 1. Системный анализ объекта (латвийских самоуправлений) и предмета (транспортной развитости их территорий) исследования, включая силы, действующие на них (и наоборот), и результат этого взаимодействия

Разработано на основе обзора и краткого анализа литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ результатов исследования начинается с изучения корреляции между характеристиками транспорта / его инфраструктуры в латвийских самоуправлениях, общими характеристиками самоуправлений и экономической производительностью / экологической устойчивостью на их территориях (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция между основными потенциальными детерминантами типологии территорий Латвии и показателями их экономической производительности / экологической устойчивости, n = 43, 2022 – 2023 гг.

Коррелируемые показатели	Коэффициенты корреляционного анализа	Показатели экономической производительности (на территории)		Показатели экологической устойчивости (на территории)	
		ВВП на душу населения	Подходный налог на душу населения	Выбросы ПГ на душу населения	Выбросы ПГ на км² территории
Доля пассажирских электромобилей	Коэффициент корреляции Пирсона	0,400**	0,800**	– 0,505**	0,134
	Значимость (двухсторонняя)	0,008	< 0,001	< 0,001	0,392

Окончание табл. 2

Коррелируемые показатели	Коэффициенты корреляционного анализа	Показатели экономической производительности (на территории)		Показатели экологической устойчивости (на территории)	
		ВВП на душу населения	Подходный налог на душу населения	Выбросы ПГ на душу населения	Выбросы ПГ на км ² территории
Доля асфальтированных дорог и дорог с другим битумным покрытием	Коэффициент корреляции Пирсона	0,511**	0,544**	-0,705**	0,679**
	Значимость (двухсторонняя)	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001
Плотность автодорог	Коэффициент корреляции Пирсона	0,241	0,208	-0,575**	0,856**
	Значимость (двухсторонняя)	0,119	0,180	< 0,001	< 0,001
Плотность населения	Коэффициент корреляции Пирсона	0,427**	0,215	-0,497**	0,969**
	Значимость (двухсторонняя)	0,004	0,167	< 0,001	< 0,001
Расстояние (по дорогам) до Риги	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,494**	-0,832**	0,432**	0,001
	Значимость (двухсторонняя)	< 0,001	< 0,001	0,004	0,993

** Корреляция (двухсторонняя) значима на уровне 0,01.

Разработано с использованием программы *IBM SPSS Statistics* на основе данных латвийской статистики и Государственной кассы Латвии.

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 2, подчеркивают взаимосвязь между характеристиками транспорта / его инфраструктуры и экономическими / экологическими показателями на территориях латвийских самоуправлений. Автодорожная инфраструктура лучшего качества и более высокая доля электромобилей связаны с повышением экономической производительности ($r=0,400$, $p=0,008$ для ВВП и $r=0,800$, $p<0,001$ для подоходного налога с населения) и снижением выбросов ПГ на душу населения ($r=-0,505$, $p<0,001$). Однако увеличение плотности автодорог и плотности населения приводит к более высоким выбросам ПГ на единицу площади ($r=0,856$, $p<0,001$ и $r=0,969$, $p<0,001$ соответственно), что создает проблемы для экологической устойчивости. Близость к Риге имеет решающее значение (самые высокие коэффициенты корреляции) для экономической производительности на территориях латвийских самоуправлений ($r=-0,494$, $p<0,001$ для ВВП и $r=-0,832$, $p<0,001$ для подоходного налога с населения) и коррелирует с более высокими показателями выбросов ПГ на душу населения по мере увеличения расстояния ($r=0,432$, $p=0,004$). В любом случае все пять коррелирующих показателей демонстрируют статистически значимые взаимосвязи с тем или иным аспектом экономической производительности / экологической устойчивости на территориях латвийских самоуправлений и будут включены в дальнейший кластерный анализ.

Результаты процесса кластерной агломерации (первая процедура в реализации иерархического кластерного анализа) показали, что оптимальное количество кластеров, рассчитанное на основе фиксации шага в процессе агломерации, после которого коэффициент скачкообразно увеличивается [30] (в нашем случае с 8,879 на 39-м шаге до 14,064 на 40-м шаге), составляет 4 (рассчитано с помощью программного обеспечения *IBM SPSS Statistics*). Основные результаты кластерного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Типологические группы латвийских самоуправлений, полученные
в результате кластерного анализа, n = 43, 2022 – 2023 гг.**

Параметр	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Название кластера	Столица Латвии	Центральные города	Все самоуправления латвийских краев	Отдаленные города
Количество объектов	1	3	36	3
Названия участников	Рига	Вентспилс, Елгава, Юрмала	Группа из 36 краевых самоуправлений, требующая дальнейшей классификации	Даугавпилс, Лиепая, Резекне
Доля пассажирских электромобилей, %	5,7	7,7		1,4
Доля асфальтированных дорог, %	72,3	69,5		69,9
Плотность автодорог, км	3,96	3,91		4,88
Плотность населения, чел.	2309	724		1364
Расстояние (по дорогам) до Риги, км	0	83		223

Разработано с использованием программы *IBM SPSS Statistics* на основе данных латвийской статистики.

Результаты кластерного анализа, представленные в таблице 3, выявляют различные типологические группы среди латвийских самоуправлений. Кластеры 1, 2 и 4 показывают схожий уровень развития автотранспортной инфраструктуры, в то время как отдаленные города (кластер 4) сталкиваются с такими дополнительными вызовами, как низкое внедрение электромобилей и большая удаленность от экономического центра, что отражается на их экономических и экологических профилях (табл. 4). Отдаленные города в Латвии имеют более «индустриальный» профиль с относительно более высокой (по сравнению с центральными городами) плотностью населения и плотностью автодорог.

Таблица 4

**Экономические и экологические показатели групп латвийских городов,
n = 7, 2022 – 2023 гг.**

Экономические и экологические показатели	Столица Латвии, Рига	Центральные города (Вентспилс, Елгава, Юрмала)	Отдаленные города (Даугавпилс, Лиепая, Резекне)
ВВП на душу населения, евро	28 943,00	12 454,67	13 283,67
Подходный налог на душу населения, евро	1159,68	992,17	645,66

Окончание табл. 4

Экономические и экологические показатели	Столица Латвии, Рига	Центральные города (Вентспилс, Елгава, Юрмала)	Отдаленные города (Даугавпилс, Лиепая, Резекне)
Выбросы ПГ на душу населения, кг	3712,09	2630,55	3306,92
Выбросы ПГ на км ² территории, тыс. т	7,42	1,71	4,12

Разработано с использованием программы *IBM SPSS Statistics* на основе данных латвийской статистики и Государственной кассы Латвии.

Рига демонстрирует самую высокую экономическую производительность и уровень доходов, что подчеркивает ее центральную роль в экономике Латвии. Центральные города выигрывают от своей близости к Риге, демонстрируя умеренную экономическую производительность, в то время как отдаленные города имеют немного более высокий ВВП на душу населения, но более низкий уровень среднегодового подоходного налога на душу населения (табл. 4). Что касается экологических профилей, то необходимо отметить, что высокая экономическая производительность Риги сопровождается высокими показателями выбросов ПГ на душу населения и на км² территории. В свою очередь, центральные города демонстрируют самые благоприятные экологические показатели с самыми низкими выбросами ПГ на душу населения и на км² территории, что свидетельствует о балансе между экономической производительностью и экологической устойчивостью на этом типе территорий Латвии.

Особое внимание следует уделить позиции города Вентспилса в типологии. Несмотря на значительное географическое удаление от Риги, он оказался в кластере «центральных городов» вместе с Елгавой и Юрмалой. На первый взгляд это может показаться методологически спорным, однако выборка и логика кластеризации базировались не на географическом принципе, а на комплексных социально-экономических и инфраструктурных показателях. Вентспилс демонстрирует высокую долю электромобилей, развитую дорожную сеть, относительно высокие экономические показатели и умеренные выбросы ПГ на единицу площади. Кроме того, его портовая специализация придает ему функциональную близость к «центру» экономики страны. Таким образом, его включение в данный кластер следует интерпретировать как отражение функционального, а не исключительно пространственного централизма.

В свою очередь, отдаленные города Латвии при меньшей экономической производительности отличаются значительными выбросами ПГ на душу населения, что подчеркивает их экологическую неустойчивость, несмотря на более низкую (по сравнению с Ригой) общую плотность выбросов ПГ на км² территории (табл. 4). Результаты этого анализа показывают экономические преимущества и экологические проблемы, с которыми сталкиваются различные группы городов Латвии, при этом экономическое лидерство Риги контрастирует с ее воздействием на окружающую среду, а центральные города демонстрируют большую сбалансированность между экономической производительностью и экологической устойчивостью.

Что касается 36 латвийских краев, то для них был проведен второй этап кластерного анализа, в ходе которого 7 городских самоуправлений были исключены из анализа. Результаты процесса кластерной агломерации (первая процедура в реализации иерархического кластерного анализа) показали, что оптимальное количество кластеров, рассчитанное на основе фиксации шага в процессе агломерации, после которого коэффициент скачкообразно увеличивается [30] (в нашем случае с

16,864 на 34-м шаге до 43,970 на 35-м шаге), составляет 2 (рассчитано с помощью программного обеспечения *IBM SPSS Statistics*). Основные результаты кластерного анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Типологические группы латвийских краев, полученные в результате
кластерного анализа, n = 36, 2022 – 2023 гг.**

Параметр	Кластер 1	Кластер 2
Название кластера	Центральные края	Отдаленные края
Количество объектов	17	19
Названия участников	Адажский, Айзкраукльский, Бауский, Цесисский, Добельский, Елгавский, Кекавский, Лимбажский, Марупский, Огрский, Олайнский, Ропажский, Саласпилсский, Саулкрастский, Сигулдский, Тукумский, Валмиерский края	Алуксненский, Аугшдавский, Балвский, Диенвидкурземский, Екабпилсский, Гулбенский, Краславский, Кулдигский, Ливанский, Лудзенский, Мадонский, Прейльский, Резекненский, Салдусский, Смилтенский, Талсинский, Валкский, Вараклянский, Вентспилсский края
Доля пассажирских автомобилей, %	3,8	1,0
Доля асфальтированных дорог, %	37,3	24,7
Плотность автодорог, км	1,05	0,81
Плотность населения, чел.	53	10
Расстояние (по дорогам) до Риги, км	52	182

Разработано с использованием программы *IBM SPSS Statistics* на основе данных латвийской статистики.

Как показывают данные, представленные в таблице 5, центральные края характеризуются более высоким уровнем внедрения электромобилей, более развитой транспортной инфраструктурой, сравнительно высокой плотностью населения и близостью к Риге. Эти факторы способствуют лучшим экономическим возможностям, доступу к услугам и экологическим технологиям, делая центральные края более динамичными и интегрированными в общую экономическую структуру Латвии. В свою очередь, отдаленные края демонстрируют более низкий уровень внедрения электромобилей, менее развитую транспортную инфраструктуру, низкую плотность населения и находятся значительно дальше от Риги (табл. 5). Эти факторы способствуют экономической изоляции, более медленному развитию и ограниченному доступу к современной инфраструктуре и экологическим технологиям, делая отдаленные латвийские края менее конкурентоспособными и более зависимыми от традиционных методов транспортировки. В целом типологические группы латвийских краев повторяют типологию городов, при этом центральные края также выигрывают от близости к столице / центральным городам и лучшей инфраструктуре, в то время как отдаленные края сталкиваются с проблемами, связанными с расстоянием до Риги, более низким качеством транспортной инфраструктуры и сравнительно низкой плотностью населения.

Как показывают данные таблицы 6, центральные края демонстрируют лучшие экономические показатели с более высоким ВВП на душу населения и подоходным налогом на душу населения, что свидетельствует о более развитой экономике, лучшем доступе к рынкам и более высоком уровне доходов населения. С точки зрения экологической устойчивости эти края имеют более низкие показатели выбросов ПГ на душу населения, но при этом более высокие показатели выбросов ПГ на км² территории (из-за концентрированной экономической активности). С другой стороны, отдаленные края сталкиваются с экономическими проблемами в виде сравнительно низкого ВВП на душу населения и подоходным налогом на душу населения, что способствует их изоляции (не только экономической, но и социальной, политической и т.д.) [11; 31; 32], более низкую экономическую производительность и ограниченный доступ к экономическим возможностям. В свою очередь, более высокие показатели выбросов ПГ на душу населения на территории отдаленных латвийских краев указывают на менее эффективное использование энергии, хотя общие показатели выбросов ПГ на км² территории здесь ниже по причине сравнительной обширности и малонаселенности этих территорий Латвии.

Таблица 6

**Экономические и экологические показатели групп латвийских краев,
n = 36, 2022 – 2023 гг.**

Экономические и экологические показатели	Центральные края, n = 17	Отдаленные края, n = 19
ВВП на душу населения, евро	13 499,24	10 042,32
Подоходный налог на душу населения, евро	925,28	586,83
Выбросы ПГ на душу населения, кг	5106,35	6865,78
Выбросы ПГ на км ² территории, тыс. т	0,20	0,07

Разработано с использованием программы *IBM SPSS Statistics* на основе данных латвийской статистики и Государственной кассы Латвии.

На рисунке 2 визуально представлены пять типов территорий Латвии, полученных в результате проведения двухуровневого кластерного анализа:

- 1) Рига, столица Латвии и ее географический, транспортный, экономический и пр. центр;
- 2) центральные города Латвии (Вентспилс, Елгава, Юрмала), расположенные близко или сравнительно недалеко от Риги, то есть в центральных краях (за исключением Вентспилса);
- 3) отдаленные города (Даугавпилс, Лиепая, Резекне), расположенные далеко от Риги, то есть в отдаленных краях;
- 4) центральные края (17 самоуправлений), расположенные близко или сравнительно недалеко от Риги;
- 5) отдаленные края (19 самоуправлений), расположенные далеко от Риги.

Условно говоря, экономически активную и автотранспортно-развитую Латвию можно очертить на географической карте (рис. 2) практически с помощью циркуля, уперев его ножку в точку, представляющую Ригу. Обо всей остальной территории страны, если бы на ней не было трех достаточно крупных промышленных городов (Даугавпилс, Лиепая, Резекне), политическая элита Латвии, скорее всего, предпочла бы забыть совсем, поскольку во многие отдаленные районы Латвии уже просто невозможно добраться наземным транспортом, особенно при неблагоприятных погодных условиях и в межсезонье [33]. Таким образом, специфика и сущность транспортной развитости центральных и отдаленных территорий Латвии детер-

минируется моноцентрическим (с элементами полицентричности (в какой-то мере полюсами роста можно считать города государственного значения, даже если они отдаленные)) пространственным неравенством по экономической производительности и экологической устойчивости, а также уникальным пространственным распределением плотности населения.

Рис. 2. Картографическая визуализация типологии латвийских самоуправлений

Разработано с использованием программного обеспечения *ArcGIS* и результатов кластерного анализа; является иллюстрацией к таблицам 3 и 5.

Для центральных территорий Латвии характерно улучшение транспортной развитости за счет хорошо развитой сети автодорог, их высокой плотности и лучшего качества транспортной инфраструктуры. Транспортная развитость центральных территорий Латвии поддерживает экономическую производительность на этих территориях, но требует тщательного управления, чтобы сбалансировать экономический рост с экологической устойчивостью.

В свою очередь, транспортная развитость отдаленных территорий Латвии ниже из-за менее развитой транспортной инфраструктуры, низкой плотности автодорог и минимального внедрения электромобилей. Проблемы транспортной развитости этих территорий усугубляются большими расстояниями и повышенными расходами на транспортировку, что затрудняет достижение высокой экономической производительности и экологической устойчивости.

Выводы

В данном исследовании акцентируются существенные различия между центральными и отдаленными территориями Латвии (как на уровне городов, так и краев), подчеркивается необходимость целенаправленной автотранспортной политики

с учетом уникального контекста пространственного неравенства по экономической производительности и экологической устойчивости, а также специфики пространственного распределения плотности населения в Латвии. Центральные латвийские города и края выигрывают от близости к столице и ее инфраструктуре, в то время как отдаленные города и края сталкиваются с экономической изоляцией и экологической неэффективностью. Фактически 100-километровая зона вокруг столицы Латвии — это «другой мир» по сравнению с отдаленной Латвией, расположенной более чем в 100 км от Риги. При этом текущая геополитическая ситуация и санкции / ограничения против России и Беларуси не являются детерминантой такого положения, поскольку отдаленные латвийские самоуправления вблизи границ с Эстонией и Литвой имеют аналогичный контекст экономической производительности и экологической устойчивости, а также аналогичную малонаселенность и низкую автотранспортную развитость, как и отдаленные латвийские самоуправления вблизи границ с Россией и Беларусью.

Автотранспортная развитость центральной и отдаленной территории Латвии существенно зависит от экономических и экологических характеристик каждого из этих типов территорий, а также плотности населения и их удаленности от Риги. Для повышения транспортной развитости Латвии необходимы целевые стратегии отдельно для центральных и отдаленных территорий страны. Для центральных территорий актуальным является акцент на оптимизации автотранспортных сетей, продвижении электромобилей и внедрении устойчивых городских транспортных решений. В свою очередь, для отдаленных территорий необходимы инвестиции в автотранспортную инфраструктуру, такие как модернизация сельских дорог и внедрение инновационных, локализованных транспортных решений (например, услуги общего пользования автотранспортными средствами). Эти меры могут помочь сбалансировать экономическую производительность с экологической устойчивостью, адаптировать их к конкретным потребностям и возможностям центральных и отдаленных территорий Латвии.

Таким образом, идентифицированные различия подтверждают наличие в Латвии устойчивой центр-периферийной структуры, где Рига и прилегающие территории функционируют как ядро, а отдаленные регионы — как периферия, ограниченная в доступе к экономическим и автотранспортным ресурсам.

Список литературы

1. Balodis, J. 2022, Pasaules valstu ražīguma un produktivitātes atkarība no transporta attīstības. Meņšikovs, V. (ed.), *Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2021" materiāli*, III daļa, Ekonomika, Daugavpils, Daugavpils Universitāte, p. 5—19.
2. Balodis, J. 2023, Teritorijas transporta attīstības novērtēšanas metodoloģija. Meņšikovs, V. (ed.), *Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2022" materiāli*, III daļa, Ekonomika, Daugavpils, Daugavpils Universitāte, p. 5—21.
3. Achten, S., Lessmann, C. 2020, Spatial inequality, geography and economic activity, *World Development*, vol. 136, art. 105114. EDN: YBQQQF, <https://doi.org/10.1016/j.world-dev.2020.105114>
4. Kanbur, R., Venables, T. 2005, Introduction: Spatial inequality and development, *Journal of Economic Geography*, vol. 5, № 1, p. 1—2, <https://doi.org/10.1093/jnecg/lbh059>
5. Коршенков, Е., Игнатъев, С., Дембовский, В. 2019, Теоретическое и методологическое обоснование изучения производительности и продуктивности в региональной экономике, *Sociālo Zinātņu Vēstnesis = Вестник социальных наук*, т. 29, № 2, с. 25—64, [https://doi.org/10.9770/szv.2019.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2019.2(2))
6. Korshenkov, E., Ignatyev, S. 2020, Empirical interpretation and measurement of the productivity and efficiency of regions: the case of Latvia, *Insights into Regional Development*, vol. 2, № 2, p. 549—561. EDN: BDZLTA, [https://doi.org/10.9770/IRD.2020.2.2\(4\)](https://doi.org/10.9770/IRD.2020.2.2(4))

7. Perrings, C. 1991, Ecological sustainability and environmental control, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 2, № 2, p. 275—295, [https://doi.org/10.1016/S0954-349X\(05\)80003-7](https://doi.org/10.1016/S0954-349X(05)80003-7)
8. Ерлыгина, Е. Г., Штебнер, С. В. 2022, Экологическая устойчивость в концепции устойчивого развития, *Бюллетень науки и практики*, т. 8, № 6, с. 134—141. EDN: BTSWSH, <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/15>
9. Balodis, J., Komarova, V., Čižo, E., Ruza, O., Kokarevica, A. 2022, Assessing the transport development of the European Union countries, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 10, № 2, p. 130—146. EDN: OKWNUD, [http://doi.org/10.9770/jesi.2022.10.2\(8\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2022.10.2(8))
10. Komarova, V., Čižo, E., Balodis, J., Kokarevica, A., Ruza, O., Kudins, J. 2023, Development of transport infrastructure and its impact on territorial production, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 10, № 4, p. 338—356. EDN: DPVMZH, [https://doi.org/10.9770/jesi.2023.10.4\(21\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2023.10.4(21))
11. Komarova, V., Ignatjeva, S., Kudins, J., Kokarevica, A., Ostrovskaya, I., Čižo, E. 2024, Latvian municipal budgets' expenditures on transport infrastructure and production in the context of improving the local economy, *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*, vol. 11, № 4, p. 736—753. EDN: THBSPN, <https://doi.org/10.15549/jeeCAR.v11i4.1608>
12. Acheampong, A. O., Opoku, E. E. O. 2023, Environmental degradation and economic growth: Investigating linkages and potential pathways, *Energy Economics*, vol. 123, art. 106734. EDN: UGTJKT, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2023.106734>
13. Albuquerque, F. D. B., Maraqa, M. A., Chowdhury, R., Mauga, T., Alzard, M. 2020, Greenhouse gas emissions associated with road transport projects: current status, benchmarking, and assessment tools, *Transportation Research Procedia*, vol. 48, p. 2018—2030. EDN: NRUIMC, <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2020.08.261>
14. Dobrinevski, A., Jachnik, R. 2020, Exploring options to measure the climate consistency of real economy investments: the transport sector in Latvia, *OECD Environment Working Papers*, № 163, URL: [https://one.oecd.org/document/ENV/WKP\(2020\)10/en/pdf](https://one.oecd.org/document/ENV/WKP(2020)10/en/pdf) (дата обращения: 11.11.2024).
15. Krišjāne, Z., Bauls, A., Vilciņš, A. 2004, Changing patterns of population mobility in Latvia, *Human Geography*, p. 65—73, URL: https://eztf.lu.lv/fileadmin/user_upload/LU.LV/Apaksvietnes/Fakultates/www.gzzf.lu.lv/Folia_Geographica/FG_raksti_2004/2004Geografiskie_raksti_XII_5.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
16. Kashurin, A. 2008, Statistical description of a distribution of population density over the Latvian territory, *Informācijas tehnoloģija un vadības zinātne = Information Technology and Management Science*, № 36, p. 108—115, URL: <https://ortus0m.rtu.lv/science/lv/publications/3424> (дата обращения: 11.11.2024).
17. Din, A. U., Ming, J., Vega-Muñoz, A., Salazar Sepúlveda, G., Contreras-Barraza, N. 2022, Population Density: An Underlying Mechanism Between Road Transportation and Environmental Quality, *Frontiers in Environmental Science*, № 10, art. 940911. EDN: SWNDEY, <https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.940911>
18. Rehman, F. U., Islam, M. M., Miao, Q. 2023, Environmental sustainability via green transportation: A case of the top 10 energy transition nations, *Transport Policy*, vol. 137, p. 32—44. EDN: SEBQBJ, <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.04.013>
19. Qiao, W., Huang, X. 2022, How does transportation development affect environmental performance? Evidence from Hainan Province, China, *Cities*, № 129, art. 103835. EDN: WMCUFG, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103835>
20. Boruch, A. 2014, Development of transport infrastructure and economic growth of Latvia, *Proceedings of the 53rd International Scientific Conference of Daugavpils University*, URL: https://dukonference.lv/files/proceedings_of_conf/53konf/ekonomika/Boruch.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
21. Kuzmina-Merlino, I., Skorobogatova, O., Schmidtke, N., Behrendt, F. 2018, The financial and economic aspects of transport infrastructure development in Latvia, *Transport and Telecommunication*, vol. 19, № 3, p. 203—212, <https://doi.org/10.2478/ttj-2018-0017>
22. Jurgelane-Kaldava, I., Ozolina, V., Auzina-Emsina, A. 2019, Modeling the influence of transportation and storage industry on the economic development of Latvia, *Procedia Computer Science*, № 149, p. 450—456, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.01.161>

23. Ševčenko-Kozlovskā, G., Čižiūniene, K. 2022, The impact of economic sustainability in the transport sector on GDP of neighbouring countries: following the example of the Baltic States, *Sustainability*, vol. 14, № 6, art. 3326. EDN: BBZRPА, <https://doi.org/10.3390/su14063326>
24. Simon, W.O. 2011, Centre-periphery relationship in the understanding of development of internal colonies, *International Journal of Economic Development Research and Investment*, vol. 2, № 1, p. 147—156, URL: <https://icidr.org.ng/index.php/Ijedri/article/view/749> (дата обращения: 11.11.2024).
25. Гуменюк, И. С., Гуменюк, Л. Г. 2021, Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 147—160. EDN: OBGKQE, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-9>
26. Василенок, В. Л., Минченко, Л. В., Негреева, В. В., Мороз, Д. С. 2024, Оценка уровня развития транспортно-логистической инфраструктуры при принятии управленческого решения, *Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент*, № 1, с. 76—92. EDN: CRRKBN, <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2024-17-1-76-92>
27. Скрыпник, В. П. 2019, Анализ современного состояния транспортного комплекса Калининградской области, *Евразийский Союз Ученых*, № 4—9 (61), с. 70—74. EDN: LSVURK, URL: <https://euroasia-science.ru/pdf-arxiv/70-74-skrypnik-v-p-analysis-of-the-modern-condition-of-the-transport-complex-of-the-kaliningrad-region/> (дата обращения: 11.11.2024).
28. Виленская, Н. И., Божков, Н. И. 2023, Состояние транспортного комплекса Калининградской области в условиях геополитической нестабильности, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 9, № 2, с. 213—231. EDN: AKGXER, URL: https://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2023/10/18_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-213-231.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
29. Kish, L. 1965, *Survey Sampling*, New York, John Wiley and Sons, <https://doi.org/10.1002/bimj.19680100122>
30. Sweet, S., Grace-Martin, K. 2012, *Data Analysis with SPSS: A First Course in Applied Statistics*, 4th ed., Pearson.
31. Воронов, В. В., Ружа, О. П. 2018, Безработица среди молодежи Латгальского региона Латвии: причины и следствия, *Балтийский регион*, т. 10, № 4, с. 88—102. EDN: VNXBVU, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-6>
32. Chmielewski, B. 2023, Far behind Riga: Latvia's problems with uneven development, *OSW Commentary*, № 498, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2023-03-15/far-behind-riga-latvias-problems-uneven-development> (дата обращения: 11.11.2024).
33. Воронов, В. В. 2022, Малые города Латвии: неравенство в региональном и городском развитии, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 39—56. EDN: WBSDPJ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-3>

Об авторах

Вера Феодоровна Комарова, доктор экономики, ведущий исследователь, Даугавпилсский университет, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0002-9829-622X>

E-mail: vera.komarova@du.lv

Оксана Павловна Ружа, доктор экономики, исследователь, Даугавпилсский университет, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0002-6194-3841>

E-mail: oksana.ruza@du.lv

†Борис Михайлович Хейманис, доктор экономики, доцент, Балтийская международная академия, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0003-2482-6184>

E-mail: boriss.heimanis@gmail.com

Илута Арбидане, доктор экономики, профессор, Резекненская академия технологий, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0002-9762-3874>

E-mail: iluta.arbidane@rta.lv

Инта Островска, доктор педагогики, доцент, Даугавпилсский университет, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0003-1484-5752>

E-mail: inta.ostrovsk@du.lv

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

STATE OF AUTOMOBILE TRANSPORT DEVELOPMENT OF LATVIAN TERRITORIES IN THE CONTEXT OF SPATIAL INEQUALITY

V. F. Komarova¹

O. P. Ruza²

†B. M. Heimanis³

I. Arbidane⁴

I. Ostrovsk⁵

^{1, 2, 5} Daugavpils University,
13, Vienība St., Daugavpils, LV-5401, Latvia

³ Baltic International Academy,
4, Valeriya Seile St., Riga, LV-1019, Latvia

⁴ Rezekne Academy of Technologies,
115, Atbrīvotāju Aleja, Rezekne, LV-4601, Latvia

Received 27 November 2024

Accepted 13 May 2025

doi: [10.5922/2079-8555-2025-2-5](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-2-5)

© Komarova, V. F., Ruza, O. P.,
Heimanis, B. M., Arbidane, I.,
Ostrovsk, I., 2025

This study is dedicated to the analysis of the state of automobile transport development of Latvian territories within the broader context of spatial inequality regarding economic productivity and environmental sustainability. The object of analysis comprises 43 Latvian municipalities, examined using statistical and fiscal data from 2022–2023. Given the country's pronounced monocentric structure and population density asymmetries, correlation analysis and two-step hierarchical cluster analysis were employed to typologise territories based on characteristics of automobile transport infrastructure, economic indicators, and ecological risks. As a result, five stable territorial types were identified, displaying significant differences in levels of automobile transport provision, integration into the national economic space, and environmental load. Central cities generally benefit from concentrated investment and denser transport networks, while peripheral areas are characterised by limited infrastructure access and less favourable environmental conditions. A notable exception is Ventspils, which — despite its peripheral geographical position — was classified as a central-type territory owing to

To cite this article: Komarova, V. F., Ruza, O. P., Heimanis, B. M., Arbidane, I., Ostrovsk, I. 2025, State of automobile transport development of Latvian territories in the context of spatial inequality, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 100–121. doi: [10.5922/2079-8555-2025-2-5](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-2-5)

its infrastructure and economic attributes. The study concludes that a differentiated transport policy is essential — one that accounts for the unique characteristics of different territories and seeks to mitigate the effects of the center-periphery divide. The proposed empirical model provides a basis for formulating territorially sensitive strategies to promote the development of automobile transport, while concurrently aligning with sustainable development goals.

Keywords:

state of automobile transport development, spatial inequality, population density, economic productivity, environmental sustainability, center-periphery, Latvia

References

1. Balodis, J. 2022, Pasaules valstu ražīguma un produktivitātes atkarība no transporta attīstības. Meņšikovs, V. (ed.), *Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2021" materiāli*, III daļa, Ekonomika, Daugavpils, Daugavpils Universitāte, p. 5—19.
2. Balodis, J. 2023, Teritorijas transporta attīstības novērtēšanas metodoloģija. Meņšikovs, V. (ed.), *Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2022" materiāli*, III daļa, Ekonomika, Daugavpils, Daugavpils Universitāte, p. 5—21.
3. Achten, S., Lessmann, C. 2020, Spatial inequality, geography and economic activity, *World Development*, vol. 136, art. 105114. EDN: YBQQQF, <https://doi.org/10.1016/j.world-dev.2020.105114>
4. Kanbur, R., Venables, T. 2005, Introduction: Spatial inequality and development, *Journal of Economic Geography*, vol. 5, № 1, p. 1—2, <https://doi.org/10.1093/jnecg/lbh059>
5. Korshenkov, E., Ignatyev, S., Dembovsky, V. 2019, Theoretical and methodological framework of the investigation of productivity and efficiency in the regional economics, *Sociālo Zinātņu Vēstnesis = Vestnik sotsial'nykh nauk*, vol. 29, № 2, p. 25—64, [https://doi.org/10.9770/szv.2019.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2019.2(2))
6. Korshenkov, E., Ignatyev, S. 2020, Empirical interpretation and measurement of the productivity and efficiency of regions: the case of Latvia, *Insights into Regional Development*, vol. 2, № 2, p. 549—561. EDN: BDZLTA, [https://doi.org/10.9770/IRD.2020.2.2\(4\)](https://doi.org/10.9770/IRD.2020.2.2(4))
7. Perrings, C. 1991, Ecological sustainability and environmental control, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 2, № 2, p. 275—295, [https://doi.org/10.1016/S0954-349X\(05\)80003-7](https://doi.org/10.1016/S0954-349X(05)80003-7)
8. Erlygina, E., Shtebner, S. 2022, Environmental Sustainability in the Concept of Sustainable Development, *Bulletin of Science and Practice*, vol. 8, № 6, p. 134—141. EDN: BTSWSH, <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/15>
9. Balodis, J., Komarova, V., Čižo, E., Ruza, O., Kokarevica, A. 2022, Assessing the transport development of the European Union countries, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 10, № 2, p. 130—146. EDN: OKWNUD, [http://doi.org/10.9770/jesi.2022.10.2\(8\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2022.10.2(8))
10. Komarova, V., Čižo, E., Balodis, J., Kokarevica, A., Ruza, O., Kudins, J. 2023, Development of transport infrastructure and its impact on territorial production, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 10, № 4, p. 338—356. EDN: DPVMZH, [https://doi.org/10.9770/jesi.2023.10.4\(21\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2023.10.4(21))
11. Komarova, V., Ignatjeva, S., Kudins, J., Kokarevica, A., Ostrovska, I., Čižo, E. 2024, Latvian municipal budgets' expenditures on transport infrastructure and production in the context of improving the local economy, *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*, vol. 11, № 4, p. 736—753. EDN: THBSPN, <https://doi.org/10.15549/jee-car.v11i4.1608>
12. Acheampong, A. O., Opoku, E. E. O. 2023, Environmental degradation and economic growth: Investigating linkages and potential pathways, *Energy Economics*, vol. 123, art. 106734. EDN: UGTJKT, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2023.106734>
13. Albuquerque, F. D. B., Maraqa, M. A., Chowdhury, R., Mauga, T., Alzard, M. 2020, Greenhouse gas emissions associated with road transport projects: current status, benchmarking, and assessment tools, *Transportation Research Procedia*, vol. 48, p. 2018—2030. EDN: NRUIMC, <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2020.08.261>
14. Dobrinevski, A., Jachnik, R. 2020, Exploring options to measure the climate consistency of real economy investments: the transport sector in Latvia, *OECD Environment Working Papers*, № 163, URL: [https://one.oecd.org/document/ENV/WKP\(2020\)10/en/pdf](https://one.oecd.org/document/ENV/WKP(2020)10/en/pdf) (accessed 11.11.2024).

15. Krišjāne, Z., Bauls, A., Vilciņš, A. 2004, Changing patterns of population mobility in Latvia, *Human Geography*, p. 65—73, URL: https://eztf.lu.lv/fileadmin/user_upload/LU.LV/Apaksvietnes/Fakultates/www.gzzf.lu.lv/Folia_Geographica/FG_raksti_2004/2004Geografiskie_raksti_XII_5.pdf (accessed 11.11.2024).
16. Kashurin, A. 2008, Statistical description of a distribution of population density over the Latvian territory, *Informācijas tehnoloģija un vadības zinātne = Information Technology and Management Science*, № 36, p. 108—115, URL: <https://ortus0m.rtu.lv/science/lv/publications/3424> (accessed 11.11.2024).
17. Din, A. U., Ming, J., Vega-Muñoz, A., Salazar Sepúlveda, G., Contreras-Barraza, N. 2022, Population Density: An Underlying Mechanism Between Road Transportation and Environmental Quality, *Frontiers in Environmental Science*, № 10, art. 940911. EDN: SWNDEY, <https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.940911>
18. Rehman, F. U., Islam, M. M., Miao, Q. 2023, Environmental sustainability via green transportation: A case of the top 10 energy transition nations, *Transport Policy*, vol. 137, p. 32—44. EDN: SEBQBJ, <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.04.013>
19. Qiao, W., Huang, X. 2022, How does transportation development affect environmental performance? Evidence from Hainan Province, China, *Cities*, № 129, art. 103835. EDN: WMCUFG, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103835>
20. Boruch, A. 2014, Development of transport infrastructure and economic growth of Latvia, *Proceedings of the 53rd International Scientific Conference of Daugavpils University*, URL: https://dukonference.lv/files/proceedings_of_conf/53konf/ekonomika/Boruch.pdf (accessed 11.11.2024).
21. Kuzmina-Merlino, I., Skorobogatova, O., Schmidtke, N., Behrendt, F. 2018, The financial and economic aspects of transport infrastructure development in Latvia, *Transport and Telecommunication*, vol. 19, № 3, p. 203—212, <https://doi.org/10.2478/tjt-2018-0017>
22. Jurgelane-Kaldava, I., Ozolina, V., Auzina-Emsina, A. 2019, Modeling the influence of transportation and storage industry on the economic development of Latvia, *Procedia Computer Science*, № 149, p. 450—456, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.01.161>
23. Ševčenko-Kozlovskā, G., Čižiuniene, K. 2022, The impact of economic sustainability in the transport sector on GDP of neighbouring countries: following the example of the Baltic States, *Sustainability*, vol. 14, № 6, art. 3326. EDN: BBZRPA, <https://doi.org/10.3390/su14063326>
24. Simon, W.O. 2011, Centre-periphery relationship in the understanding of development of internal colonies, *International Journal of Economic Development Research and Investment*, vol. 2, № 1, p. 147—156, URL: <https://icidr.org.ng/index.php/1jedri/article/view/749> (accessed 11.11.2024).
25. Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G. 2021, Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: the case of rural areas in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, vol. 13, № 4, p. 147—160. EDN: OBGKQE, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-9>
26. Vasilenok, V.L., Minchenko, L.V., Negreeva, V.V., Moroz, D.S. 2024, Assessment of the level of transport and logistics infrastructure development of the transportation and logistics infrastructure when making managerial decisions, *Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, № 1, p. 76—92. EDN: CRRKBN, <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2024-17-1-76-92>
27. Skrypnik, V.P. 2019, Analysis Of The Modern Condition Of The Transport Complex of the Kaliningrad Region, *Eurasian Union of Scientists*, № 4—9 (61), p. 70—74. EDN: LSVURK, URL: <https://euroasia-science.ru/pdf-arxiv/70-74-skrypnik-v-p-analysis-of-the-modern-condition-of-the-transport-complex-of-the-kaliningrad-region/> (accessed 11.11.2024).
28. Vilenskaya, N.I., Bozhkov, N.I. 2023, The State of the Transport Complex of the Kaliningrad Region In Conditions of Geopolitical Instability, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 9, № 2, p. 213—231. EDN: AKGXER, URL: https://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2023/10/18_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-213-231.pdf (accessed 11.11.2024).
29. Kish, L. 1965, *Survey Sampling*, New York, John Wiley and Sons, <https://doi.org/10.1002/bimj.19680100122>
30. Sweet, S., Grace-Martin, K. 2012, *Data Analysis with SPSS: A First Course in Applied Statistics*, 4th ed., Pearson.

31. Voronov, V. V., Ruza, O. P. 2018, Youth unemployment in the Latgale region of Latvia: causes and consequences, *Baltic Region*, vol. 10, № 4, p. 88—102. EDN: VNXBVU, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-6>

32. Chmielewski, B. 2023, Far behind Riga: Latvia's problems with uneven development, *OSW Commentary*, № 498, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2023-03-15/far-behind-riga-latvias-problems-uneven-development> (accessed 11.11.2024).

33. Voronov, V. V. 2022, Small towns of Latvia: disparities in regional and urban development, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 39—56. EDN: WBSDPJ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-3>

The authors

Dr Vera F. Komarova, Leading Research Fellow, Daugavpils University, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0002-9829-622X>

E-mail: vera.komarova@du.lv

Dr Oksana P. Ruza, Researcher, Daugavpils University, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0002-6194-3841>

E-mail: oksana.ruza@du.lv

†Dr Boris M. Heimanis, Associate Professor, Baltic International Academy, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0003-2482-6184>

E-mail: boriss.heimanis@gmail.com

Dr Iluta Arbidane, Professor, Rezekne Academy of Technologies, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0002-9762-3874>

E-mail: iluta.arbidane@rta.lv

Dr Inta Ostrovskā, Associate Professor, Daugavpils University, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0003-1484-5752>

E-mail: inta.ostrovskā@du.lv

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

EDN: DANPBE

АДАПТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ КРУПНЕЙШИХ ЗАСТРОЙЩИКОВ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА К АНТИРОССИЙСКИМ САНКЦИЯМ

И. А. Логвинов^{1, 3} С. С. Лачининский^{1, 2} С. А. Белозёров¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

² Институт проблем региональной экономики РАН,
190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38

³ Институт территориального планирования «Урбаника»,
190013, Россия, Санкт-Петербург, Наб. р. Фонтанки, 108

Поступила в редакцию 21.02.2025 г.

Принята к публикации 27.05.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-6

© Логвинов И. А., Лачининский С. С.,
Белозёров С. А., 2025

Антироссийские санкции оказали разнонаправленное влияние на многие сектора отечественной экономики, в том числе на сектор жилищного строительства, прежде всего на строительство многоквартирных домов. Из-за них ушли иностранные застройщики с передовыми практиками управления и маркетинга, а национальные застройщики-девелоперы были вынуждены оперативно адаптироваться к новым и усилившимся старым факторам развития первичного рынка многоквартирного жилья. Цель работы — выявление траекторий адаптаций крупнейших девелоперов-застройщиков на рынке жилой недвижимости Санкт-Петербургской агломерации в условиях антироссийских экономических санкций. Для этого было необходимо решить ряд задач: собрать и обработать данные из единой информационной системы жилищного строительства (ЕИСЖС) от ДОМ.РФ для жилищных проектов застройщиков; выявить территориальную структуру построенных и строящихся жилых комплексов застройщиков в Санкт-Петербургской агломерации; определить характер изменения интенсивности освоения территориальных зон застройщиками; оценить изменение пространственного поведения застройщиков на различных территориальных зонах с помощью индекса Херфиндаля — Хиришмана и др. Эмпирическую базу составили данные из единой информационной системы жилищного строительства (ЕИСЖС) ДОМ.РФ по проектам жилищного строительства (карта новостроек). Дополнительно были использованы сведения из СМИ. На основе картографирования данных были выделены территориальные кластеры жилищного строительства и дана оценка доле ввода жилья в каждом из них за три периода: 2016—2020 гг., 2020—2024 гг. и 2025—2028 гг. Произведена оценка разнообразия девелоперов по территориальным кластерам на основе индекса Херфиндаля — Хиришмана. Обоснованы 5 факторов кризиса, вызванного санкциями и около 9 траекторий адаптаций разных групп застройщиков. Наиболее очевидной адаптацией стал уход иностранных застройщиков. Предложены 4 адаптационные стратегии застройщиков с сильными и слабыми сторонами стратегий, а также спрогнозированы эффекты для города. Существенное влияние оказала выросшая ключевая ставка, из-за которой застройщики снизили интенсивность освоения пригородных территорий, так

Для цитирования: Логвинов И. А., Лачининский С. С., Белозёров С. А. Адаптация пространственных стратегий крупнейших застройщиков жилой недвижимости Санкт-Петербурга к антироссийским санкциям // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 122—151. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-6

как это зависело от доступности ипотеки. Напротив, увеличилось освоение различных зон серого пояса с ориентацией на высокоплатежный спрос. Это ведет к увеличению связанности территорий внутри агломерации, к расширению центра.

Ключевые слова:

траектории адаптации, стратегии, застройщики, антироссийские санкции, рынок жилья, Санкт-Петербургская агломерация, Единая информационная система жилищного строительства (ЕИСЖС)

Введение и постановка проблемы

Новый виток геополитической и геоэкономической напряженности (с 2022 г.) привел к введению радикальных антироссийских санкций, которые сильно повлияли на состояние не только финансового, но и реального сектора экономики России, ее регионов, городских агломераций и отдельных экономических агентов. Но сами санкции были и ранее 2022 г. (еще с 2014 г.), чем обусловлен более длительный период, рассмотренный в исследовании. Кроме того, внешние негативные воздействия тесно увязаны с внутренними, в том числе спровоцированными извне кризисными явлениями.

За последнее время накоплены богатый эмпирический и аналитический материал и исследования по оценке влияния антироссийских санкций на российскую экономику [1], также появляются исследования по адаптационным стратегиям российских компаний [2].

Учитывая многовекторное и разнообразное влияние антироссийских санкций на российскую экономику, стоит остановиться на нескольких ключевых векторах, которые непосредственно затрагивают реальный сектор экономики как на общероссийском, так и на региональном и городском уровнях.

Прежде всего возросли транзакционные издержки (в частности, усложнилась логистика и повысилась конечная стоимость импортной продукции) и снизились возможности для импорта сопутствующей продукции. При этом совпадающая с кризисом «демографическая яма», увеличение роли ВПК и уменьшение задействованных иностранных мигрантов привели к трансформации рынка труда и росту заработной платы [3]. В конечном счете в экономике растет неудовлетворенный спрос (в том числе из-за дефицита предложения), который ведет к росту инфляции в стране. Инфляцию пытается снизить Центральный банк России, изменяющий уровень ключевой ставки в стране. После относительной быстрой стабилизации ставки в 2022 г. к уровню до февраля и ставки ниже 10 % более года (с 14.06.2022 по 15.08.2023) уже в августе 2023 г. уровень ключевой ставки стал стабильно расти и с конца октября 2024 г. составил 21 %¹.

Соответственно, радикальные антироссийские санкции и рост ключевой ставки повлияли на многие сектора реальной экономики, в том числе на рынок жилой недвижимости. Начиная с пандемии COVID-2019 в строительной сфере возрос дефицит рабочей силы, а проблемы с поставками строительных материалов в 2022 г. только усилились [4]. При этом растет финансовая емкость рынка жилья в мире и в России. В 2018–2019 гг. был осуществлен переход на проектное финансирование в строительной отрасли в России и роль банковского сектора существенно возросла [5]. В результате выросшая ключевая ставка привела к удорожанию девелоперских проектов (из-за роста стоимости проектного финансирования), а отмена «затянувшейся» льготной ипотеки в 2024 г. привела к кризису на рынке недвижимости (прежде всего многоквартирного строительства). По итогам этого года спрос

¹ Ключевая ставка Банка России, *Банк России*, 2025, URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 08.01.2025).

на первичном рынке жилой недвижимости ожидаемо сократился. Падение составило 22 %, число заключенных сделок по договорам долевого участия снизилось до 565 тыс. квартир. С учетом сделок в уже сданных домах общий объем первичного рынка жилья России в 2024 г. можно оценить в 700 тыс. квартир¹.

В рыночных условиях ключевую роль в развитии жилищного строительства и на рынке недвижимости играют крупнейшие застройщики-девелоперы, чьи позиции только усиливаются в условиях развития проектного финансирования [5]. На рынке они придерживаются различных стратегий пространственного развития, реализуя проекты в своих территориальных нишах: в схожих локациях (например, проекты холдинга «Setl Group» в сером поясе Санкт-Петербурга), в определенных частях агломерации (например, проекты в средних пригородах агломераций у ГК «А101») или на базовых / якорных территориях (например, проекты ИСГ «Мавис» на территории г. Мурино)². В то же время застройщики различаются по своим подходам к создаваемым жилым комплексам (квартирография, благоустройство, развитие инфраструктуры) и даже не под влиянием властей, а в рамках своих маркетинговых стратегий³. То есть вносится различный вклад в развитие городской среды [6]. В масштабе агломерации жилищное строительство в городах сказывается на развитии системы расселения, распределении мест приложения труда, транспортных потоках, а также обеспечивает миграционную привлекательность территорий [7].

В конечном итоге радикальные антироссийские санкции и усиливаемый ими экономический кризис 2022 г., воздействуя на крупных девелоперов, влияют на пространственные особенности жилищного строительства в крупнейших городских агломерациях страны. Также кризис 2022 г. несет угрозы для достижения национальной цели развития России — «увеличение объема жилищного строительства не менее чем до 120 миллионов кв. метров в год»⁴ и «обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 году и не менее 38 кв. метров к 2036 году»⁵. На территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области при этом с 2024 по 2030 г. должно возводиться около 6—7 млн м² жилья ежегодно⁶, для чего необходимо освоение множества территорий в пригородной зоне Санкт-Петербургской агломерации [8].

¹ Доклад «Macon Real Estate Consultant»: состояние первичного рынка жилой многоквартирной недвижимости РФ в начале 2025 года (январь 2025 год), 2025, URL: <chrome-extension://efaidnbmninnibpcapjcgclcfindmkaj/https://macon-realty.ru/files/uploaded/bc1330c8-3445-494e-9f70-46a844befddd.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

² Карта новостроек, 2025, Единая информационная система жилищного строительства, ДОМ.РФ, URL: <https://наш.дом.рф/сервисы/каталог-новостроек/список-объектов/карта> (дата обращения: 08.01.2025).

³ Смена полюсов: как меняется подход застройщиков в новых реалиях, градостроительный комплекс Москвы, 2025, *Stroi.Mos*, URL: <https://stroim.ru/articles/smiena-polusov-kak-mieniaetsia-podkhod-zastroishchikov-v-novykh-rieliakh?ysclid=m5o90mafes113845673&from=cl> (дата обращения: 08.01.2025).

⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года, Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474, 2020, *Президент России*, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63728> (дата обращения: 08.01.2025).

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309, 2024, *Президент России*, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 08.01.2025).

⁶ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, 2024, *Министерство экономического развития Российской Федерации*, URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

Таким образом, анализ влияния экономических кризисов последних лет (пандемия в 2020 г., антироссийские санкции в 2022 г.) на стратегии пространственной экспансии крупнейших застройщиков-девелоперов в Санкт-Петербургской агломерации (на которую приходится около 7—8 % объема ввода жилья в стране за последние 5 лет) — крайне актуальное направление исследований с учетом комплексного влияния жилищного строительства на развитие агломераций и страны в целом.

Через выявление факторов кризиса, вызванного радикальными антироссийскими санкциями 2022 г., усилившими ряд тенденций отрасли, будут определены траектории адаптации к кризису со стороны крупных жилищных девелоперов. Выявленные траектории в дальнейшем возможно будет использовать девелоперам из других крупнейших агломераций. Будет рассмотрено, как выявленные адаптации повлияют на территориальное развитие Санкт-Петербургской агломерации.

Материалы и методы

Жилищное строительство и рынок недвижимости исследуются на основе разнообразных пространственных и экономических источников данных, что определяет возможность применения междисциплинарного подхода. В рамках настоящего исследования использованы данные из единой информационной системы жилищного строительства (ЕИСЖС) от ДОМ.РФ¹. В этой системе застройщики России публикуют проектные декларации и свидетельства о разрешении на ввод в эксплуатацию, на основе которых формируются сведения об их пространственном расположении (на уровне точки в пространстве с географическими координатами), информация о жилых комплексах, в частности объемы площадей, квартирография и т. п. Также в системе агрегируются сведения о продажах квартир застройщиками (что уже используется для исследования рынков жилья не только в сфере консалтинга², но и в академической сфере [9]). Для целей исследования были использованы следующие виды данных из ЕИСЖС:

1. Локализация и основная информация о жилищных проектах застройщиков, работающих на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Данные сведения охватывают большинство многоквартирных домов, построенных в Петербурге и Ленинградской области в период с 2017 по 2024 г. и строящихся в период 2025—2028 гг. (порядка 3 тыс. записей). Жилые комплексы, которые, по сути, являются одним масштабным проектом, но имеют несколько проектных деклараций для разных корпусов, а также введены в эксплуатацию в одном из трех исследуемых периодов, объединены в кластеры.

- 2016—2020 гг., то есть до новых кризисов в отрасли и полного перехода к проектному финансированию. Относительно стабильный период, с той же длительностью, что и у второго периода;

- 2020—2024 гг., когда отрасль жилищного строительства и рынок жилья трансформировались под влиянием перехода к проектному финансированию, введению льготной ипотеки. При этом на отрасль влияли кризисы 2020 и 2022 гг.;

¹ Единая информационная система жилищного строительства, 2025, ДОМ.РФ, URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 08.01.2025).

² Прогнозы развития отрасли девелопмента в России: инструкция по выживанию, 2024, Яков и Партнеры, ноябрь 2024, 25 с., URL: <https://yakovpartners.ru/publications/real-estate-survival-guide/> (дата обращения: 11.11.2024).

- после 2024 г., когда формируются новые условия развития отрасли в связи с прекращением льготной ипотеки и «IT-ипотеки», высоким уровнем ключевой ставки, ограничивающей возможности кредитования застройщиков и населения.

Для идентификации периода ввода жилья использовался такой параметр, как «выдача ключей». Это ключевой временной параметр в рамках проектного финансирования жилья, который свидетельствует о полной готовности жилого комплекса. Данные из системы ЕИСЖС по объектам недвижимости были получены с помощью парсинга из HTML. Для этого была использована библиотека «Beautiful Soup» для языка программирования Python, позволяющая извлекать информацию из языков разметки (html, xml) [10]. Рассмотрены прежде всего многоквартирные жилые дома (МКД). Сведения о строительстве индивидуальных жилых домов (ИЖС) в ЕИСЖС практически не публикуются, так как люди зачастую самостоятельно их возводят.

2. Аналитические сведения по рынку жилья (количество выданных кредитов, опубликованных объявлений и объемы строительства).

Дополнительным источником информации становились публикации в СМИ, в том числе профильных по рынку недвижимости. Сведения из СМИ позволяли уточнить историю купли-продажи жилых комплексов и планы девелоперов, а также получить информацию по сделкам по земельным участкам.

Использование данных по жилым комплексам в исследовании соответствует тенденции в геоурбанистике по использованию данных на уровне точечных объектов, а не агрегированных сведений по муниципальным образованиям. На данные по точечным объектам опирались Н. К. Куричев и Е. К. Куричева в исследованиях Московской агломерации. В частности, это позволяло рассматривать интенсивность жилищного строительства на уровне поясов и секторов агломераций [11] или в зависимости от степени удаленности от центра [12]. Данный подход позволяет использовать данные не по муниципальным образованиям, а по произвольным территориальным единицам, будь то элементы планировочной структуры или ячейки регулярной сетки. У исследователей появляется возможность контролировать и снижать проявление эффекта изменяемых площадных ареалов [13]. Также стоит отметить, что существуют риски снижения доступности данных статистики со стороны органов государственной власти в целях снижения санкционных рисков¹, поэтому внедрение альтернативных источников данных для географических исследований, в том числе в геоурбанистике, крайне необходимо [14].

Важной особенностью данных из ЕИСЖС является наличие сведений о принадлежности жилых комплексов тем или иным застройщикам. В более ранних исследованиях авторы опирались на сведения реестра объектов жилищного фонда, из ГИС.ЖКХ или «Реформа ЖКХ» [15], что позволяло рассматривать пространственную динамику ввода жилья только на уровне территорий. В свою очередь сведения из ЕИСЖС позволяют применить подходы корпоративной географии [16], в частности для анализа пространственных стратегий девелоперов на рынке недвижимости. Корпоративный подход к исследованию территориальных структур в агломерации уже применяется, например при исследованиях размещения логистических комплексов ритейлерами, выбирающими различные стратегии пространственного развития [17; 18]. Особое внимание в рамках исследования уделялось увеличившемуся количеству сделок по купле-продаже земельных участков и проектов жилых комплексов между девелоперами, что свидетельствует об изменениях на рынке недвижимости.

¹ Госдума разрешила Правительству не раскрывать статистику, 2023, РБК, URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63f5eb2c9a79474bcd973dd8> (дата обращения: 08.01.2025).

Результаты исследования

Активность компаний на рынке жилищного строительства в период кризиса 2020 и 2022 гг. отличалась сезонностью, а также проявлением реакций на институциональные факторы, прежде всего такие, как программы льготного кредитования и уровень ключевой ставки (рис. 1).

Рис. 1. Динамика количества объявлений застройщиков о новых жилых комплексах, всего и по классам жилья, по кварталу за 2019–2024 гг.

Источник: составлено по данным ЕИСЖС¹.

На рисунке 1 обозначены четыре класса жилья. Они не имеют нормативно-правового статуса в законодательстве, в ЕИСЖС определяются самими застройщиками. Таким образом, можно рассмотреть структуры ввода жилья только с учетом позиционирования со стороны застройщика. Для того чтобы обозначить примерное различие в уровне классов жилья, можно изучить следующий ряд жилых комплексов: ЖК «Октябрьская набережная» (типовой) → ЖК «Аэрофлот» (комфорт) → ЖК «Лермонтовский 54» (бизнес) → ЖК «Нева Резиденс».

Еще до кризисов 2020 и 2022 гг. значительное влияние на отрасль оказал переход к эскроу-счетам и, соответственно, проектному финансированию в отрасли. Девелоперы массово публиковали проектные декларации проектов и обеспечивали наличие 10 % заключенных договоров о долевом строительстве, для того чтобы сократить объем сделок по эскроу-счетам². Граждане, в свою очередь, проявляли повышенный спрос, стараясь купить более дешевые квартиры по договорам доле-

¹ Единая информационная система жилищного строительства, 2025, ДОМ.РФ, URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 08.01.2025).

² От эскроу в теории к нюансам на практике, 2019, Forbes, URL: <https://blogs.forbes.ru/2019/12/09/ot-jeskrou-v-teorii-k-njuansam-na-praktike/> (дата обращения: 08.01.2025).

вого участия, а не по более дорогим эскроу-счетам [19]. Проектное финансирование привело к удорожанию проектов для девелоперов и росту стоимости жилья для покупателей, но повысило устойчивость сектора жилищного строительства [20]. Снижение показателей в отрасли усилилось в период пандемии, когда ограничения привели к проблемам не просто с наймом сотрудников (в том числе иммигрантами) и поставкой строительных материалов [4], но и с остановкой строек в целом [21]. Начиная с конца 2020 г. застройщики активизировались, так как стал восстанавливаться спрос на рынке жилья за счет государственной поддержки строительной отрасли, в том числе за счет льготной ипотеки.

После частичного выхода из кризиса 2020 г. (снятие большинства ограничений в России и мире) со 2-го квартала 2021 г. начался рост уровня ключевой ставки: цены на квартиры стали дополнительно расти, а спрос на недвижимость — падать¹. Соответственно, к моменту начала кризиса 2022 г. количество публикуемых застройщиками объявлений снизилось. В дальнейшем отрасль восстановилась, но в 2023 г. интенсивность застройщиков на рынке значительно возросла. В условиях роста разницы между ставкой по льготной ипотеке и ключевой ставкой появились сообщения о планах по прекращению «затянувшейся» льготной ипотеки, на что застройщики отреагировали стремительным выводом на рынки новых проектов. К 1-му кварталу 2024 г., когда стало окончательно ясно, что льготная ипотека не будет продлена, застройщики опубликовали малое количество объявлений. Небольшая активизация в 4-м квартале 2024 г. связана с сезонностью (вывод проектов в конце года под наибольший спрос) и попытками адаптаций к сложившимся условиями на рынке среди застройщиков.

Территориальная структура ввода жилья застройщиками в Санкт-Петербургской агломерации изменялась за рассматриваемый период. В рамках агломерации следует выделить несколько территориальных зон, где застройщики вводили наибольшие объемы жилья. Данные территориальные кластеры были выделены на основе использования плотностного алгоритма кластеризации DBSCAN (позволяет идентифицировать территориальные кластеры различных точечных объектов [22; 23] и с учетом морфологии застройки). В большинстве своем они не совпадают с границами муниципальных образований, данные по которым зачастую необъективны [24], хотя по ним собирается официальная статистика [18]. Официальные названия и устоявшиеся границы имеют не все территориальные зоны.

В рамках исследования решено дать названия территориям, опираясь на их устоявшиеся названия в СМИ. Соответственно, это либо названия населенных пунктов (например, Новоселье), рядом с которыми они расположены, либо гидрографические объекты (например, река Славянка) или транспортные объекты (например, Пулковское шоссе), либо исторически сложившиеся названия («серый пояс»). Данные кластеры представлены на рисунке 2.

Интенсивность строительства в рамках кластеров изменялась. Это связано как с приоритетностью освоения данных кластеров для девелоперов, так и с наличием свободных площадей для застройки, которые в части зон уже были практически исчерпаны. Интенсивность застройки по основным территориальным кластерам представлена на рисунке 3.

¹ Цены на квартиры в России начали снижаться, 2021, *Lenta.ru*, URL: https://lenta.ru/news/2021/09/01/price_to_rise/?ysclid=m5pto0qoy4499520041 (дата обращения: 08.01.2025).

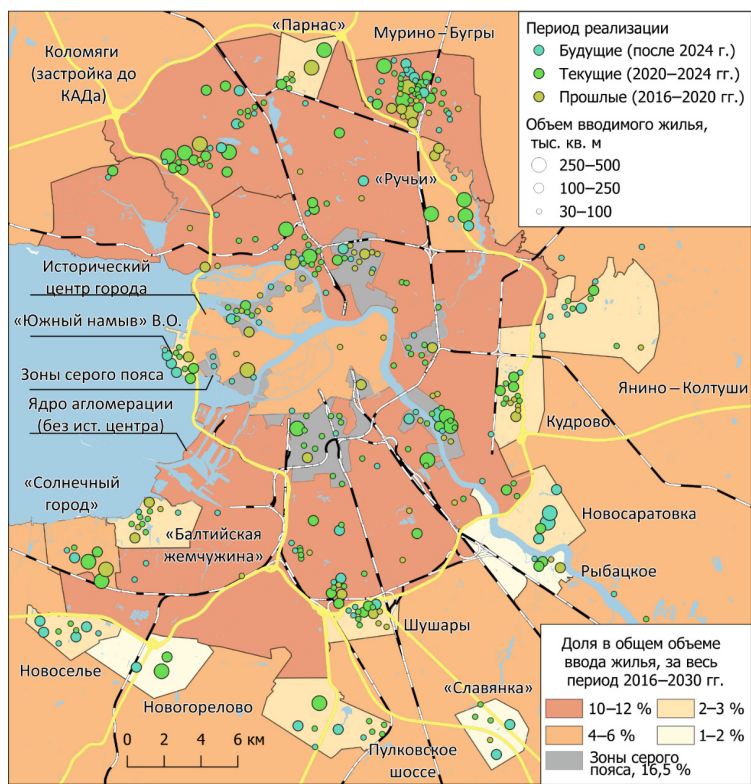

Рис. 2. Территориальная структура построенных и строящихся жилых комплексов застройщиков в Санкт-Петербургской агломерации (2016–2030)

Источник: составлено по данным ЕИСЖС¹.

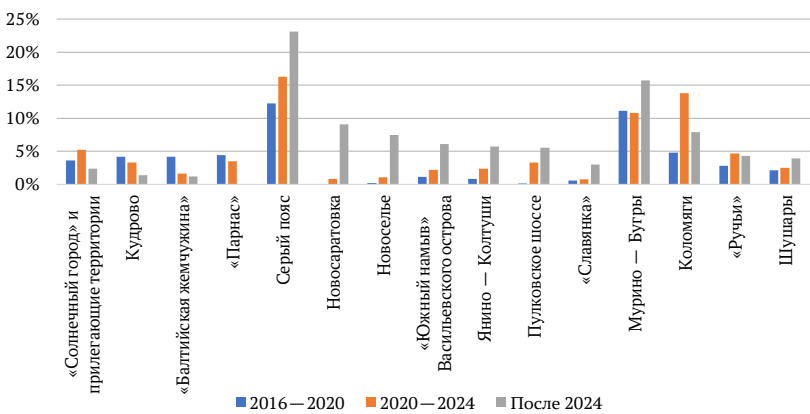

Рис. 3. Изменение интенсивности освоения территориальных зон застройщиками (доли от общего ввода жилья застройщиками) (2016–2030)

Источник: составлено по данным ЕИСЖС².

¹ Единая информационная система жилищного строительства, 2025, ДОМ.РФ, URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 08.01.2025).

² Там же.

Ключевую роль в вводе играют территориальная близость к ядру агломерации, наличие территориальных резервов и присутствие других застройщиков на территории. Территориальные резервы исчерпаны в таких известных зонах массовой жилой застройки, как Кудрово и «Парнас», застроенных уже до КАДа. Также на территории микрорайона «Балтийская жемчужина» практически закончились участки для застройки, а земельные участки вблизи микрорайона «Солнечный город» не столь привлекательны для застройщиков, так как согласно генеральному плану Санкт-Петербурга там расположена функциональная зона «Ж2 — зона застройки малоэтажными жилыми домами»¹, не столь выгодная для девелоперов.

В свою очередь, освоение территориальных зон Мурино — Бугры и Коломяги, наиболее интенсивно на протяжении всего рассматриваемого периода. Интерес застройщиков к данным территориям связан с их близостью к Санкт-Петербургу и возможностью для реализации крупных проектов. Несмотря на удаленность станции метро и железнодорожной станции «Девяткино», изначальная близость к Петербургу уже городов Мурино и Бугры позволяет девелоперам относительно успешно продолжать застройку на север, даже сращивая их в виде полукольца. Территория Коломяги является одной из самых ценных в агломерации, так как находится в пределах КАДа².

Следует выделить 6 территорий, где застройщики увеличили количество новых проектов. Причины развития у них разные. На территории «Новоселье» близость к автомагистралям и успехи первых качественных жилых проектов³ обусловили рост количества жилых проектов и девелоперов. Схожая ситуация по застройке вдоль Пулковского шоссе, но дополнительным стимулом для покупателей является регистрация в Санкт-Петербурге. Стимулом для застройщиков на территории Славянка стало начало работ по строительству трамвайной линии до одноименного микрорайона⁴. Освоение вблизи пока д. Новосаратовка отличается схожестью с Мурино и Кудрово на первых этапах: застройка выше 20 этажей (позволит разместить до 158 тыс. чел.)⁵, гарантирующая максимальную прибыль застройщикам. В целом на привлекательность рассмотренных выше территорий для застройщиков и покупателей влияет цена, которая в пригородах зачастую ниже, чем в ядре агломерации [25].

Особая ситуация сложилась с намывными территориями, где активизация застройки произошла после перехода прав на создание намыва и его последующую застройку к группе «ЛСР» от компании АО «Терра Нова» в 2020 г.⁶ и решения о создании улично-дорожной сети к 2024—2025 гг. в 2022 г.⁷. Соответственно, с 2022 г. застройщики перешли к освоению наиболее интересных участков на первой береговой линии.

¹ Карта, 2025, *Градостроительный портал Санкт-Петербурга*, URL: <https://portal.kgainfo.spb.ru/KGAMap/Map> (дата обращения: 08.01.2025).

² Достроит почти до КАДа: на севере Петербурга возведут более 2 млн м² жилья, 2023, *Деловой Петербург*, URL: <https://www.dp.ru/a/2023/09/20/dostroito-pochti-do-kada-na?ysclid=m5r7b6mfs3117736273> (дата обращения: 08.01.2025).

³ Новоселье для новоселов, *Коммерсантъ* (несмотря на отсутствие магистрального общественного транспорта), 2022, *Коммерсантъ*, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5316865> (дата обращения: 08.01.2025).

⁴ Завершение строительства трамвайной линии «Славянка» сдвинули на 2026 г., 2023, *Ведомости*, URL: <https://www.spb.vedomosti.ru/technology/articles/2023/11/23/1007265-zavershenie-stroitelstva-slavyanka> (дата обращения: 08.01.2025).

⁵ Градсовет Ленобласти утвердил изменения в генплан Свердловского поселения, 2023, *Коммерсантъ*, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785943> (дата обращения: 08.01.2025).

⁶ В Санкт-Петербурге готовят дорожную сеть для новых территорий, 2023, *РБК*, URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/03/2023/64228c9b9a794738586b0469?ysclid=m5r90006eg995279048 (дата обращения: 08.01.2025).

⁷ В Петербурге построят дороги на намывных территориях к ноябрю 2025 года, 2022, *Фонтанка.ру*, URL: <https://www.fontanka.ru/2022/09/16/71660528/?ysclid=m5r90os287408991409> (дата обращения: 08.01.2025).

Наряду с изменением интенсивности застройки в территориальных зонах менялось и соотношение девелоперов, реализующих проекты.

Для оценки изменения пространственного поведения застройщиков на различных территориальных зонах был использован индекс Херфиндаля — Хиршмана, обычно применяемый для оценки степени монополизации того или иного сектора экономики, в том числе сектора жилой недвижимости [26]. Использовалась следующая формула индекса:

$$HHI_k = \sum_{i=1}^n S_{ik}^2,$$

где HHI — индекс Херфиндаля — Хиршмана; k — одна из зон активного освоения застройщиками; i — один из 20 крупнейших застройщиков на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области за исследуемый период; n — количество анализируемых застройщиков; S_{ik} — доля компании i в объеме построенного и строящегося жилья на территории k . Чем выше значение индекса, тем ниже разнообразие застройщиков на территориальной зоне. Значение 1 означает отсутствие разнообразия застройщиков. Соответственно, изменение индекса Херфиндаля — Хиршмана представлено на рисунке 4.

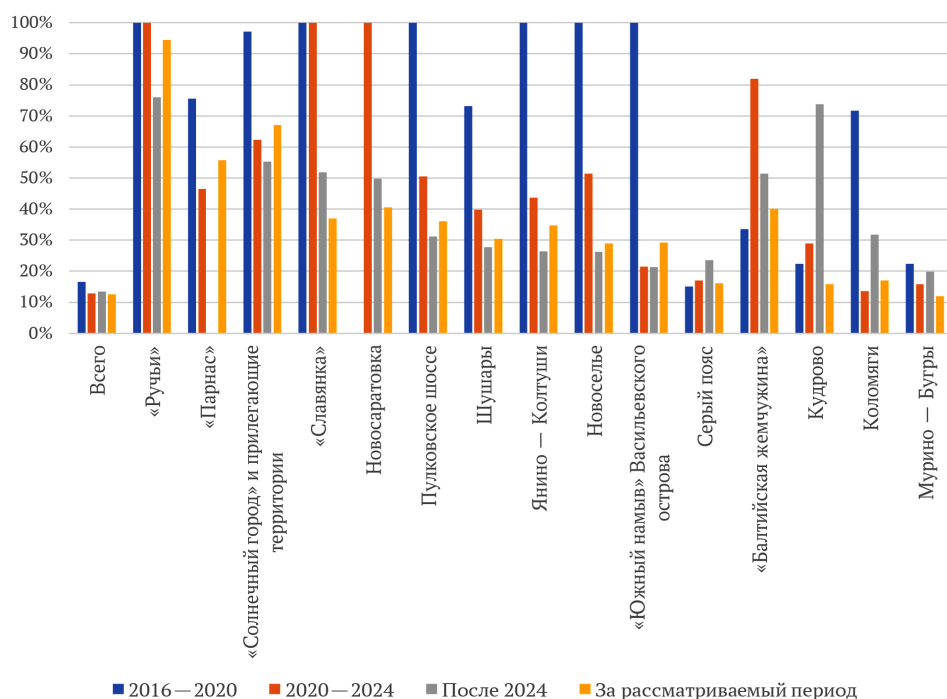

Рис. 4. Изменение индекса Херфиндаля — Хиршмана по разнообразию застройщиков на территориальных зонах (2016–2030)

Источник: составлено по данным ЕИСЖС¹.

На большинстве рассматриваемых территорий разнообразие застройщиков, реализующих проекты, увеличилось. На это повлияло два фактора.

¹ Единая информационная система жилищного строительства, 2025, ДОМ.РФ, URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 08.01.2025).

Во-первых, появление новых игроков на новых территориях (за счет покупки земельных участков) после успеха «первопроходцев» (Новоселье, Пулковское шоссе, Новосаратовка).

Во-вторых, активизация сделок по перепродаже проектов между девелоперами («Южный намыв» Васильевского острова, Серый пояс, Коломаги). При этом есть прецеденты, когда застройщики практически не изменяют проекты: первая очередь проекта «Новая Земля» от холдинга «Legenda» имеет те же архитектурно-планировочные решения, что и ранее в проекте группы «ЛСР»¹. Данные действия застройщиков отчасти связаны с изменением налогового законодательства в городе Санкт-Петербурге в 2024 г., вступившим в силу в 2025 г.: размер налогов на участки, предназначенные под жилищное строительство, увеличился в 30 раз, из-за чего возросли издержки на содержание большого банка земли².

В целом в городе и в наиболее крупных зонах освоения (Мурино — Бугры, Коломаги) значение индекса Херфиндаля — Хиршмана остается стабильно низким. В то же время стоит отметить ситуацию в «Парнасе» и Кудрово: из-за исчерпания территориальных резервов там либо уже нет проектов («Парнас»), либо достраиваются единичные проекты на оставшихся участках (Кудрово).

С корпоративной точки зрения интенсивность освоения пригородных зон связана с их большей доступностью для девелоперов (из-за меньшей цены). Из-за этого в пригородных зонах растет количество проектов от застройщиков бизнес-класса, таких как компания «Glorax» (проекты в Новоселье и д. Михайловка), группа «Эталон» (проекты рядом с Пулковским шоссе, в Шушарах) и др. В то же время пригородные территории выбирают и новые застройщики в агломерации. Например, архангельская группа «Аквилон» (Кудрово, Янино — Колтуши, Шушары), уже федеральный застройщик «Брусника» (Новоселье), ГК «ПИК» (Янино — Колтуши, Новоселье).

Наибольший интерес с точки зрения пространственной стратегии представляют крупнейшие застройщики на рынке. Это три крупнейших по вводу жилья в Санкт-Петербурге девелопера (Холдинг «Setl Group», группа «ЛСР», группа «ЦДС») и два крупнейших девелопера в стране, недавно зашедших на рынок агломерации (ГК «Самолет» и ГК «ПИК»). Рассмотрено прежде всего территориальное распределение реализуемых проектов в период кризисов (2020—2024 гг.) и ближайшие планы (после 2024 г.) (рис. 5).

В целом у компаний территориальная структура проектов за кризисный период и будущий период различается слабо, так как они продолжают освоение ряда территорий в агломерации, в частности Ручьи у группы «ЛСР», Каменка у группы «ЦДС» и холдинга «Setl Group». Относительно новыми для застройщиков являются некоторые территории в рамках серого пояса, а также освоение территорий в д. Новосаратовка. При этом в целом можно выделить особенности развития пространственных стратегий экспансии по застройщикам.

Холдинг «Setl Group» имеет достаточно широкую географию проектов. До 2020 г. компания в основном ориентировалась на проекты масштабного жилищного строительства преимущественно комфорт-и типового класса (термины в рамках ЕИСЖС). Таковы проекты ЖК «Greenландия-1» и ЖК «Greenландия-2» в Мурино

¹ Legenda купила у ЛСР участок на южном намыве Васильевского острова, 2024, *Деловой Петербург*, URL: <https://www.dp.ru/a/2024/12/16/legenda-kupila-u-lsr-uchastok?ysclid=m5rcbf2vc0202398225> (дата обращения: 08.01.2025).

² Лендлорды в Петербурге столкнулись с небывалым ростом налогов на землю под жилье, 2025, *Деловой Петербург*, URL: <https://www.dp.ru/a/2025/05/07/lendlordi-v-peterburge-stolknulis> (дата обращения: 23.05.2025).

(порядка 430 тыс. м² жилой площади согласно данным ЕИСЖС), множество очередей ЖК «Чистое небо» на территории Коломаги (около 1200 тыс. м²), множество очередей ЖК «Солнечный город» (около 1200 тыс. м²).

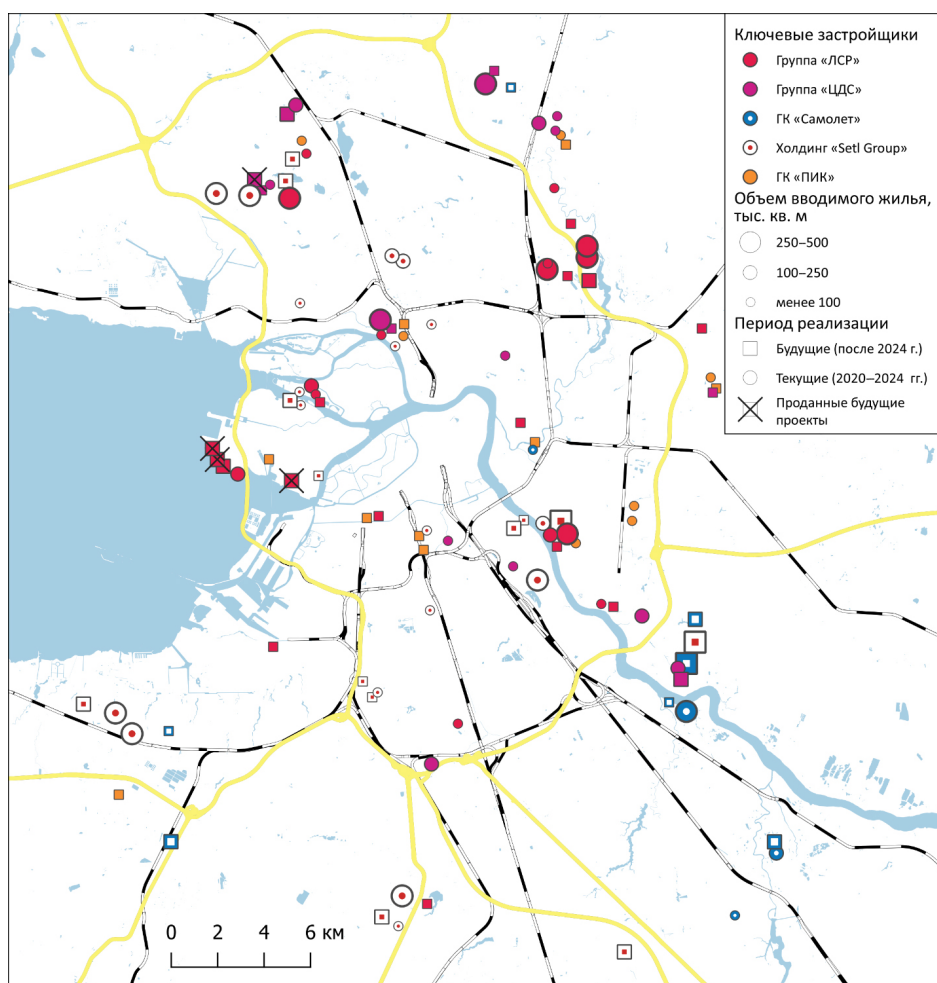

Рис. 5. Территориальная структура жилищных проектов крупнейших девелоперов на рынке Санкт-Петербургской агломерации

Источник: составлено по данным ЕИСЖС¹.

После 2024 г. компания продолжает реализовать проект ЖК «Город звезд» схожего формата в д. Новосаратовка и планирует построить порядка 360 тыс. м² жилой площади. В будущем стоит ждать еще одного масштабного проекта на купленных земельных участках в д. Коломаги². Влиянием кризиса в данной ситуации можно считать, то, что компания пока не перешла к строительству жилых комплексов на участках в территории Коломаги. В период кризиса компания расширила

¹ Единая информационная система жилищного строительства, 2025, ДОМ.РФ, URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 08.01.2025).

² Достроит почти до КАДа: на севере Петербурга возведут более 2 млн м² жилья, 20 23, Деловой Петербург, URL: <https://www.dp.ru/a/2023/09/20/dostroit-pochti-do-kada-na?ysclid=m5r7b6mfs3117736273> (дата обращения: 08.01.2025).

географию проектов. Она стала реализовывать больше проектов бизнес-класса на территории серого пояса, где ранее работали другие застройщики. Например, ЖК «Svetlana park» на месте бывшего завода «Светлана» или ЖК «Стрижи в Невском» на месте завода «Трубосталь» и др. Также компания в наиболее выгодных локациях серого пояса начала реализовывать проекты элитного класса, в частности ЖК «The One» и ЖК «Петровский квартал на воде» на Петровском острове, а также ЖК «Imperial Club» на набережной Лейтенанта Шмидта. Серый (или ржавый) пояс представляет собой совокупность промышленных зон, сформировавшихся в городе на Неве к началу XX в. В то время это были промышленные окраины города, ныне же это вплотную примыкающие к историческому центру территории вблизи водных путей (Обводный канал, Нева, Смоленка и др.). Данный пояс пользуется интересом у покупателей из-за близости к центру и водного (близость к водным артериям) фактора, поэтому с нарастающей интенсивностью застраивается начиная с 2010-х гг. Стимулирующим фактором для застройки этого ареала стало принятие нового генерального плана города, в котором больше территорий в сером поясе были переведены в деловую и жилую зону¹. Отметим, что этот ареал интересен для застройщика с точки зрения высокой инфраструктурной и социальной обустроенности этих территорий. Здесь присутствует необходимая транспортная и социальная инфраструктура, а значит, их стоимость объективно выше. Приход в серый пояс позволяет компании меньше зависеть от уровня ключевой ставки, так как проекты в нем ориентированы на более платежеспособный спрос [27; 28] и, соответственно, снизить зависимость от ипотечного кредитования. В долгосрочной перспективе это позволит компании быть более финансово устойчивой за счет диверсификации.

Группа «ЛСР» отличалась более широкой географией проектов. Имелись зоны массового жилищного строительства, в частности на территории «Ручьи», проекты в сером поясе бизнес- (например, ЖК «Цивилизация» на месте бывшего завода «Реактив») и элитного класса (например, ЖК «Нева Хаус» на Петровском острове), а также проекты в историческом центре города (например, ЖК «Русский дом»). В то же время компания с 2020 г. активно осваивает намывные территории на Васильевском острове, создавая земельные участки на северных и застраивая оставшиеся участки на южных намывных территориях. Начиная с 2023 г. компания стала активно менять свой портфель проектов. Группа «ЛСР» продала два крупных земельных участка на намывных территориях, один в зоне серого пояса (завод «Севкабель») и один на Петровском острове. По всей видимости, это ответ компании на падение финансовых результатов в 2023 и 2024 гг.² Скорее всего, компания не справляется с нагрузкой в рамках освоения намывных территорий³, а также отличается одним из самых низких показателей распроданности жилья среди рассматриваемых девелоперов (с учетом неоткрытых продаж порядка 73 %) (рис. 6).

Проекты группы «ЦДС» схожи с проектами массового окраинного жилищного строительства холдинга «Setl Group». Компания реализует как крупные проекты

¹ О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга, Закон Санкт-Петербурга от 21.12.2023 г. № 785-169, 2023, *Администрация Санкт-Петербурга*, URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ingen/generalnyj-plan-sankt-peterburga/> (дата обращения: 08.01.2025).

² У крупнейшего застройщика Петербурга резко упали продажи, 2024, *РБК*, URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/18/10/2024/6712662c9a794763b27893e2 (дата обращения: 08.01.2025).

³ В Санкт-Петербурге готовят дорожную сеть для новых территорий, 2023, *РБК*, URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/03/2023/64228c9b9a794738586b0469?ysclid=m5r90006eg995279048 (дата обращения: 08.01.2025).

в зоне пригородов (например, ЖК «Новые горизонты» в г. Бугры на 270 тыс. м² жилой площади или ЖК «Город первых» в д. Новосаратовка на 275 тыс. м²), так и проекты среднего масштаба в рамках совместного освоения крупных территорий с несколькими застройщиками (например, ЦДС «Dreamline» на территории Коломаги). Компания также в период кризиса начала выводить на рынок проекты в сером поясе, но с меньшей интенсивностью, чем тот же холдинг «Setl Group». В существенно меньших масштабах, чем у группы «ЛСР», но все же фиксируется продажа земельных участков с готовой документацией, в частности на территории Коломаги, компании «Glorax»¹ и группе «RBI»². Компания является одной из крупнейших в освоении земельных участков на территории д. Новосаратовка. В то же время компания, скорее всего так же как и группа «ЛСР», ощущает финансовые трудности и поэтому продает свои земельные участки (рис. 6).

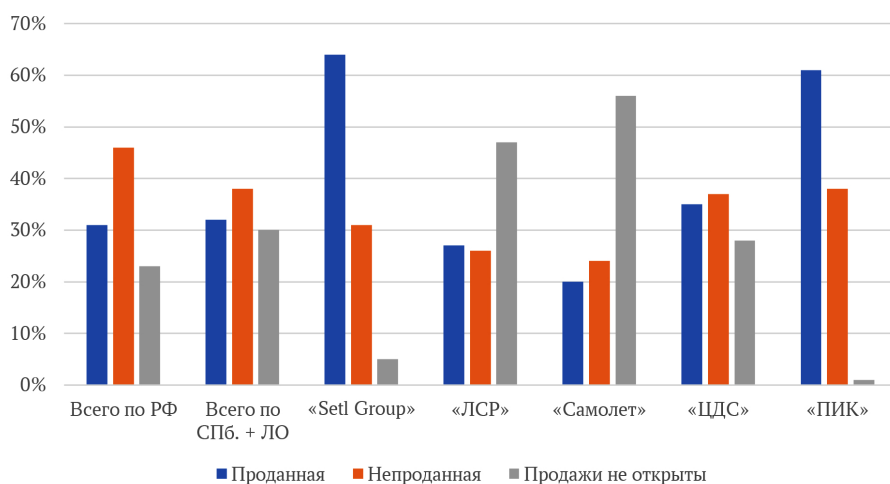

Рис. 6. Реализация жилых площадей в проектах крупнейших девелоперов на декабрь 2024 г.

Источник: составлено по данным ЕИСЖС³.

ГК «Самолет» по объему текущего строительства в 2023—2024 гг. обошел традиционного лидера отрасли — ГК «ПИК». «Самолет» — это относительно новый игрок на рынке недвижимости Петербургской агломерации. Компания в основном реализует проекты комфорт-класса и типового класса в пригородах агломерации, а также является единственной компанией, осуществляющей проекты реновации в Санкт-Петербурге⁴.

¹ Группа «ЦДС» продала компании «Глоракс» 5,76 га в проекте Parkolovo в Парголово, 2023, *Недвижимость и строительство Петербурга*, URL: <https://nsp.ru/36577-gloraks-kupila-576-ga-pod-zile-v-pargolovo-s-gotovym-razreseniem-na-stroitelstvo?ysclid=m5tzbzffss460775264> (дата обращения: 08.01.2025).

² ЦДС продал RBI вторую часть проекта ЖК на севере Петербурга, 2024, *Деловой Петербург*, URL: <https://www.dp.ru/a/2024/10/23/cds-prodal-rbi-vtoruju-ochered?ysclid=m5tze4uqf0773635982> (дата обращения: 08.01.2025).

³ Единая информационная система жилищного строительства, 2025, *ДОМ.РФ*, URL: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 08.01.2025).

⁴ ГК «Самолет» покупает «СПб Реновация», 2025, *Единый ресурс застройщиков*, URL: <https://erzrf.ru/news/gk-samolet-pokupayet-spb-renovatsiya?utm=&tag=%D0%A0%D0%A1%D0%9D-2023&ysclid=m5tssv0p580945914> (дата обращения: 08.01.2025).

На реновацию у компании приходится порядка 60 % введенного в эксплуатацию жилья, однако в большинстве своем это окраинные территории (например, ЖК «Живи в Рыбацком») или пригородные (ЖК «Новое Колпино» в г. Колпино или ЖК «Живи в Курортном» в пос. Песочном). Проекты в пригородной зоне Санкт-Петербурга у ГК «Самолет» расположены на множестве территорий. Крупнейшие — вблизи д. Новосаратовка, так же как и у группы «ЛСР», ГК «Самолет» имеет финансовые трудности, но пока продажи земельных участков касаются прежде всего территорий в Московской агломерации¹. Стоит ожидать и постепенного снижения активности компании, в том числе в Санкт-Петербургской агломерации.

ГК «ПИК» до недавнего времени был крупнейшим застройщиком в стране по объему строящегося жилья. В Санкт-Петербургской агломерации компания — достаточно новый игрок. В рамках агломерации она изначально купила участки на территории Коломяги и в сером поясе, но в 2020 г. приобрела земельные участки и стала строить жилье в пригородах Янино, Кудрово, Новоселье². Далее компания приобрела в 2023–2024 гг. земельные участки в зоне серого пояса, перейдя к своей классической стратегии редевелопмента, которую она реализует в Московской агломерации. В свою очередь, компания в меньшей степени, чем группа «ЛСР», продавала земельные участки с готовой документацией. Например, в сером поясе вблизи железнодорожной станции «Боровая» в 2023 г.³ и в пригороде Янино в 2024 г.⁴. Соответственно, общей тенденцией среди крупнейших застройщиков (кроме холдинга «Setl Group») в последние 1–2 года является продажа земельных участков, в том числе ряда участков с готовой документацией. Покупали данные земельные участки преимущественно те застройщики, которые ориентированы на строительство жилья бизнес-класса (например, группа «RBI», холдинг «Legenda»). Наиболее явно данный тренд выражен у группы «ЛСР». В то же время в период пандемии девелоперы расширяли географию проектов бизнес- и элитного класса в сером поясе и продолжают это делать (особенно холдинг «Setl Group»).

Дискуссия

На основе рассмотрения данных из системы ЕИСЖС и сведений СМИ можно выделить несколько факторов сложившегося кризиса в отрасли жилищного строительства, вызванного радикальными антироссийскими санкциями (табл. 1).

¹ Девелопер «Самолет» выставил на продажу часть активов за 8 млрд рублей, 2024, *Forbes*, URL: <https://www.forbes.ru/biznes/514829-developer-samolet-vystavil-na-prodazu-cast-aktivov-za-8-mlrd-rublej?ysclid=m5u0x701u099244980> (дата обращения: 08.01.2025).

² В Ленобласти настал час ПИК — Коммерсантъ Санкт-Петербург, 2020, *Коммерсантъ*, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4557375?ysclid=m5u440o6dl308644775> (дата обращения: 08.01.2025).

³ На углу Лиговского пр. и Тосиной ул. построят ЖК «Куинджи», участок Группа RBI купила у ГК «ПИК», 2023, *Недвижимость и строительство Санкт-Петербурга*, URL: <https://nsp.ru/37192-rbi-kupil-ucastok-s-gotovym-proektom-zilogo-kompleksa-na-ligovskom-prospekte?ysclid=m5u4mh35qv903055583> (дата обращения: 08.01.2025).

⁴ Земля под застройку под Петербургом сменила собственника, 2024, *РБК*, URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/03/04/2024/660d42849a79472e865aa620?ysclid=m5u4hptm1r565207763 (дата обращения: 08.01.2025).

Таблица 1

Реакции девелоперов на рынке жилой недвижимости на факторы кризиса, вызванного радикальными антироссийскими санкциями после 2022 г.

Факторы кризиса	Реакция на фактор	Группа девелоперов 1	Группа девелоперов 2	Дополнительные факторы	Влияние на агломерацию
Повышение ключевой ставки, отмена льготной ипотеки, рост стоимости проектного финансирования	Повышение активности в секторе жилья бизнес-класса и элитного класса	Расширение географии строительства и земельного банка в сером поясе у крупнейших девелоперов	Активизация застройщиков сегмента бизнес-класса и элитного класса, выкуп участков у крупнейших девелоперов	Новый генплан города с новыми жилыми зонами в сером поясе и высвобождение денег с эскроу-счетов у девелоперов	Ускорение реновационного серого пояса и расширение разнообразия жилых проектов
	Отказ от проектов в пригородах, сильнее всего зависящих от ипотечного кредитования	Продажа земельных участков с готовой документацией крупными девелоперами	Покупка участков компаниями, специализирующимися на пригородных территориях	Все меньшая транспортная доступность новых ЖК в пригородах, рост популярности ИЖС	Снижение темпов застройки пригородов МКД и развитие ИЖС в пригородах
Изменение уровня доходов между регионами России	Расширение географии проектов вне агломерации, выход застройщиков на новые рынки	Масштабный выход на новые рынки: группа «Эталон», в меньшей степени компания «Glorax»	Приход на рынок крупных застройщиков из других регионов: бизнес-класса и элитного класса «Брусника», комфорт-класса с освоением пригородов «А101»	Стремление к диверсификации проектов компаний для повышения стабильности	Повышение стабильности местных застройщиков, повышение разнообразия за счет новых и, возможно, формирование новых стандартов на рынке жилья
	Уход иностранных девелоперов с рынка Санкт-Петербургской агломерации	Де-факто уход с рынка компаний жилья бизнес-класса и элитного класса «Вонава» и «УИТ»	Поглощение иностранных компаний: «УИТ» группой «Эталон», «Вонава» группой «ФСК»	Снижение привлекательности российского рынка из-за нестабильного курса национальной валюты, низкого роста реальных доходов населения	Снижение притока инноваций и формирования новых стандартов от иностранных компаний
Трудности с цепочками поставок и наймом рабочей силы	Поддержка девелоперов за счет изменения нормативно-правовой базы	Гарантийный срок на квартиру в новостройке уменьшается до 3 лет (вместо 5), штраф за отказ исправить дефекты составляет для застройщика 5 % от суммы судебного иска (ранее — 50 %) и др.		Снижение доступности рабочей силы из структурных преобразований на рынке труда	Возможное снижение качества проектов частью девелоперов (при этом с сохранением их стабильности)

Исходя из систематизированных реакций застройщиков, сформулируем основные эффекты от радикальных антироссийских санкций, которые корректируют траектории адаптации пространственных стратегий ключевых застройщиков (табл. 2):

- Наиболее ярко выраженный эффект от радикальных антироссийских санкций связан с уходом иностранных компаний с рынка жилой недвижимости Санкт-Петербургской агломерации.

Активы компаний, в том числе проекты, были выкуплены крупными девелоперами, как, например, корпорация «YIT» группой «Эталон»¹.

- Более масштабный эффект на рынок оказывают изменения в финансовом секторе, связанные с антироссийскими санкциями косвенно.

Удорожание кредитов ведет к снижению интереса крупных застройщиков к проектам в пригородах с большими объемами продаваемой жилой площади, но большей ролью ипотечного кредитования (согласно данным ЕИСЖС). Реакцией является прежде всего оптимизация портфелей проектов и земельных участков у таких крупнейших застройщиков, как группа «ЛСР» и группа «ЦДС».

- Застройщики наращивают интерес к зоне серого пояса, которую можно позиционировать как территорию с максимальной инвестиционной ценностью, но требующую значительных капиталовложений «в очистку от результатов прошлого промышленного использования». Такой интерес наблюдается со стороны как крупнейших компаний (например, «Setl Group»), так и девелоперов меньшего масштаба, специализирующихся на проектах бизнес-класса и элитного класса жилья.

- Помимо изменения географии проектов в Санкт-Петербургской агломерации характерен выход местных застройщиков как на другие рынки, прежде всего городов-миллионников, так и на рынок агломерации. Отрасль старается также поддерживать институционально, изменяя нормативно-правовую базу (НПБ) в сторону застройщиков.

Таблица 2

**Адаптационные стратегии застройщиков
на рынке Санкт-Петербурга и агломерационной зоны**

Адаптационная стратегия	Сильная сторона для застройщика / города	Слабая сторона для застройщика / города
Пространственная экспансия (для местных застройщиков) с вовлечением наиболее «дорогих» и инфраструктурно привлекательных городских территорий, включая зоны серого пояса с ориентацией на новый средний класс (молодые семьи, семьи военнослужащих, ИТ-специалисты, инвесторы)	Уплотнение городского пространства / рост отдачи от городской земли Повышение отдачи от приобретенных в центральных районах города земельных участков / рост налоговых отчислений	Высокие затраты застройщика на «очистку» земельных участков / нагрузка на транспортные сети и социальную инфраструктуру Высокие ожидания покупателей / рост общественной активности Высокая стоимость проектов / риски достройки за счет города (большой процент нереализованных квартир)

¹ Крупный петербургский застройщик покупает российские активы YIT, 2022, РБК, URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/01/04/2022/6246adfc9a794741723e1678 (дата обращения: 08.01.2025).

Окончание табл. 2

Адаптационная стратегия	Сильная сторона для застройщика / города	Слабая сторона для застройщика / города
«Освоение северной столицы» для федеральных и региональных застройщиков из других регионов: жилье бизнес-класса и элитного класса в спорных локациях	Рост конкуренции на рынке при повышении качества и снижении цены, ожидание инновационных решений / селективный отбор к деловым партнерам	Усиление социальной сегрегации в наиболее привлекательных пригородных территориях Высокий риск долгосрочной окупаемости инвестиций
Экспансия местных застройщиков в пригородную зону через покупку участков для дальнейшего освоения через малоэтажные проекты и «нишевые проекты»	Ориентация на платежеспособные группы населения (государственная поддержка) / высвобождение ресурсов	Рост расходов на развитие инфраструктуры и брендинг / уход крупных проектов в Ленинградскую область
Постепенный отказ от наиболее масштабных кварталов эконом-класса в «городах-спальнях» (Бугры, Кудрово, Мурино и др.)	Более высокая стоимость проектов и объектов при более высокой рентабельности / снижение социальной, транспортной и иной напряженности	Кастомизация и более заметные инвестиции в брендинг проектов в городе / нарастание дефицита рабочей силы и снижение суточных миграций (снижение доходов транспортного сектора)

Трудности в освоении пригородов в условиях нынешнего кризиса ярко демонстрирует ситуация с ГК «А101». Эта московская компания, специализирующаяся на застройке в средних пригородах Москвы (далее МКАДа), изначально заявила о трех крупных проектах в Санкт-Петербургской агломерации — во Всеволожске, д. Лаголово (граница Красного Села и Ленинградской области) и д. Корпикюля вблизи г. Коммунар¹.

В итоге проект в Красном Селе реализуется вместе с ГК «Самолет», а новой информации по проекту в д. Корпикюля нет.

Важно отметить, что в большинстве своем факторы кризиса действуют совместно с другими факторами, формирующимися и развивающимися на рынке в последние десятилетия. Проблема со снижением транспортной доступности окраинных территорий в агломерации постепенно растет в последнее десятилетие, что связано с медленными темпами развития внеуличного общественного транспорта [29]. Внеуличный транспорт как раз является важным фактором развития в пригородных зонах агломераций многоэтажной жилой застройки, обеспечивая быстрый доступ маятниковых мигрантов к ядру агломерации [30], а при грамотном планировании он позволяет формировать районы не только с жилой, но и с деловой функцией (в рамках транзитного-ориентированного подхода (TOD) [31]. При этом в стране в целом и в Санкт-Петербургской агломерации в частности растет объем ввода ИЖС, в том числе за счет поддержки со стороны властей.

Стремление к диверсификации проектов является достаточно обычной тенденцией среди экономических акторов в целом. Низкий рост реальных доходов населения и колебания курса валют в целом влияли на иностранные компании уже

¹ Федеральная компания начинает масштабные стройки в Ленобласти, 2022, *РБК*, URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/21/09/2022/632b0f509a7947aa43cea11a?ysclid=m6i4tqqo6b139762415 (дата обращения: 08.01.2025).

начиная с кризиса 2014 г. [32], но именно радикальные антироссийские санкции привели к их выходу с рынка Санкт-Петербургской агломерации. Схожая ситуация с рынками труда: на рынок труда с середины 2010-х гг. выходит малое поколение детей 1990-х — начала 2000-х, а миграционный прирост уже с 2017—2018 гг. не покрывает естественный прирост населения [33]. В условиях кризиса 2022 г., когда приток иммигрантов снижается, а количество населения трудоспособного возраста сокращается, растет дефицит рабочей силы на рынке труда [3]. Это, в свою очередь, усиливает издержки в строительном секторе [4].

В тот же момент, что и кризис, на жилищное строительство стал влиять новый генеральный план города, принятый де-юре 21.12.2023 г.¹, хотя де-факто его основные контуры были известны заинтересованным сторонам ранее — по итогам публичных слушаний и т. п. Стимулом к публикации новых проектов для застройщиков стали результаты работы механизма проектного финансирования, а именно возвращение средств с эскроу-счетов девелоперам (переход средств от банков с эскроу-счетов вследствие получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома).

Дополнительная особенность факторов кризиса — их проявление в разное время. Такие факторы, как осложнение деятельности иностранных компаний (прежде всего из недружественных стран) и трудности с цепочками поставок и наймом рабочей силы, стали проявляться на рынке уже в 2022 г. [4]. В свою очередь, изменение уровня доходов между регионами России в условиях растущей роли ВПК, а также высоких зарплат контрактников и мобилизованных постепенно начинает проявляться в регионах с 2023 г. [3]. В то же время влияние повышения ключевой ставки, отмены льготной ипотеки и роста стоимости проектного финансирования начало сказываться в 2024 г., но при этом не имело бы столь серьезного эффекта при отсутствии столь радикальных санкций.

Траектории адаптации девелоперов на рынке жилья в конечном итоге будут влиять на территориальное развитие агломерации в целом. Если ориентироваться на изменения структуры проектов девелоперов, то явно можно выделить рост роли строительства в сером поясе. Данный процесс активно протекает и в Московской агломерации, обеспечивая в целом большее вовлечение территорий в городскую ткань ядра агломерации [34]. Для развития агломерации возникает несколько рисков.

Во-первых, в зонах редевелопмента жилые проекты соседствуют, хотя и с учетом санитарно-защитных зон (ССЗ), с рядом действующих предприятий, что может нести риски для жителей [35]. При этом достаточно трудно оценить (без использования больших данных от тех же сотовых операторов), сколько жителей проживает на данных территориях [36] и скольким, соответственно, в теории необходимо будет оказывать помощь.

Во-вторых, в зонах редевелопмента ориентация на более платежеспособный спрос может приводить к росту количества квартир, связанному с инвестициями горожан и в конечном счете исключению из оборота части новых квадратных метров, что также приводит к снижению доступности жилья [37] и росту неравенства в городах [38; 39]. Рост инвестиционной составляющей на рынке жилья является одним из элементов финансирования сектора в целом, и интенсивность процесса

¹ О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга, Закон Санкт-Петербурга от 21.12.2023 г. № 785-169, 2023, *Администрация Санкт-Петербурга*, URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ingen/generalnyj-plan-sankt-peterburga/> (дата обращения: 08.01.2025).

связана, в частности, с разницей в выгодах и рисках разных направлений инвестиций в стране. Например, в Китае вложения в ценные бумаги из-за государственного регулирования считаются инвесторами более рискованными, нежели вложения в жилую недвижимость [40]. Данное явление наблюдается и в крупнейших агломерациях России, о чем свидетельствует доминирование жителей Москвы в структуре покупок на первичном рынке жилья [7], и, скорее всего, аналогично в Санкт-Петербурге.

В свою очередь, снижение объемов строительства в пригородах и выход из них крупных девелоперов может снизить темпы застройки пригородной зоны в целом.

Выход крупных девелоперов может приводить к снижению стандартов качества между застройщиками, а также снижению разнообразия. Важным сдерживающим фактором освоения пригородов можно считать все большую транспортную удаленность новых проектов от внеуличного транспорта, а также рост нагрузки на дорожные магистрали [29]. Для дальнейшего развития уже среднеэтажного строительства в пригородах застройщикам необходимо развитие общественного транспорта агломерационного уровня. В такой ситуации важен вопрос об источниках финансирования. Исключением при этом является д. Новосаратовка, где допустима высокоэтажная застройка для девелоперов, а 158 тыс. будущих жителей удалены от КАДа и вряд ли будут обеспечены необходимым общественным транспортом в будущем¹.

При этом важно отметить, что решение амбициозных целей по вводу 120 млн м² жилья в год к 2030 г. и увеличение жилищной обеспеченности до 38 м² на человека к 2030 г. в условиях кризиса, по всей видимости, будет обеспечиваться за счет ИЖС. Развитие ИЖС на территориях, прилегающих к городским агломерациям, декларируется в новой стратегии пространственного развития до 2030 г.² В агломерации растет как объем ввода жилья населением (де-факто ИЖС, с 1,14 млн м² в 2019 г. до 2,70 млн м² только за январь — ноябрь 2024 г.), так и его доля в общем вводе жилья (с 19,3 % в 2019 г. до 49,6 % за январь — декабрь 2024 г.) При этом спрос на ИЖС со стороны населения только нарастает [41], и успешность в его удовлетворении также зависит от политики властей, о чем, в частности, говорит пример одноэтажных пригородов Белгорода [42]. Пока что в агломерации ввод ИЖС связан прежде всего со средними и дальними пригородами в формате «второго» жилья, о чем свидетельствует более детальное рассмотрение жилищного строительства в агломерации (рис. 7).

На рисунке 7 расширение застройки означает, что внутри сложившихся жилых массивов или на их границах появились новые жилые дома. «Новое освоение» означает, что данные территории относительно удалены от сложившейся зоны застройки в целом (около 1—2 км) и на них массивы ИЖС появились впервые. Основной прирост ИЖС, если ориентироваться на данные ГИС.ЖКХ и дистанционное зондирование, приходится на средние и дальние пригороды. Соответственно, потенциал субурбанизации еще не используется в агломерации.

¹ Градсовет Ленобласти утвердил изменения в генплан Свердловского поселения, 2023, *Коммерсантъ*, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785943> (дата обращения: 08.01.2025).

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 год, Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р, 2024, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310767692?ysclid=m6ia3cblfn866343914> (дата обращения: 08.01.2025).

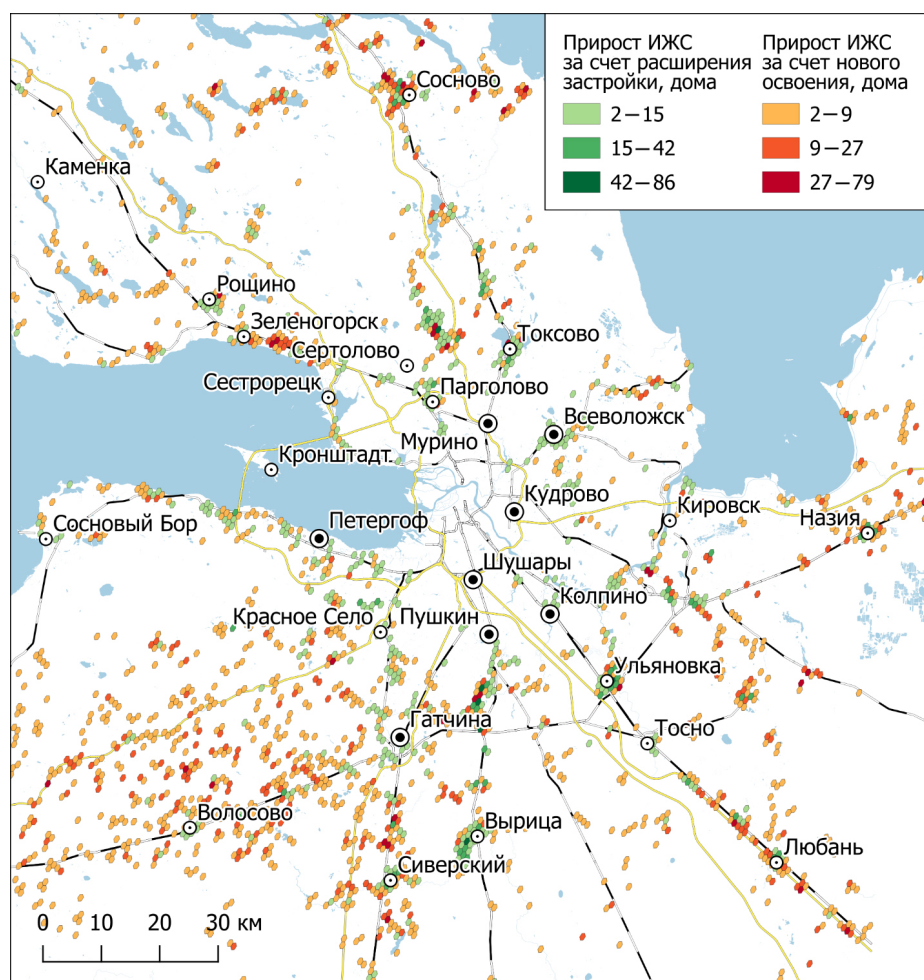

Рис. 7. Пространственная структура ввода ИЖС
в Санкт-Петербургской агломерации (2019—2024)

Источник: ГИС.ЖКХ¹.

Для продолжения наращивания ввода ИЖС и при этом обеспечения его строительства в ближних пригородах необходим выход на рынок крупных девелоперов, которые смогут гарантировать необходимый уровень развития инфраструктуры в новых зонах застройки ИЖС². В итоге кризис 2022 г., вызванный радикальными антироссийскими санкциями, может привести к развитию классической субурбанизации в пригородах Санкт-Петербургской агломерации и к существенным изменениям в системе расселения и транспортных потоках в агломерации.

¹ Реестр объектов жилищного фонда, 2025, ГИС ЖКХ, URL: <https://dom.gosuslugi.ru/#1/houses> (дата обращения: 08.01.2025) ; GHS built-up surface (R2023), 2023, *Global Human Settlement Layer*, URL: <https://human-settlement.emergency.copernicus.eu/download.php> (дата обращения: 08.01.2025).

² Тренды индивидуального жилищного строительства 2.0, 2024, *Strategy Partners*, 46 с., URL: <https://strategy.ru/research/research/trendy-individualnogo-zhilischnogo-stroitelstva-57/> (дата обращения: 11.11.2024).

Заключение

Радикальные антироссийские санкции повлияли на сектор жилищного строительства, прежде всего на возведение многоквартирных домов. Траектории адаптации к новым условиям со стороны девелоперов в конечном счете будут в дальнейшем определять развитие крупнейших агломераций в стране, в частности рассмотренной Санкт-Петербургской агломерации.

Наиболее существенное влияние на развитие рынка оказало изменение ключевой ставки, на которую антироссийские санкции и трансформации из-за них оказали хоть и косвенное, но серьезное влияние. В момент существенного роста разрыва между официальным уровнем ключевой ставки и ставкой по льготным ипотечным программам застройщики активизировали свою деятельность, однако пространственные ее особенности изменились. Они стали активнее осваивать зоны серого пояса в ядре агломерации, потому что это снижало их зависимость от ипотечного кредитования. Проекты в сером поясе были в основном бизнес-класса, реже элитного. В этой нише из крупнейших застройщиков агломерации полноценно смог закрепиться только холдинг «Setl Group». В то же время существенно увеличили свою активность застройщики бизнес-класса, в частности группа «RBI», холдинга «Legenda» и др. Все это ведет к большему включению в городскую ткань территорий серого пояса, хотя и с рисками роста инвестиционных квартир.

В противоположность серому поясу доля в строительстве в пригородах снижалась. Ипотечное кредитование, по сути, позволяло застройщикам активно реализовывать масштабные проекты в пригородных зонах, таких как Мурино, Кудрово и др. В условиях снижения доступности ипотеки (на фоне роста ключевой ставки) девелоперы стали менять свои подходы к пригородным зонам. Крупнейшие застройщики стали продавать земельные участки, в том числе с готовой документацией. Количество осваиваемых зон практически не увеличивается. По сути, новой зоной является только д. Новосаратовка, где девелоперы могут реализовывать выгодные проекты массового жилищного строительства. При этом транспортная доступность территории крайне низка, что, с одной стороны, обеспечивает высокий спрос, а с другой — в условиях систематически медленных темпов развития внеуличного общественного транспорта в Санкт-Петербурге и Ленинградской области приведет к существенным логистическим трудностям на юго-востоке агломерации. В то же время создание новых пригородных зон стало практически невозможным, о чем свидетельствуют малые темпы застройки компании ГК «A101» в д. Лаголово, и по всей видимости, отказ на неопределенное время от проекта в д. Корпикюля. При этом разнообразие застройщиков в пригородных зонах в основном выросло, в частности туда, хотя и в меньшей степени, устремились застройщики бизнес-класса и новые игроки на рынке. Это является частью их логичных стратегий по увеличению диверсификации.

Незначительно, но все-таки повлияло на рынок и прямое проявление санкций, выраженное в затруднении деятельности иностранных компаний. Из-за этого с рынка недвижимости ушли иностранные компании «YIT» и «Bonava», продав при этом активы другим застройщикам.

В конечном счете в агломерации растет роль ввода жилья в сером поясе со снижающейся ролью пригородов. При этом, как показывает оперативная статистика, темпы ввода многоквартирного жилья в Санкт-Петербурге и Ленинградской области уже снижаются. В данном случае это реакция на падение спроса, особенно связанного со все менее доступным ипотечным кредитованием. С точки зрения развития ядра агломерации данная тенденция благоприятна для Санкт-Петербургской агломерации. Однако при этом возможности для реализации национальных целей

по повышению жилищной обеспеченности в агломерации в целом снижаются. Индивидуальное жилищное строительство осуществляется не в ближних пригородах, из-за чего, по сути, субурбанизация в классическом понимании в агломерации не происходит. Учитывая связь доступности жилья и миграционной привлекательности агломерации, стоит ожидать в дальнейшем замедления роста численности населения агломерации. При этом данная тенденция действует одновременно с изменениями в транспортно-логистическом и производственном секторе, обусловленными радикальными антироссийскими санкциями.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта СПбГУ № 116814048 / GZ_F_2025 «Разработка адаптационных стратегий поведения экономических агентов в условиях антироссийских экономических санкций».

Список литературы

1. Манушин, Д. В. 2024, Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022—2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования, *Russian Journal of Economics and Law*, т. 18, № 1, с. 36—69. EDN: OTFHYP, <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>
2. Кузык, М. Г., Симачев, Ю. В. 2023, Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г., *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3 (60), с. 172—179. EDN: SPDHBN, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180
3. Зубаревич, Н. В. 2024, Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад?, *Вопросы теоретической экономики*, № 1 (22), с. 34—47. EDN: FLKGYM, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47
4. Грушина, О. В., Красноштанова, Т. А. 2022, Кризисы XXI века, или Как выжить отрасли жилищного строительства в РФ, *Государственное управление. Электронный вестник*, № 95, с. 20—40. EDN: ZKYCRD, <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-20-40>
5. Стерник, С. Г., Сафронова, Н. Б. 2021, Финансиализация рынков недвижимости как макроэкономический тренд цифровой экономики, *Проблемы прогнозирования*, № 6 (189), с. 125—134. EDN: OFWZGA, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-189-125-134>
6. Попов, А. А. 2016, Влияние рынка первичной недвижимости на качество городской среды Москвы в 2010-е гг., в: *Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы*, с. 238—241. EDN: WASRST
7. Kurichev, N. K., Kuricheva, E. K. 2018. Relationship of housing construction in the Moscow urban agglomeration and migration to the metropolitan area, *Regional Research of Russia*, vol. 8, № 1, p. 1—15. EDN: VHTZRJ, <https://doi.org/10.1134/S2079970518010069>
8. Лачининский, С. С., Косарев, А. В., Шендрик, А. В., Галямов, К. С. 2024, Потенциал жилищного строительства муниципальных образований Ленинградской области в пределах Санкт-Петербургской агломерации, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2 (77), с. 119—133. EDN: IIREVP, <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-2-119-133>
9. Алексеенко, А. П., Лаврентьев, И. А., Латышева, Н. Е. 2024, Оценка текущего состояния и перспектив развития жилищного строительства Дальневосточного федерального округа Российской Федерации, *Вестник университета*, № 2, с. 52—65. EDN: FMDQVX, <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-52-65>
10. Dogucu, M., Çetinkaya-Rundel, M. 2021, Web scraping in the statistics and data science curriculum: Challenges and opportunities, *Journal of Statistics and Data Science Education*, vol. 29, № Sup 1, p. 112—122. EDN: WIQKWG, <https://doi.org/10.1080/10691898.2020.1787116>
11. Куричев, Н. К., Куричева, Е. К. 2020, Пространственная структура жилищного строительства в Московской агломерации: радиально-секторальная дифференциация, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 65, № 1, с. 74—95. EDN: BHGTTY, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.105>

12. Kurichev, N., Kuricheva, E. 2020, Interregional migration, the housing market, and a spatial shift in the metro area: Interrelationships in the case study of Moscow, *Regional Science Policy & Practice*, vol. 12, № 4, p. 689—704. EDN: QJOKGM, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12252>
13. Zhou, X., Yeh, A. G. O. 2021, Understanding the modifiable areal unit problem and identifying appropriate spatial unit in jobs — housing balance and employment self-containment using big data, *Transportation*, № 48, p. 1267—1283. EDN: CQQPWI, <https://doi.org/10.1007/s11116-020-10094-z>
14. Lachininskii, S. S., Logvinov, I. A., Sorokin, I. S. 2024, Modern Methods for Studying the Spatial Structure of Urban Agglomerations (a Case Study of the St. Petersburg Urban Agglomeration), *Regional Research of Russia*, vol. 14, № 2, p. 170—180. EDN: BUGAJU, <https://doi.org/10.1134/S2079970524600100>
15. Логвинов, И. А., Лачининский, С. С., Нуреев, Т. Р. 2024, Создание набора данных для исследования пространственно-временной динамики жилищного строительства на основе данных ГИС, ЖКХ и дистанционного зондирования: принципы, инструменты, результаты, *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, т. 30, № 2, с. 498—515. EDN: WIXHRJ, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2024-2-30-498-515>
16. Слука, Н. А. 2016, Цели, задачи и проблемы корпоративной географии, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 38—45. EDN: WLWYHN, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-38-45>
17. Макушин, М. А., Черепанова, Е. А. 2024, Корпоративные стратегии пространственного развития складской недвижимости ритейлеров в Московской агломерации, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 69, № 3, с. 416—435. EDN: JSKFTL, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2024.302>
18. Макушин, М. А., Горячко, М. Д. 2022, Географические закономерности развития рынка складской недвижимости в Московской агломерации, *Региональные исследования*, № 1 (75), с. 17—30. EDN: DQLTXH, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-1-2>
19. Зубаревич, Н. В. 2021, Выход регионов из кризиса в январе—апреле 2021 г., *Экономическое развитие России*, т. 28, № 7, с. 68—71. EDN: TDXCUF
20. Липатников, В. С., Удалова, А. А. 2020, Влияние новой модели финансирования жилищного строительства на основе эскроу-счетов на характеристики сделок на рынке первичной жилой недвижимости, *Регион: Экономика и социология*, № 3 (107), с. 242—269. EDN: XDLWJU, <https://doi.org/10.15372/REG20200310>
21. Макаренцева, А. О., Мкртчян, Н. В., Зубаревич, Н. В. 2020, Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г.? *Экономическое развитие России*, т. 27, № 10, с. 73—88. EDN: FYOMVH
22. Fauzan, A., Novianti, A., Ramadhani, R. R. M. A., Adhiwibawa, M. A. S. 2022, Analysis of Hotels Spatial Clustering in Bali: Density-Based Spatial Clustering of Application Noise (DBSCAN) Algorithm Approach, *EKSAKTA, Journal of Sciences and Data Analysis*, p. 25—38. EDN: OJNPXR, <https://doi.org/10.20885/eksakta.vol3.iss1.art4>
23. Zhu, J., Sun, Y. 2017, Building an Urban Spatial Structure from Urban Land Use Data: An Example Using Automated Recognition of the City Centre, *ISPRS International Journal of Geo-Information*, vol. 6, № 4, p. 122, <https://doi.org/10.3390/ijgi6040122>
24. Страхов, К. А., Невский, Г. П. 2023, Оценка обособленности и целостности внутригородских районов (на примере Санкт-Петербурга), *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, т. 87, № 2, с. 219—233. EDN: KHPZOV, <https://doi.org/10.31857/S2587556623020097>
25. De Bruyne, K., Van Hove, J. 2013, Explaining the spatial variation in housing prices: an economic geography approach, *Applied Economics*, vol. 45, № 13, p. 1673—1689, <https://doi.org/10.1080/00036846.2011.636021>
26. Fan, Y., Leung, C. K. Y., Yang, Z. 2022, Financial conditions, local competition, and local market leaders: The case of real estate developers, *Pacific Economic Review*, vol. 27, № 2, p. 131—193. EDN: NUOITK, <https://doi.org/10.1111/1468-0106.12360>
27. Нераскрытый Серый Петербург, *Библиотека MLA+*, URL: <https://mlaplus.ru/tpost/318kn3ahm1-neraskritii-serii-peterburg> (дата обращения: 11.11.2024).

28. Палий, К. Р., Палий, Р. Р. 2023, Политика и практика ревитализации индустриального наследия как фактор повышения качества городской среды Санкт-Петербурга, *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*, т. 25, № 3, с. 614—629. EDN: TCXDYG, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-614-629>
29. Амосов, М. И., Сафина, С. С. 2015, Основные проблемы развития транспортной инфраструктуры Санкт-Петербурга и возможные пути их решения, *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, № 5 (95), с. 44—49. EDN: VFZBST
30. Vichiensan, V., Wasuntarasook, V., Hayashi, Y., Kii, M., Prakayaphun, T. 2021, Urban rail transit in Bangkok: Chronological development review and impact on residential property value, *Sustainability*, vol. 14, № 1, p. 284. EDN: KOUFLH, <https://doi.org/10.3390/su14010284>
31. Бреславский, А. С. 2024, Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику, М., Центр гуманитарных инициатив, 170 с. EDN: KGVYVS
32. Зубаревич, Н. В., Сафронов, С. Г. 2019, Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000—2017 гг., *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 3—17. EDN: QNEKYM, <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>
33. Кудрин, А. Л., Май, В. А., Радыгин, А. Д., Синельников-Мурылев, С. Г. (науч. ред.). 2023, *Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы (Вып. 44)*, М., Изд-во Ин-та Гайдара, 556 с., URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/rossiyskaya-ekonomika-v-2022-godu-tendentsii-i-perspektivy-vypusk-44.html> (дата обращения: 11.11.2024).
34. Попов, А. А. 2021, Пространственные и структурные изменения на рынке жилья Москвы в 2010-е годы, в: *Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования*, с. 176—186. EDN: DSTUKM
35. Бащина, С. В., Бабкин, Р. А., Скобеев, Н. М. 2022, Новое жилищное строительство как фактор повышения уязвимости населения крупных городов к природным и техногенным опасностям, *Федерализм*, т. 27, № 2 (106), с. 159—176. EDN: XQRVLP, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-159-176>
36. Махрова, А. Г., Бабкин, Р. А. 2022, Города Московского столичного региона: официальные и реальные, *Региональные исследования*, № 1 (75), с. 4—16. EDN: DKUTDQ, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-1-1>
37. Batty, M. 2025, Is physical planning over? If so, what will replace it?, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 52, № 1, p. 3—6. EDN: LLLJIY, <https://doi.org/10.1177/23998083241310305>
38. Nijman, J., Wei, Y. D. 2020, Urban inequalities in the 21st century economy. *Applied geography*, vol. 117, art. 102188, <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102188>
39. Sarkar, S., Cottineau-Mugadza, C., Wolf, L. J. 2024, Spatial inequalities and cities: A review, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 51, № 7, p. 1391—1407. EDN: ZPDMSN, <https://doi.org/10.1177/23998083241263422>
40. Wu, F., Chen, J., Pan, F., Gallent, N., Zhang, F. 2020, Assetization: The Chinese path to housing financialization, *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 110, № 5, p. 1483—1499. EDN: DVNQGO, <https://doi.org/10.1080/24694452.2020.1715195>
41. Лапшина, Е. М. 2023, Рынок загородной недвижимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области во время пандемии COVID-19, *Региональные исследования*, № 1 (79), с. 98—108. EDN: DKNHXB, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-8>
42. Дохов, Р. А., Сеницын, Н. А. 2020, Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 2, с. 191—206. EDN: VFWDRO, <https://doi.org/10.31857/S2587556620020053>

Об авторах

Илья Александрович Логвинов, аспирант СПбГУ, ведущий аналитик Института территориального планирования «Урбаника», Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-8637-5801>

E-mail: ilia.logwinov@yandex.ru

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, заведующий кафедрой региональной политики и политической географии СПбГУ, Россия; старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН; вице-президент Ассоциации российских географов-обществоведов, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

E-mail: st004020@spbu.ru

Сергей Анатольевич Белозеров, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования экономического факультета СПбГУ, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8711-2192>

E-mail: s.belozerov@spbu.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

ADAPTATION OF SPATIAL STRATEGIES OF THE LARGEST DEVELOPERS OF RESIDENTIAL REAL ESTATE IN ST. PETERSBURG TO ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

I. A. Logvinov^{1, 3}

S. S. Lachininskii^{1, 2}

S. A. Belozerov¹

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² Institute of Regional Economy Problems
of the Russian Academy of Sciences,
38, Serpukhovskaya St., St. Petersburg, 190013, Russia

³ Urbanica Institute of Spatial Planning,
108, Fontanka River embankment, St. Petersburg, 190013, Russia

Received 21 February 2025

Accepted 27 May 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-6

© Logvinov, I. A., Lachininskii, S. S.,
Belozerov, S. A., 2025

Anti-Russian sanctions have had varied and multidirectional impacts across multiple sectors of the national economy, including the housing construction sector — most notably, the development of multi-apartment residential buildings. As a consequence of these sanctions, foreign developers employing advanced management and marketing practices withdrew from the Russian market, while domestic developers were forced to rapidly adapt to both new and intensifying pre-existing factors shaping the primary housing market. This study seeks to iden-

To cite this article: Logvinov, I. A., Lachininskii, S. S., Belozerov, S. A. Adaptation of spatial strategies of the largest developers of residential real estate in St. Petersburg to anti-Russian sanctions, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 122–151. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-6

tify the adaptation trajectories of major residential developers operating within the St. Petersburg agglomeration under the constraints imposed by anti-Russian economic sanctions. To this end, several research objectives were pursued: compiling and analyzing data on residential projects from the Unified Housing Construction Information System (UHCIS); mapping the territorial distribution of completed and ongoing residential developments; examining changes in the intensity of land development across different territorial zones; and evaluating developers' spatial strategies using the Herfindahl–Hirschman Index (HHI) and other analytical tools. The empirical foundation of the study is drawn primarily from UHCIS data provided by DOM.RF (including the map of new construction), complemented by information from media sources. Through cartographic analysis, territorial clusters of residential construction were delineated, and the share of housing commissioned in each cluster was assessed for three time periods: 2016–2020, 2020–2024, and 2025–2028. Developer concentration within these clusters was further evaluated using the HHI. The study identifies five major crisis factors induced by sanctions and outlines nine distinct adaptation trajectories among various groups of developers. The most immediate response was the withdrawal of foreign developers from the market. The research further proposes four strategic models adopted by domestic developers, each characterized by specific strengths, limitations, and implications for urban development. Among the most influential factors was the sharp increase in the Central Bank's key interest rate, which led to a significant decline in suburban development due to reduced mortgage affordability. Conversely, development activity intensified in parts of the so-called 'grey belt', targeting segments of higher-income demand. This reorientation has contributed to greater spatial integration within the agglomeration and the ongoing expansion of the urban core.

Keywords:

adaptation trajectories, strategies, developers, anti-Russian sanctions, housing market, St. Petersburg agglomeration, Unified Housing Construction Information System (UHCIS)

References

1. Manushin, D. V. 2024, Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts, *Russian Journal of Economics and Law*, vol. 18, № 1, p. 36–69, <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>
2. Kuzyk, M. G., Simachev, Yu. V. 2023, Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii, Journal of the New Economic Association*, vol. 60, № 1, p. 172–180, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180
3. Zubarevich, N. 2024, Regions of Russia at the End of 2023: Have They Managed to Overcome the Crisis Recession?, *Issues of Economic Theory*, № 1 (22), p. 34–47, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47
4. Grushina, O. V., Krasnoshtanova, T. A. 2022, Crises of the 21st century; or, how housing construction industry can survive in Russian Federation, *Public Administration. E-journal (Russia)*, № 95, p. 20–40 (in Russ.), <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-20-40>
5. Sternik, S. G., Safronova, N. B. 2021, Financialization of real estate markets as a macro-economic trend of the digital economy, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 32, № 6, p. 676–682, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-189-125-134>
6. Popov, A. A. 2016, The impact of the primary real estate market on the quality of Moscow's urban environment in the 2010s., in: *Mosaics of urban spaces: economic, social, cultural and environmental processes*, p. 238–241 (in Russ.). EDN: WASRST
7. Kurichev, N. K., Kuricheva, E. K. 2018, Relationship of housing construction in the Moscow urban agglomeration and migration to the metropolitan area, *Regional Research of Russia*, vol. 8, № 1, p. 1–15, <https://doi.org/10.1134/S2079970518010069>
8. Lachininski, S. S., Kosarev, A. V., Shendrik, A. V., Galyamov, K. S. 2024, THE Housing Construction Potential Of Municipalities Of The Leningrad Region Within The Saint-Petersburg Agglomeration, *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 2 (77), p. 119–133 (in Russ.), <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-2-119-133>

9. Alekseenko, A. P., Lavrentiev, I. A., Latysheva, N. E. 2024, Assessing Current State And Prospects For Housing Construction Development In The Far Eastern Federal District Of The Russian Federation, *Vestnik Universiteta*, № 2, p. 52—65, <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-52-65>
10. Dogucu, M., Çetinkaya-Rundel, M. 2021, Web scraping in the statistics and data science curriculum: Challenges and opportunities, *Journal of Statistics and Data Science Education*, vol. 29, № S. 1, p. S112—S122, <https://doi.org/10.1080/10691898.2020.1787116>
11. Kurichev, N. K., Kuricheva, E. K. 2020, The spatial pattern of housing construction in the Moscow metropolitan area: Radial and sectoral differentiation, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 65, № 1, p. 74—95, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.105>
12. Kurichev, N., Kuricheva, E. 2020, Interregional migration, the housing market, and a spatial shift in the metro area: Interrelationships in the case study of Moscow, *Regional Science Policy & Practice*, vol. 12, № 4, p. 689—704, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12252>
13. Zhou, X., Yeh, A. G. O. 2021. Understanding the modifiable areal unit problem and identifying appropriate spatial unit in jobs — housing balance and employment self-containment using big data. *Transportation*, № 48, p. 1267—1283, <https://doi.org/10.1007/s11116-020-10094-z>
14. Lachininskii, S. S., Logvinov, I. A., Sorokin, I. S. 2024, Modern Methods for Studying the Spatial Structure of Urban Agglomerations (a Case Study of the St. Petersburg Urban Agglomeration), *Regional Research of Russia*, vol. 14, № 2, p. 170—180, <https://doi.org/10.1134/S2079970524600100>
15. Logvinov, I. A., Lachininskii, S. S., Nureev, T. R. 2024, Creation Of A Dataset For The Study Of Spatial And Temporal Dynamics Of Housing Construction Based On State Information System Of Housing And Communal Services Data And Remote Sensing Data: Principles, Tools, Results, *InterCarto. InterGIS*, vol. 30, № 2, p. 498—515 (in Russ.), <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2024-2-30-498-515>
16. Sluka, N. A. 2016, Goals, objectives, and problems of corporate geography, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 38—45, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-38-45>
17. Makushin, M. A., Cherepanova, E. A. 2024, Corporative strategies of spatial warehousing development of retailers in Moscow agglomeration, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 69, № 3, p. 416—435, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2024.302>
18. Makushin, M. A., Goryachko, M. D. 2022, Geographical Patterns Of Warehousing Property Market In Moscow Agglomeration, *Regional Studies*, № 1 (75), p. 17—30 (in Russ.), <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-1-2>
19. Zubarevich, N. V. 2021, Exit Of Russia's Regions From The Crisis Over January—April 2021, *Economic development of Russia*, vol. 28, № 7, p. 68—71 (in Russ.).
20. Lipatnikov, V. S., Udalova, A. A. 2020, Impact Of The New Escrow Account-Based Model Of Financing Home Construction On The Primary Real Estate Market, *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], № 3 (107), p. 242—269 (in Russ.), <https://doi.org/10.15372/REG20200310>
21. Makarentseva, A. O., Mkrtchyan, N. V., Zubarevich, N. V. 2020, Demographic Situation and Socio-Economic Development of Russian Regions in the first half of 2020, *Economic development of Russia*, vol. 27, № 10, p. 73—88 (in Russ.). EDN: FYOMVH
22. Fauzan, A., Novianti, A., Ramadhani, R. R. M. A., Adhiwibawa, M. A. S. 2022, Analysis of Hotels Spatial Clustering in Bali: Density-Based Spatial Clustering of Application Noise (DBSCAN) Algorithm Approach, *EKSAKTA: Journal of Sciences and Data Analysis*, p. 25—38, <https://doi.org/10.20885/eksakta.vol3.iss1.art4>
23. Zhu, J., Sun, Y. 2017, Building an Urban Spatial Structure from Urban Land Use Data: An Example Using Automated Recognition of the City Centre, *ISPRS International Journal of Geo-Information*, vol. 6, № 4, p. 122, <https://doi.org/10.3390/ijgi6040122>
24. Strakhov, K. A., Nevsky, G. P. 2023, Evaluation of Intracity Districts' Separateness and Integrity (A Case Study of St. Petersburg), *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, vol. 87, № 2, p. 219—233, <https://doi.org/10.31857/S2587556623020097>
25. De Bruyne, K., Van Hove, J. 2013, Explaining the spatial variation in housing prices: an economic geography approach, *Applied Economics*, vol. 45, № 13, p. 1673—1689, <https://doi.org/10.1080/00036846.2011.636021>

26. Fan, Y., Leung, C.K.Y., Yang, Z. 2022, Financial conditions, local competition, and local market leaders: The case of real estate developers, *Pacific Economic Review*, vol. 27, № 2, p. 131—193, <https://doi.org/10.1111/1468-0106.12360>
27. Undisclosed Gray St. Petersburg, *Library MLA+*, URL: <https://mlaplus.ru/tpost/3l8kn3ahm1-neraskritii-serii-peterburg> (in Russ.) (accessed 11.11.2024).
28. Paliy, K.R., Paliy, R.R. 2023, Policy and practice of revitalization of industrial heritage as a factor in improving the quality of the urban environment of St. Petersburg, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 25, № 3, p. 614—629. EDN: TCXDYG, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-614-629>
29. Amosov, M.I., Safina, S.S. 2015, Main problems of transport infrastructure development in St. Petersburg and possible ways of their solving, *Izvestiya St. Petersburg State Economic University*, № 5 (95), p. 44—49 (in Russ.).
30. Vichiensan, V., Wasuntarasook, V., Hayashi, Y., Kii, M., Prakayaphun, T. 2021, Urban rail transit in Bangkok: Chronological development review and impact on residential property value, *Sustainability*, vol. 14, № 1, p. 284, <https://doi.org/10.3390/su14010284>
31. Breslavsky, A.S. 2024, *Suburbanization and the Future of Russian Cities. Introduction to the Problematics*, Moscow, Center for Humanitarian Initiatives, 170 p. (in Russ.).
32. Zubarevich, N.V., Safronov, S.G. 2019, People and money: Incomes, consumption and financial behavior of the population of the Russian regions in 2000—2017, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 3—17, <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>
33. Kudrin, A.L., Mau, V.A., Radygin, A.D., Sinelnikov-Murylev, S.G. (eds.). 2023, *Russian Economy in 2022. Tendencies and Prospects (Vol. 44)*, Moscow, Izd-vo Gaidar Institute, 556 p., URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/rossiyskaya-ekonomika-v-2022-godu-tendence-tsii-i-perspektivy-vypusk-44.html> (in Russ.) (accessed 11.11.2024).
34. Popov, A.A. 2021, Spatial and structural changes in the Moscow housing market in the 2010s., in: *Geourbanistics and urban planning: theoretical and applied research*, p. 176—186 (in Russ.).
35. Badina, S.V., Babkin, R.A., Skobeev, N.M. 2022, New housing construction as a factor of increasing the vulnerability of large cities population to natural and man-made hazards, *Federalism*, vol. 27, № 2 (106), p. 159—176 (in Russ.), <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-159-176>
36. Makhrova, A.G., Babkin, R.A. 2022, Cities of the Moscow Capital Region: official and real, *Regional Research*, № 1 (75), p. 4—16, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-1-1>
37. Batty, M. 2025, Is physical planning over? If so, what will replace it?, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 52, № 1, p. 3—6, <https://doi.org/10.1177/23998083241310305>
38. Nijman, J., Wei, Y.D. 2020, Urban inequalities in the 21st century economy, *Applied geography*, vol. 117, art. 102188, <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102188>
39. Sarkar, S., Cottineau-Mugadza, C., Wolf, L.J. 2024, Spatial inequalities and cities: A review, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 51, № 7, p. 1391—1407. EDN: ZPDXSN, <https://doi.org/10.1177/23998083241263422>
40. Wu, F., Chen, J., Pan, F., Gallent, N., Zhang, F. 2020, Assetization: The Chinese path to housing financialization, *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 110, № 5, p. 1483—1499. EDN: DVNQGO, <https://doi.org/10.1080/24694452.2020.1715195>
41. Lapshina, E.M. 2023, Suburban real estate market of St. Petersburg and Leningrad Oblast during the COVID-19 pandemic, *Regional Research*, № 1 (79), p. 98—108, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-8>
42. Dokhov, R.A., Sinitsyn, N.A. 2020, Sprawl in Russia: Development and structure of belgorod suburbia, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 2, p. 191—206, <https://doi.org/10.31857/S2587556620020053>

The authors

Ilya A. Logvinov, PhD student, St. Petersburg State University, Leading Analyst, the Urbanica Institute of Spatial Planning, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-8637-5801>

E-mail: ilia.logwinov@yandex.ru

Dr Stanislav S. Lachininskii, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic and Social Geography, Head of the Department of Regional Policy and Political Geography, St. Petersburg State University, Russia; Senior Researcher, Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences; Vice-President, Association of Russian Geographers and Social Scientists, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

E-mail: st004020@spbu.ru

Prof Sergey A. Belozarov, Professor, Head of the Risk Management and Insurance Department, Faculty of Economics, St. Petersburg State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8711-2192>

E-mail: s.belozarov@spbu.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

MISCSQ

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ В 1990–2024 ГОДАХ: НА ПРИМЕРЕ БАЛТИЙСКОГО И ИНДИЙСКОГО РЕГИОНОВ

А. С. Михайлов^{1, 3}

А. А. Михайлова¹

М. М. Филатов²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² ООО «Сибур Диджитал»,
117997, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 16

³ Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 08.12.2024 г.

Принята к публикации 10.04.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-7

© Михайлов А. С., Михайлова А. А.,
Филатов М. М., 2025

Статья посвящена оценке трансформации научных связей России на восточном и западном направлениях. Актуальность работы обусловлена активным продвижением в практике идеи международного научного сотрудничества как необходимого условия развития современной науки. Цель исследования — оценить реструктуризацию международных научных связей России за последние 30 лет на макрорегиональном уровне. Методика исследования базируется на подходе пространственной наукометрии, позволяющей проводить географический анализ науки с использованием массива больших библиометрических данных. Исследование выполнено на материалах Балтийского и Индийского регионов и охватило период с 1990 по 2024 г. Источник данных — международная реферативная база Scopus. Полученные результаты позволили сделать выводы о месте исследуемых макрорегионов в мире по уровню приращения научного знания, вкладу стран в обеспечение макрорегиональной динамики публикационной активности и степени интеграции России в научное пространство Балтийского и Индийского регионов. Показано, что Балтийский регион занимает устойчивое положение в мире по количеству научных публикаций, демонстрируя небольшой, но стабильный ежегодный прирост и высокие значения научной продуктивности. Индийский регион — динамичнее в научном плане, однако имеет более высокую степень централизации научной активности и меньшую научную продуктивность. Россия вовлечена в научное сотрудничество с обоими макрорегионами. Однако если со странами Балтийского региона наблюдается его стагнация, усилившаяся после 2022 г., то со странами Индийского региона, напротив, отмечается рост совместной публикационной активности. Подчеркивается необходимость дальнейших качественных исследований по данной тематике для более глубокого понимания изменений в мировой географии науки и места России.

Ключевые слова:

география науки, пространственная наукометрия, научные публикации, наукометрический анализ, публикационная активность, Балтийский регион, Индийский регион, российско-индийское сотрудничество, разворот на Восток

Для цитирования: Михайлов А. С., Михайлова А. А., Филатов М. М. Научные связи России в 1990–2024 годах: на примере Балтийского и Индийского регионов // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 152–174. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-7

Введение и постановка вопроса

Разворот на Восток, сопровождающийся интенсивной переориентацией на более широкое взаимодействие с развивающимися странами, породил дискуссию о его причинах и последствиях для России [1; 2]. Одни исследователи утверждают, что изменение структуры международных связей в пользу быстрорастущих стран Азии, Южной Америки и Африки является естественным процессом, отражающим длинный тренд на изменение глобального геополитического, экономического и научно-технологического влияния [3]. России предлагается не только учитывать фактически сложившееся распределение сил и растущую мощь развивающихся стран, но и закрепить свою роль в их научно-технологической повестке. Альтернативный подход фокусируется на вынужденном характере происходящей реструктуризации связей [4; 5]. Ключевой аргумент заключается в том, что возможность взаимодействия с Китаем, Индией, Бразилией, Ираном и другими странами Глобального Юга существовала всегда, но Россия, как и большинство стран Глобального Севера, продолжала придерживаться сложившейся модели кооперации, выстроенной вокруг традиционных западных центров влияния — США, Великобритании, Германии, Франции.

Сокращающийся разрыв между Севером и Югом, снижение гегемонии англосаксонского мира, и формирование нового миропорядка с несколькими полюсами роста — все это свидетельствует об опасности искусственного удержания текущей колеи развития. В свою очередь, процесс смены колеи крайне затруднителен и болезненно чувствителен из-за эффекта резистентности крепко укоренившейся системы [6]. В связи с этим концепция о «новых траекториях развития», популярная еще в 1980-е гг. [7], обрела современное прочтение не только в России, но и в других странах. Задача для большинства правительств в построении актуальной стратегии национального развития заключается не столько в способности вернуться к исходному состоянию после преодоления «кризиса системы» (то есть обрести устойчивость), сколько адаптироваться под текущие и формирующиеся в среднесрочной и долгосрочной перспективе обстоятельства, обеспечив эффективную трансформацию системы в новой архитектуре связей (иначе резильентность).

Цель данного исследования — определить трансформационные изменения, происходящие в системе научных связей России. Особый акцент сделан на оценке взаимодействий России со странами двух макрорегионов — Балтийского, традиционно выступавшего регионом сотрудничества для России и центром интересов благодаря присутствию мировых лидеров научно-технологических и инновационных рейтингов (например, *European Innovation Scoreboard*¹), и Индийского — перспективного направления сотрудничества, ядром которого выступает стратегический партнер России и самая крупная по численности населения страна мира — Индия. Несмотря на то что российско-индийские партнерские отношения имеют длительную историю и оцениваются как устойчивые («эта связь настолько сильна, что разорвать ее непросто» [8, с. 70]), события последних лет актуализировали кооперационную повестку между странами. Всего за год (с 2021 по 2022 г.) Россия поднялась с 25-го на 7-е место по объему торговли с Индией, нарастив товарооборот до 18 млрд долл. [9]. В связи с этим выдвигается предположение, что развитие двусторонних экономических отношений формирует потенциал и для других направлений российско-индийского сотрудничества, в том числе в сфере науки.

¹ European innovation scoreboard. Research and innovation, *European Commission*, URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en (дата обращения: 11.11.2024).

В следующем разделе статьи будет представлен обзор исследований, регистрирующих современные изменения в распределении научной активности в мире. В методическом разделе описан протокол данного исследования при реализации подхода пространственной наукометрии к анализу территориальных моделей международного научного сотрудничества. Работа проведена на материалах двух макрорегионов — Балтийского и Индийского. Полученные результаты структурированы в разрезе трех подразделов: первый посвящен месту Балтийского и Индийского регионов в мире как важных научных центров и изменению их влияния на процесс количественного приращения нового знания; второй представляет данные о вкладе отдельных стран в обеспечение макрорегиональной динамики публикационной активности; третий презентует результаты оценки интеграции России в научное сотрудничество со странами Балтийского и Индийского регионов. В завершении статьи представлены основные выводы о роли Запада и Востока в формировании международных научных связей России и даны рекомендации по возможным направлениям дальнейших исследований.

Теоретическая основа исследования

Эффективное функционирование национальной инновационной системы страны предполагает ряд обязательных условий, которые можно объединить в три группы:

- развитые научно-образовательный и промышленный сектора (в том числе наукоемкие и капиталоемкие предприятия с высокой добавленной стоимостью) и система специализированных государственных институтов;
- поддерживающая институциональная среда, способствующая укреплению многосторонних связей между академическими, корпоративными, государственными и некоммерческими структурами;
- разветвленная сеть международного сотрудничества, реализуемого на взаимовыгодных условиях и обеспечивающая диффузию знаний и инноваций.

Последний пункт в контексте данного исследования обладает наибольшей важностью. Результаты современных исследований подтверждают тезис об усложнении научно-исследовательской деятельности, заключающийся в том, что ресурсов одной страны для инноваций уже недостаточно [10; 11], а сам инновационный процесс характеризуется свойствами нелинейности и глокальности (*англ.* glo-cal) [12]. Наличие точек соединения внутристрановых систем разного уровня с зарубежными научно-технологическими и инновационными кластерами (то есть так называемые сети «трубопроводов знаний» [13]) играет критическую роль в национальном инновационном развитии.

Несмотря на кажущееся снижение территориального детерминизма научного знания (в том числе из-за появления цифрового доступа к научным результатам), компетенции по его воспроизводству, наращиванию и применению по-прежнему неотделимы от конкретных исследовательских организаций и коллективов [14]. США и западноевропейские страны имеют наиболее сложившиеся научно-технические системы, что долгое время позволяло им занимать доминирующие позиции в качестве мировых научных центров по производству нового знания [15; 16]. При этом глобальный научный ландшафт не статичен: баланс сил постепенно меняется, а научно-исследовательская активность смещается в сторону развивающихся стран. С конца XX в. все чаще обсуждается идея разворота мировой науки на Восток [17]. В первую очередь это отмечается для сфер космоса, авиации, телекоммуникаций, ядерной энергетики и высокоскоростного транспорта [18].

«Гонка за новым знанием» [19], поддерживаемая переходом все большего количества стран к модели экономики, основанной на знаниях (*англ.* knowledge econ-

ому или knowledge-based economy [20]), определила необходимость укрепления развивающимися странами своего научно-технологического потенциала. Первый сдвиг связан с бурным ростом Японии, далее в конкурентную борьбу включились Тайвань, Гонконг, Сингапур и Южная Корея — новые индустриальные страны Восточной Азии [21]. Однако уже сейчас Сингапур и Гонконг начали терять свои конкурентные преимущества из-за роста международной конкуренции в сфере научных исследований [15]. Китай в 2012 г. обошел Южную Корею и Тайвань по количеству научных публикаций [21], а в настоящее время превосходит США по числу научных исследований.

С 2015 г. более четверти общемирового объема научных публикаций приходится на страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), которые формируют альтернативные Западу центры «производства новых знаний, современных технологий и инновационного развития» [22, р. 1116]. Рост восточноазиатских инновационных систем сократил общемировую долю США, Европейского союза и Японии в генерации научных публикаций и патентов [23]. Активизация научно-исследовательской деятельности Китая, Индии, Южной Кореи «значительно нарушила баланс мировых публикаций» [24, р. 121]. Если в 2015 г. восточный вектор только «набирал силу», а «Индия еще не проснулась» [24], то спустя 10 лет картина кардинально изменилась. С начала XXI в. поляризация научной активности снизилась, в то же время наметилась тенденция к ее распределению вследствие наращивания развивающимися странами своего научно-технологического потенциала [25].

Активизировался интерес к Глобальному Югу в качестве научного партнера как со стороны самих этих стран, так и со стороны западных государств [26]. Однако сложность построения таких связей обусловлена не только отсутствием территориальной близости между Глобальным Севером и Югом, но и их социальной и когнитивной «удаленностью» [27]. Россия долгое время направляла усилия на интеграцию именно в западное научное сообщество, включая участие в реализации совместных мегапроектов [28], широкую представленность в ведущих международных реферативных базах цитирования, вхождение в глобальные рейтинги вузов (QS, THE, ARWU) и др. Однако в настоящее время вследствие усиления геополитической напряженности все больше становится потребность в расширении научных связей и их реструктуризации в соответствии с новой географией производства научного знания.

Данные и методы исследования

География исследования

Пространственная наукометрическая оценка международного научного сотрудничества России на западном (европейском) и восточном (азиатском) направлениях выполнена на примере двух культурно-исторических макрорегионов — Балтийского и Индийского (рис. 1). В составе Балтийского региона помимо России учтено 8 стран: Германия, Польша, Дания, Швеция, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония [29]. В составе Индийского региона — 5 стран: Индия, Шри-Ланка, Бангладеш, Непал и Бутан¹. По данным статистического сервиса *Worldometers*, на 2024 г. на страны Балтийского региона (без учета РФ) приходится 20,3 % всего на-

¹ Гоголев, Ф. 2019, Современные макрорегионы: проблемы классификации. 4 июня 2019. РСМД, URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/svfu-experts/sovremennyye-makroregiony-problemy-klassifikatsii> (дата обращения: 11.11.2024).

селения Европы, а на страны Индийского региона — 35 % всего населения Азии, что делает эти макрорегионы значимыми местами концентрации человеческого и интеллектуального капитала.

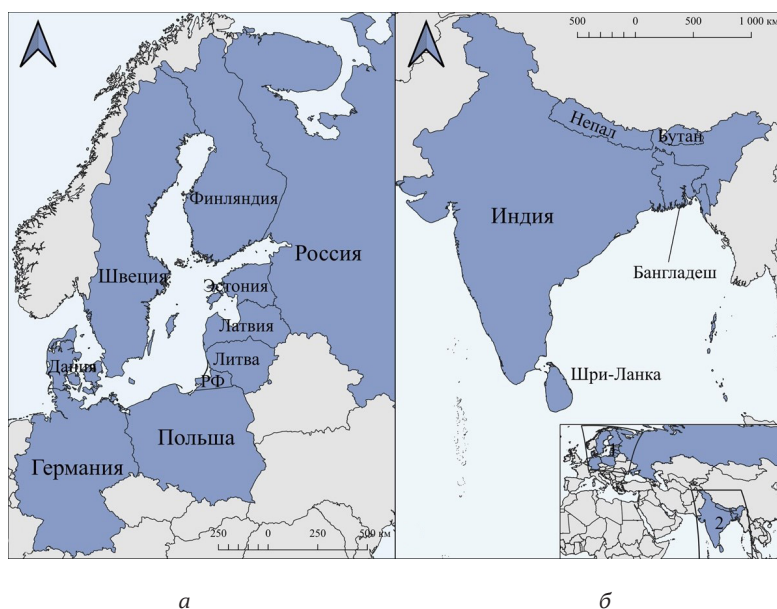

Рис. 1. География исследования: а — Балтийский; б — Индийский регионы

Ведущие страны Балтийского региона (Германия, Швеция, Дания, Финляндия) не только имеют одни из лучших показателей научной продуктивности в мире, но также активно интегрированы в международное научно-технологическое сотрудничество [30]. Кроме того, они входят в группу стран — лидеров инноваций [31]. В качестве отличительных факторов их развития следует отметить высокий уровень расходов на исследования и разработки (в том числе относительно ВВП) и значительное число исследователей в эквиваленте полной занятости [32]. Определенный вклад в усиление стран северной и западной части Балтийского региона внес отток научных кадров и высококвалифицированных работников из стран Прибалтики. Около половины эмигрировавших из Литвы, Латвии и Эстонии в начале 2000-х гг. остались в макрорегионе, что позволило им лучше и быстрее интегрироваться в научно-исследовательские и инновационные сети [33]. Сами Прибалтийские страны имеют более скромный научно-технический потенциал в сравнении с другими странами Балтийского региона [31], однако превосходят по его величине, например, ближайшие к ним страны Центральной Азии [34].

Системообразующим элементом Индийского региона выступает Индия. По данным Всемирного банка¹, современная Индия занимает 5-е место в мире по объему ВВП, уступая лишь США, Китаю, Германии и Японии. В рейтинге лидеров научных исследований издательства *Nature*² страна обошла Австралию, Италию и Швейцарию, заняв 9-е место в общем зачете и 8-е место в области естественных

¹ World Bank Data Catalog, Gross domestic product ranking table, 2023, URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0038130> (дата обращения: 11.11.2024).

² The Nature Index 2024 Research Leaders, 2024, URL: <https://www.nature.com/nature-index/research-leaders/2024/country/all/global> (дата обращения: 11.11.2024).

наук. Согласно Глобальному индексу инноваций¹ Индия находится на 39-м месте из 133 анализируемых стран, в том числе на 1-м месте — в Центральной и Южной Азии. Будучи одним из наиболее влиятельных азиатских государств, Индия активно распространяет свой интерес на соседние страны. Еще в 1979 г. страна провозгласила доктрину господства в Южно-Азиатском макрорегионе [35], которая впоследствии трансформировалась во внешнеполитическую концепцию «Смотреть на Восток» с более широким географическим охватом [36]. Институциональной основой для взаимодействия в рамках рассматриваемого макрорегиона выступила созданная в 1985 г. Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Ее основной целью была поддержка процесса социально-экономического развития территориальных образований исторической Индии [36], в том числе создание зоны свободной торговли [37] и формирование единого образовательного пространства [38]. В 1990-е гг. наметилась активизация трансграничного сотрудничества между странами макрорегиона с формированием «зоны взаимного тяготения» в первую очередь усилиями Индии, Бангладеш и Шри-Ланки [35]. В 2012 г. в составе МИД Индии учреждено специальное Управление по делам развития и партнерства, в функции которого вошло грантовое финансирование, инвестирование и курирование проектов в приграничных для Индии странах [35]. Таким образом, Индийский регион, как и Балтийский, имеет в основе своего образования не только культурно-исторический базис, но и институциональный, детерминируемый актуальной внешнеполитической повесткой.

Выбор Балтийского и Индийского макрорегионов для цели исследования обусловлен рядом причин.

Во-первых, наличием территориальной и культурно-исторической близости у рассматриваемых стран, что способствует созданию более устойчивых макрорегиональных научно-инновационных экосистем с их участием. Социальная и когнитивная общность исследователей одинаково важна для обмена знаниями и укрепления сетевого взаимодействия в науке [27] наряду с географической и инфраструктурной [39]. Россия до 2022 г. была активно интегрирована в Балтийский регион, в том числе для решения проблем вокруг Балтийского моря. В Индийский регион Россия не входит. Однако, как отмечает Т. И. Ерохина [40], советские культурные коды крайне крепко связывают Россию и Индию на современном этапе, что компенсирует территориальную удаленность и способствует легкости формирования межличностных контактов. В связи с этим видится интересным и полезным сравнить два этих макрорегиона с позиции развития связей с Россией на примере научной сферы.

Во-вторых, в структуре научных систем обоих макрорегионов есть драйверы — страны — лидеры мировой науки. Доминирующее положение в Балтийском регионе занимает Германия (5-е место в мире в 2023 г. по количеству публикаций), в Индийском регионе — Индия (3-е место в мире в 2023 г. по количеству публикаций). Таким образом, эти макрорегионы являются хорошими примерами для оценки дихотомии Запад — Восток в системе научных связей России на уровне отдельных ведущих мировых научных центров с отличной динамикой развития.

В-третьих, Балтийский и Индийский макрорегионы представляют западное и восточное направления сотрудничества. Первое — Балтийское — олицетворяет традиционных европейских партнеров, которые с 2014 г. усиливают санкционное давление на Россию, рассматривая ее в качестве одной из ключевых угроз национальной безопасности. Второе — Индийское, представляющее макрорегион с быстрорастущими густонаселенными странами, взаимодействие с которыми реализуется на взаимовыгодных и равноправных условиях с долгосрочной стратегией партнерских отношений.

¹ *Global Innovation Index 2024*, 2024, URL: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/india> (дата обращения: 11.11.2024).

Сбор и анализ данных

Изучение научного ландшафта и процессов международного научно-технологического сотрудничества построено на основе пространственной наукометрической оценки показателей научно-исследовательской деятельности. В расчетах использованы временные ряды геокодированных данных о количестве научных публикаций в разрезе макрорегионов и отдельных стран. Набор данных охватил период с 1990 по ноябрь 2024 г.

Информационной базой исследования выступила международная реферативная база данных Scopus. Выбор данной базы обусловлен рядом ее преимуществ для проведения международных сопоставлений. Во-первых, база обладает необходимым функционалом, позволяющим проводить комплексные поисковые запросы в различных территориальных разрезах. Наличие верифицированных профилей исследователей и организаций позволяет соотносить данные об аффилиации исследований с высокой точностью. Во-вторых, наличие удаленного доступа к базе через использование интерфейса программирования приложения API¹, позволяющего подключать ресурс к собственной аналитической программе для сбора и выгрузки необходимых библиометрических данных. Для использования API в среде разработки *Visual Studio Code (VSCode)* был написан соответствующий программный код на языке Python. В-третьих, эта реферативная база имеет широкий географический охват публикаций, в том числе развивающихся стран Индийского региона. В-четвертых, база является мультидисциплинарной, одинаково хорошо индексируя результаты научных исследований по всем областям знания. В-пятых, в отличие от открытых баз данных Scopus имеет четкий список индексируемых изданий, которые не только проходят оценку на этапе отбора, но и подвергаются мониторингу качества в процессе индексации.

Для корректного сбора данных был сформирован список исследуемых стран. Варианты написания их названий соотнесены с перечнем из базы Scopus. По макрорегионам составлены сложные поисковые запросы, чтобы избежать дублирования публикаций при суммировании данных по странам. Для учета коллабораций учитывалась как доля участия страны / макрорегиона в совокупных публикациях России, так и доля России в публикациях анализируемой страны / макрорегиона.

Строка поискового запроса в базе данных при оценке сотрудничества России со странами Балтийского региона выглядит следующим образом:

AFFILCOUNTRY ("Germany" OR "Denmark" OR "Latvia" OR "Lithuania" OR "Sweden" OR "Finland" OR "Estonia" OR "Poland") AND AFFILCOUNTRY(Russian Federation)

А со странами Индийского региона:

AFFILCOUNTRY("Bangladesh" OR "Bhutan" OR "India" OR "Nepal" OR "Sri Lanka") AND AFFILCOUNTRY(Russian Federation)

Поиск не был ограничен по типу документов, что позволило проследить динамику разнообразной научной активности в длительном временном периоде.

Для оценки внутри макрорегионов пространственной автокорреляции научной продуктивности использован инструмент пространственной автокорреляции (индекс Морана), который рассчитан с использованием программного обеспечения *GeoDa*. Ввиду малого количества объектов веса были распределены, исходя из расстояния между центроидами государств. Взвешенные данные обработаны программным алгоритмом *Univariate Moran I*. Индекс варьируется от -1 до 1, где значения, близкие к нулю, — это случайное расположение наблюдаемых явлений по территории.

¹ Elsevier Application programming interface, 2024, URL: <https://dev.elsevier.com> (дата обращения: 11.11.2024).

Результаты исследования

Место Балтийского и Индийского регионов на научной карте мира

На современном этапе Балтийский и Индийский культурно-исторические регионы являются значимыми центрами концентрации научной активности как в мировом масштабе, так и в своих географических макрорегионах — Европе и Азии. Тем не менее анализ публикационных данных в течение более чем тридцатилетнего периода продемонстрировал наличие существенных межрегиональных различий в динамике процесса количественного приращения научного знания. Рисунок 2, *а* отражает изменение вклада рассматриваемых макрорегионов в мировой публикационный ландшафт. Если средняя доля Балтийского региона в общемировом количестве научных публикаций в 1990—2023 гг. оказалась достаточно стабильна и составляла 11,9 % (изменяясь в диапазоне от 9,8 до 13,4 %), то Индийский регион существенно улучшил свою «научную видимость» — с 1,6 % в 1990 г. до 8,6 % в 2024 г. (по состоянию на ноябрь).

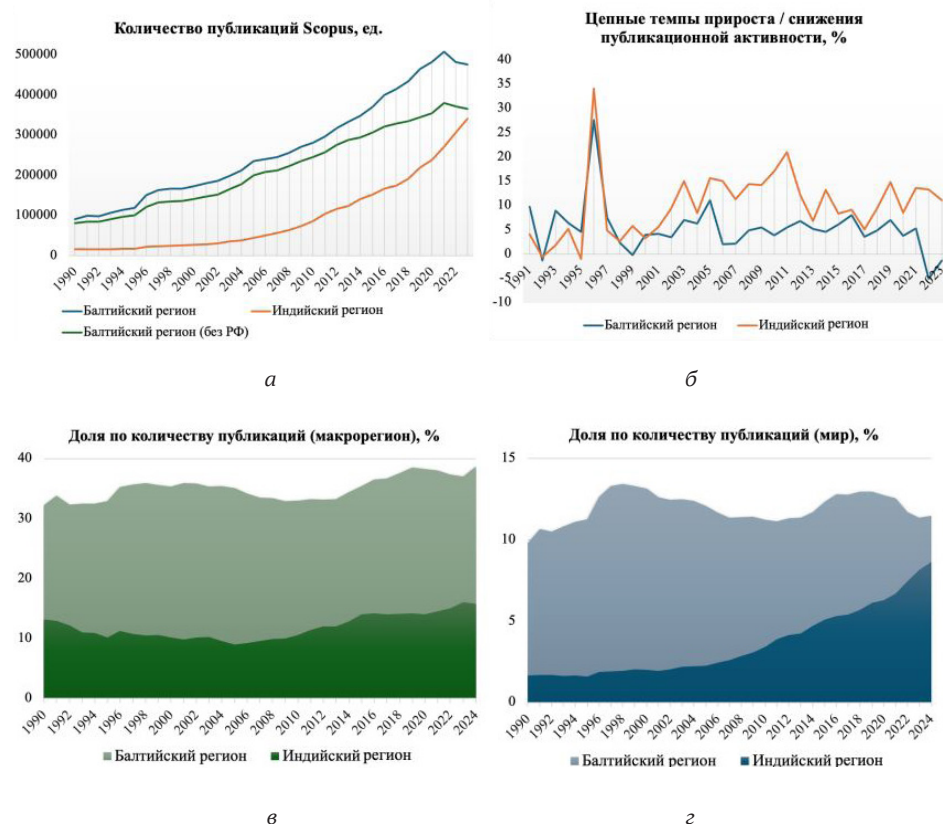

Рис. 2. Динамика научных публикаций в Балтийском и Индийском регионах, 1990—ноябрь 2024 гг.

Примечание: в показателях, рассчитанных для Балтийского региона, учтены данные по РФ.

Составлено на основе данных Scopus¹.

¹ Scopus, 2024, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.11.2024).

При спуске на уровень географических макрорегионов разность в динамике прироста научного знания, выраженного в публикациях, между Балтийским и Индийским регионами сохранилась. Величина вклада Балтийского региона в совокупный объем публикаций Европы оставалась достаточно стабильной на протяжении всего рассматриваемого периода и в общем выражении составила 35,6 %. Вклад Индийского региона в пул научных публикаций Азии скромнее — 13,2 %, однако макрорегиону после проседания в начале 2000-х гг. до 9,0 % удалось увеличить свою долю к 2024 г. до 16,1 % от всех публикаций Азии (рис. 2, в).

В 1990–2000 гг. между Балтийским и Индийским регионами наблюдалось существенное различие в количестве генерируемых научных публикаций с шестикратным отставанием последнего (рис. 2, а). В 1990 г. количественный вклад Балтийского региона в прирост научного знания составлял 90,4 тыс. публикаций, а Индийского региона — 15,2 тыс. публикаций. Наибольший разрыв зафиксирован в 1995 г. — в 7,1 раза, что стало следствием разнонаправленной динамики: снижения публикационной активности в Индийском регионе и роста — в Балтийском регионе. С начала 2000-х гг. наметилась тенденция к сближению макрорегионов по ежегодному количеству публикаций, в том числе вследствие повышения темпов публикационной активности в Индийском регионе (рис. 2, б). В 2023 г. рассматриваемые макрорегионы приблизились по своему годовому вкладу в общемировой объем публикаций: Балтийский — 401,9 тыс. ед. (без РФ — 365,7 тыс. ед.) и Индийский — 302,4 тыс. ед. (рис. 2, а). Хотя данные за 2024 г. неполные, видно, что Индийский регион продолжил наращивать публикационную активность и сокращать разрыв с Балтийским регионом (до 1,3 раза, а без учета РФ — до 1,09 раза).

Таким образом, в первом приближении оценка дихотомии Запад — Восток в приросте публикационной активности на примере рассматриваемых макрорегионов демонстрирует постепенную реструктуризацию территориальной организации приращения научного знания в мире в сторону укрепления восточного вектора. В свою очередь, это создает объективные условия для роста интереса к расширению научного сотрудничества России с восточными странами как активно растущими мировыми научными центрами. Если тридцать лет назад азиатское направление международного научного сотрудничества для России не было столь привлекательным из-за скромного вклада этих стран (в том числе в рамках Индийского региона) в мировой количественный прирост научного знания, то на текущий момент произошли структурные сдвиги в мировой географии знания: как в глобальном (по количеству публикаций Китай в 2020 г. сместил США, а Индия — в 2019 г. Германию и в 2022 г. — Великобританию), так и в макрорегиональном (в 2024 г. Индийский регион практически догнал по количеству публикаций Балтийский регион без учета России) измерениях.

Роль отдельных стран в обеспечении макрорегиональной динамики прироста научных публикаций

Для рассматриваемых макрорегионов в целях оценки пространственной автокорреляции показателей публикационной продуктивности в расчете на 100 тыс. чел. населения были рассчитаны значения индекса Морана в динамике (рис. 3). В большинстве временных срезов получены отрицательные значения, что может указывать на дисперсное распределение стран внутри обоих макрорегионов: как Балтийского, так и — после 2010 г. — Индийского. При этом в соответствии с построенными пространственными диаграммами рассеяния Морана межстрановое

неравенство по уровню публикационной продуктивности внутри Индийского макрорегиона в 1990—2024 гг. нарастает, в то время как для Балтийского региона оно остается практически неизменным.

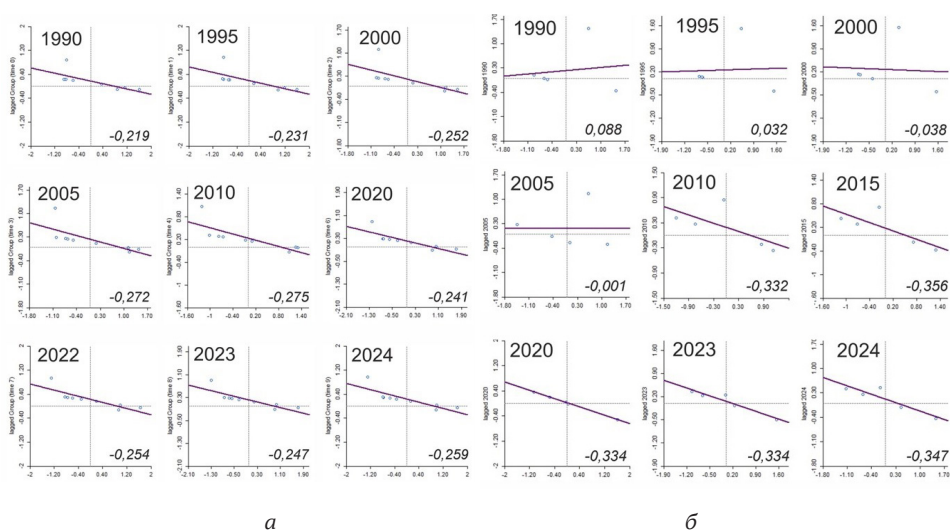

Рис. 3 Пространственные диаграммы рассеяния Морана, 1990—2024 гг.:

а — Балтийский регион; б — Индийский регион

Рассчитано на основе данных Scopus¹ с использованием GeoDa.

Ниже представлен анализ вклада отдельных стран в макрорегиональную динамику публикационной активности и продуктивности (рис. 4—6). В Балтийском регионе основным локомотивом прироста абсолютного количества научных публикаций является Германия. Страна занимает четвертую позицию в мире по общему числу научных публикаций за 1990—2024 гг. (4,66 млн ед., или 6,4 % от мирового значения), уступая лишь США, Китаю и Великобритании. В Индийском макрорегионе таким локомотивом выступает Индия, которая находится на 6-м месте в мировом рейтинге по совокупному количеству публикаций в рассматриваемом периоде — 3,38 млн ед., или 4,6 %. Несмотря на то что и Германия, и Индия демонстрируют ежегодный прирост количества публикаций, темпы этого прироста неодинаковы. Индия из года в год более стремительно наращивает научный потенциал, что позволило ей в 2019 г. обогнать Германию по количеству публикаций на 4,2 %. Впоследствии в 2023 г. этот отрыв увеличился до 53 %. Таким образом, в 2023 г. Индия вошла в топ-3 стран по количеству публикаций, а Германия заняла лишь 5-е место.

Существенный интерес представляет география прироста научного знания внутри исследуемых макрорегионов. Для Балтийского региона в меньшей степени, чем для Индийского, характера контрастность в отношении распределения количества публикаций между странами (рис. 5, 6). Если на Германию в разные годы приходилось от 43 до 60 % всех публикаций макрорегиона при доле населения в 28 %, то на Индию — от 93 до 97 % при концентрации 86 % жителей макрорегиона. При этом для обеих стран в рассматриваемом периоде характерно постепенное сокращение доли в общемакрорегиональном количестве публикаций на фоне многократного роста научной продуктивности в расчете на постоянное население (для Германии — в 3 раза, для Индии — в 11 раз).

¹ Scopus, 2024, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.11.2024).

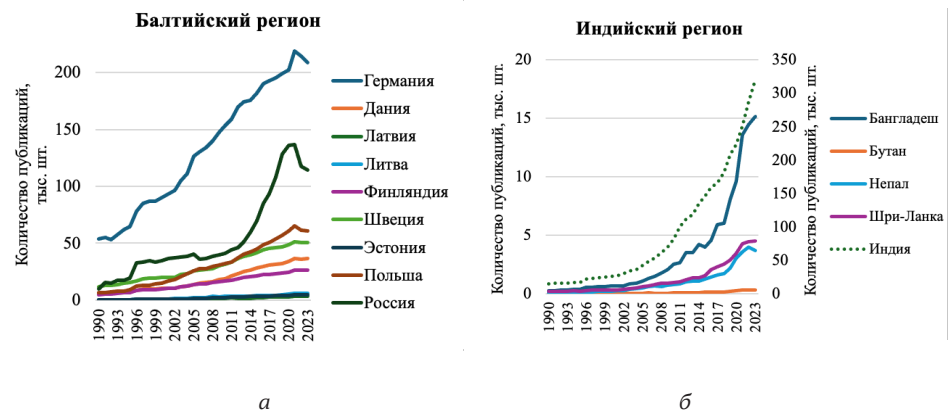

Рис. 4. Динамика количества научных публикаций стран Балтийского (а) и Индийского (б) макрорегионов, тыс. шт.

Составлено на основе данных Scopus.

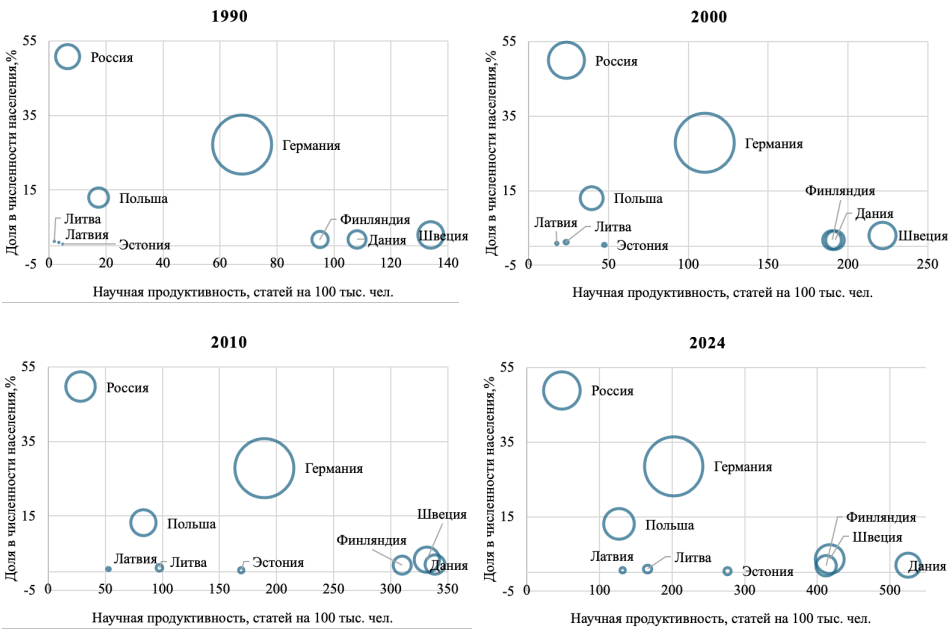

Рис. 5. Распределение стран Балтийского региона по уровню научной продуктивности, на 100 тыс. чел.

Примечание: размер пунсона отображает долю страны по количеству научных публикаций в макрорегионе, %.

Составлено на основе данных Scopus¹ и Worldometers².

¹ Scopus, 2024, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Worldometers, 2024, URL: <https://www.worldometers.info/> (дата обращения: 11.11.2024).

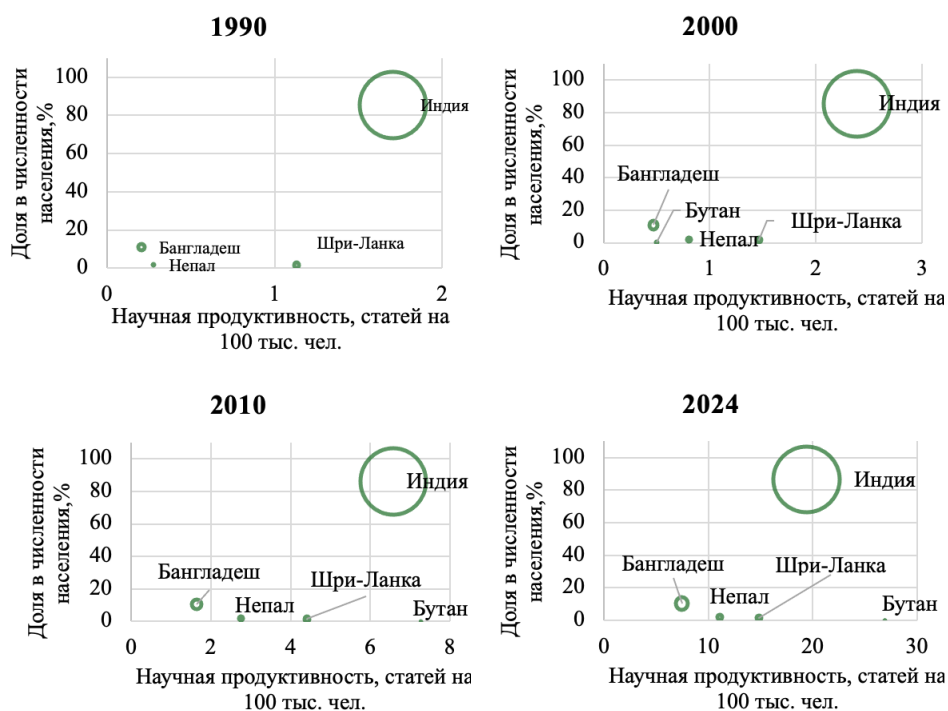

Рис. 6. Распределение стран Индийского региона по уровню научной продуктивности, на 100 тыс. чел.

Примечание: размер пунсона отображает долю страны по количеству научных публикаций в макрорегионе, %.

Составлено на основе данных Scopus¹ и Worldometers².

Вторым крупным научным центром в Балтийском регионе и 12-м среди всех стран является Россия, доля которой в общем количестве публикаций по миру в 2024 г. составила 2%, по макрорегиону — 17,4%. В сравнении с другими балтийскими странами Россия имеет скромный уровень публикационной продуктивности — 48,3 публикации на 100 тыс. чел. В 2024 г. — это последний результат среди стран Балтийского региона, однако лучший в сравнении со странами Индийского региона, в том числе со стратегическим партнером Индией, имеющей 19,4 публикации на 100 тыс. чел. Следует отметить, что Россия после запуска государственной программы поддержки крупнейших российских вузов — Проекта «5-100» — в 2012 г. стала активно наращивать темпы международной публикационной активности (рис. 4). Однако с 2021 г. отмечается обратная тенденция, обусловленная изменением геополитической обстановки вокруг России и разрывом прежних научных связей со странами Запада, в том числе входящими в Балтийский регион.

Отдельно следует выделить Польшу, которая за тридцать лет существенно нарастила свой научный вес в макрорегионе. В настоящее время на нее приходится до 12% всех публикаций Балтийского региона (а в 1990 г. — лишь 7,3%). В макроре-

¹ Scopus, 2024, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Worldometers, 2024, URL: <https://www.worldometers.info/> (дата обращения: 11.11.2024).

гиональном контексте ее можно рассматривать в качестве третьего научного центра, аккумулирующего значительный человеческий и научный потенциал. Однако величина научной продуктивности Польши, несмотря на положительную динамику, сравнительно невысокая — 127 публикаций на 100 тыс. чел. Это сопоставимо, например, с Латвией, которая значительно уступает Польше по своим ресурсным показателям.

Остальные страны Балтийского региона могут быть разделены на две группы по количественному вкладу в генерацию научного знания. Первая группа включает Скандинавские страны — Финляндию, Швецию и Данию, имеющие традиционно высокий уровень научной продуктивности (выше 400 публикаций на 100 тыс. чел.) при средней доле в общем количестве публикаций — около 8 % и доле в численности населения от 2 до 3 %. В период 2000—2010 гг. на 1-е место по научной продуктивности переместилась Дания с 525 публикациями на 100 тыс. жителей, обогнав прежнего лидера — Швецию. При небольшом размере этих стран по постоянной численности населения благодаря высоким значениям научной продуктивности им удастся сохранять свою научную видимость не только в макрорегионе, но и в мире (в 2023 г. Швеция занимало 22-е место, Дания — 29-е, Финляндия — 41-е по абсолютному количеству публикаций).

Вторая группа включает страны Прибалтики с более низкими значениями научной продуктивности (от 131 до 276 публикаций на 100 тыс. чел. в 2024 г.) на фоне совокупной доли в численности населения Балтийского региона около 2 % и невысоких показателей по количеству научных публикаций (около 1 %). Прибалтику можно отнести к периферии научного пространства Балтийского региона. Однако между этими странами в 1990—2024 гг. усилилось неравенство по публикационным показателям с постепенным отрывом Эстонии, которая по своей научной продуктивности уже обогнала Германию и Польшу.

В Индийском регионе ядром научной системы, как отмечалось выше, выступает Индия. Остальные четыре страны находятся в позиции отстающих. Их доля в общем количестве публикаций мала: Бангладеш — 4,3 %, Непал и Шри-Ланка — по 1,1 %, Бутан — 0,1 %. В настоящее время по абсолютному ежегодному количеству публикаций Непал и Шри-Ланка сопоставимы со странами Прибалтики, а Бангладеш превышает их в среднем в 3 раза. Однако уровень научной продуктивности в странах Индийского региона остается низким: подавляющее большинство населения по-прежнему не вовлечено в процесс генерации научного знания.

Восточный и западный вектор научного сотрудничества России

За 1990—2024 гг. Россия существенно увеличила интенсивность международного научного сотрудничества, результатом которого становились научные публикации. Пик пришелся на 2021 г., когда 30,5 тыс. российских публикаций Scopus были подготовлены в международной коллаборации. В последние 10 лет в среднем около 22,2 % (или 232,6 тыс. ед.) публикаций, аффилированных в Скопус с авторами из России, — результат сотрудничества с иностранными учеными. Страны Балтийского и Индийского регионов выступали партнерами России в научных исследованиях на протяжении всего рассматриваемого периода, однако интенсивность этого сотрудничества была неодинакова в разные годы (рис. 7).

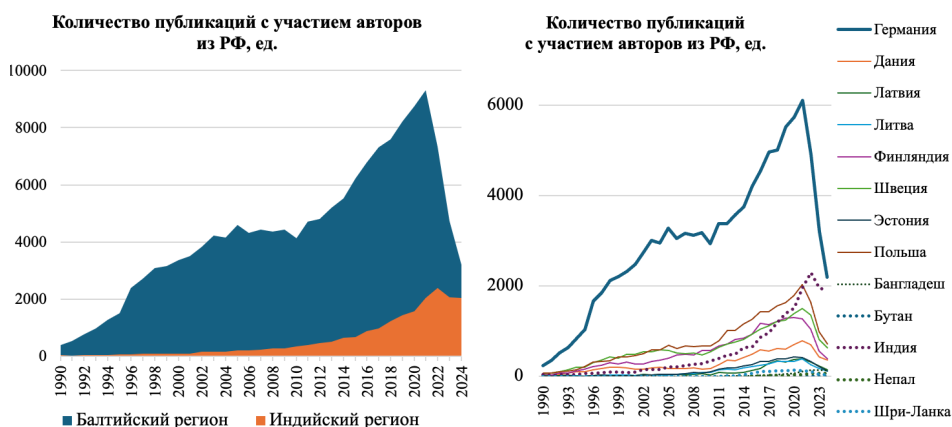

Рис. 7. Динамика публикационного сотрудничества России со странами Балтийского* и Индийского регионов в 1990—2024 гг., ед.

Примечание: *в расчетах по Балтийскому региону Россия не учитывалась для избежания двойного счета.

Составлено на основе данных Scopus¹.

Всего в 1990—2024 гг. у России было 151,9 тыс. научных публикаций со странами Балтийского и 20,2 тыс. — со странами Индийского регионов. Ключевой балтийский партнер России в сфере науки — Германия с долей совместных публикаций 68,7 % (от общего количества публикаций РФ и стран Балтийского региона) (рис. 7). На 2-м месте по интенсивности публикационной активности России на балтийском направлении находится Польша (17,9 % публикаций), на 3-м — Швеция (14,7 %) и Финляндия (12,9 %). Дания и страны Прибалтики в наименьшей степени участвовали в международных научных коллаборациях с Россией, результатом которых становились научные публикации. Индия — ключевой партнер России в Индийском регионе, который задает публикационную динамику. В 1990–2024 гг. на Индию пришлось 96,6 % всех публикаций стран Индийского региона с Россией, при этом 75 % из них было издано в последнее десятилетие. Доля других стран в макрорегионе мала: 5,2 % — Шри-Ланка, 4,1 % — Бангладеш, 2,0 % — Непал, 0,2 % — Бутан.

Таким образом, в обоих рассматриваемых макрорегионах у России было по одному ключевому партнеру, публикационное сотрудничество с которым задавало общую тенденцию. В связи с этим динамика публикационной активности в Балтийском и Индийском регионах после 2022 г. в значительной мере стала следствием трендов в международных коллаборациях России с Германией и Индией. Так, в 2023 г. относительно 2021 г. количество публикаций России со странами Балтийского региона уменьшилось на 49 % (в том числе с Германией — на 47 %), а со странами Индийского региона сохранилось на прежнем уровне (в том числе с Индией, по которой отклонение составило –0,2 %).

Рисунок 8 презентует изменение доли России и стран Балтийского, Индийского регионов в структуре публикационного портфеля друг друга.

¹ Scopus, 2024, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.11.2024).

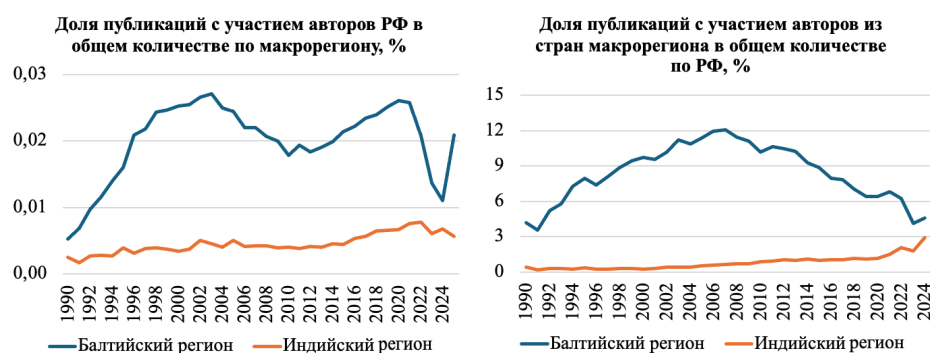

Рис. 8. Взаимный вклад России и стран Балтийского*, Индийского регионов в публикации друг друга в 1990—2024 гг., %

Примечание: * в расчетах по Балтийскому региону Россия не учитывалась для избежания двойного счета.

Составлено на основе данных Scopus¹.

В первую очередь следует отметить, что публикации с Россией занимают малую часть в общем количестве публикаций стран как Балтийского, так и Индийского регионов — менее 0,1 %. Это свидетельствует о том, что Россия не является для этих стран основным партнером в научной сфере. Расчет аналогичного показателя, отражающего вклад стран изучаемых макрорегионов в общее количество российских публикаций, показывает, во-первых, их большую значимость для России, а во-вторых, пока еще сохраняющееся превосходство балтийского (западного) направления публикационного сотрудничества над индийским (восточным). В динамике с 2008 г. доля Балтийского региона в публикациях России постепенно сокращается, в то время как научное сотрудничество на индийском направлении в последние годы (2021—2024) активизируется. В этой связи говорить о сворачивании международных научных коллабораций России на западном направлении лишь в последние годы (после 2022 г.) вследствие усиления геополитической напряженности не будет в полной мере справедливым, данный процесс начался гораздо раньше. В то же время в последние годы произошла интенсификация интереса России к восточному направлению сотрудничества, что получило отражение в расширении доли публикаций с этими странами (на примере Индийского региона — с 1 до 3 %).

Выводы

Инструменты пространственного наукометрического анализа — хороший способ для выявления и оценки макротрендов в трансформации мирового научного ландшафта, поскольку они позволяют оперировать большими массивами агрегированных библиометрических данных в территориально очерченных границах. В рамках данной работы на примере двух макрорегионов (Балтийского и Индийского) рассматривалось изменение современной географии производства научного знания и оценивалось место России в данном процессе.

На основе анализа данных о научной активности и научной продуктивности было показано, что выбранные макрорегионы различны по территориальному размещению науки и своему положению на мировой научной карте. Балтийский

¹ Scopus, 2024, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.11.2024).

регион, занимающий устойчивое по своему вкладу в производство нового знания положение в Европе и мире и включающий инновационно развитые страны, характеризуется более равномерным в сравнении с Индийским регионом размещением научной активности и снижающейся ролью Германии как главного научного центра в пользу распределенной структуры из нескольких научных центров и динамично растущей периферии в лице Прибалтики.

Индийский регион менее сбалансирован. Ему свойственны более сильные диспропорции в распределении научной активности в сторону доминирования одной страны — Индии как единственного научного центра, объединяющего вокруг себя периферийные в научном плане страны. Во многом подобный патернализм Индии в отношении соседних стран является результатом их совместного исторического пути и отражением внешнеполитического курса индийского государства во второй половине XX в.

Разность между макрорегионами в структуре размещения публикационной активности нашла проявление в динамике. Вследствие ежегодного снижения доли Германии по количеству публикаций место Балтийского региона на научной карте Европы и мира все сильнее зависит от темпов развития научных систем сразу нескольких стран (даже без учета России — это Польша и Скандинавские страны). Положение Индийского региона и его научная видимость в полной мере определяются динамикой развития Индии.

В данном контексте ежегодный вклад Балтийского региона в количественный прирост научного знания можно определить как стабильно растущий, однако темпы этого роста ниже, чем у Индийского региона. Большинство европейских стран, входящих в состав макрорегиона, имеют высокий уровень научной продуктивности, что позволяет им даже при скромных размерах по численности населения демонстрировать конкурентный уровень публикационной активности. При этом очевидно, что уровень научной продуктивности для каждой страны имеет конечные значения, выше которых он подниматься уже не будет вследствие ограничений развития самих научных систем. В среднесрочной перспективе для развитых стран Балтийского региона можно ожидать замедление общего роста научной активности при сохранении высокого уровня научной продуктивности.

Индийский регион имеет догоняющий тип развития с более высокими темпами прироста количества публикаций в год. Полученные результаты свидетельствуют об изменении территориальной структуры прироста научного знания в мире, где Индийский регион за последние три десятилетия значительно улучшил свои позиции. Данное исследование подтвердило укрепление азиатского вектора приращения научного знания, сопровождающееся ростом роли восточных стран, которые ранее были менее привлекательны для международного научного сотрудничества.

Россия исторически развивает научное сотрудничество как с Балтийским, так и с Индийским регионами. При этом если для балтийского вектора научного сотрудничества характерна стагнация, особенно в последнее десятилетие, что получило отражение в ежегодно снижающейся доле совместных с РФ публикаций, то индийский вектор пока не получил должного развития несмотря на декларируемый характер стратегического партнерства России и Индии. Это может быть следствием сложности образования научных связей между учеными обеих стран, обусловленной сильными культурными и языковыми различиями, разностью национальных научных повесток и фрагментарностью институциональной поддержки сотрудничества. Оживление совместной публикационной активности России и стран Индийского макрорегиона произошло лишь в последние годы, что скорее простимулировано геополитическими изменениями, чем естественными процессами трансформации географии научных связей. При этом регистрируемый эмпирически рост влияния Востока в мировых научных исследованиях делает важным со

стороны России продолжение усилий по укреплению научных связей со странами Азии. Однако спрогнозировать, насколько долгосрочным будет этот тренд, сложно. Полная замена сети партнерских научных связей России с западными странами на восточные маловероятна. Более целесообразным видится поиск точек соприкосновения на обоих направлениях для поддержания международных научных контактов как элемента «мягкой силы».

Перспективным направлением исследований выступает изучение более широкого круга макрорегионов для оценки глобальных и региональных тенденций в перераспределении мировых центров приращения научного знания и их связей между собой. Отдельное внимание следует уделить качественным характеристикам международной научно-исследовательской кооперации, включая показатели цитируемости, престижности научных изданий, широты представленности регионов и организаций. Использование только количественных методов анализа в данном исследовании является лимитирующим фактором для интерпретации полученных результатов в контексте выявления специфических характеристик научного сотрудничества России с другими странами, включая отраслевые, региональные и исторические аспекты. Оценка межстрановых научных взаимодействий необходимо расширить за счет включения дополнительных параметров, таких как патентная статистика, академическая мобильность, миграция интеллектуальных ресурсов, наличие институциональной поддержки и др. Интересным направлением исследований видится качественная оценка изменений в географии производства нового знания в зависимости от научной области.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-27-00149 «Евразийский вектор партнерства в зеркале межрегионального сотрудничества России и Индии в сфере науки, технологий и инноваций».

Список литературы

1. Савченко, А. Е., Зуенко, И. Ю. 2020, Движущие силы российского поворота на Восток, *Сравнительная политика*, № 1, с. 111 — 125. EDN: XLYUWZ, <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009>
2. Торкунов, А. В., Стрельцов, Д. В., Колдунова, Е. В. 2020, Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 8 — 21. EDN: DBKKFU, <https://doi.org/110.17976/jpps/2020.05.02>
3. Confraria, H., Godinho, M. M., Wang, L. 2017, Determinants of citation impact: A comparative analysis of the Global South versus the Global North, *Research Policy*, № 46, p. 265 — 279, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.11.004>
4. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. 2023, *Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России*, научный доклад, М., Институт экономики РАН.
5. Спартак, А. Н., Чекина, Т. Н. 2023, Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала Специальной Военной Операции, *Российский внешне-экономический вестник*, № 2, с. 8 — 4. EDN: IFNXRE, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-8-46>
6. Hassink, R. 2005, How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster, *European planning studies*, vol. 13, № 4, p. 521 — 535, <https://doi.org/10.1080/09654310500107134>
7. Lambooy, J. 1985, Development trajectories of regions, in: Chojnicki, Z. (ed.), *Concepts and Methods in Geography*, Poznań, Concepts and Methods in Geography.
8. Леонова, О. Г. 2023, Индия и Россия в новых геополитических условиях: новый этап взаимоотношений?, *Россия и современный мир*, № 2 (119), с. 64 — 78. EDN: ZTKXIY, <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.05>

9. Капур, Н. 2023, Многовекторность при «неравномерной многополярности»: отношения Индии с Россией в условиях меняющегося миропорядка, *Вестник МГИМО-Университета*, т. 16, № 2, с. 15 — 32. EDN: FZJFIF, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
10. Di, Y., Zhou, Y., Zhang, L., Indraprastha, G. S., Cao, J. 2022, Spatial pattern and evolution of global innovation network from 2000 to 2019: Global patent dataset perspective, *Complexity*, 2022, art. 5912696. EDN: KNMLAZ, <https://doi.org/10.1155/2022/5912696>
11. Wu, Y., Ding, L., Li, N., Yu, X. 2024, Unveiling the influence of global innovation networks on corporate innovation: evidence from the international semiconductor industry, *Scientific Reports*, vol. 14, № 1, art. 11007. EDN: KWCVZV, <https://doi.org/10.1038/s41598-024-61511-7>
12. Malecki, E. J. 2011, Connecting local entrepreneurial ecosystems to global innovation networks: open innovation, double networks and knowledge integration, *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*, vol. 14, № 1, p. 36 — 59. EDN: WOIMZ, <https://doi.org/10.1504/IJEIM.2011.040821>
13. Bathelt, H., Li, P. 2020, Processes of building cross-border knowledge pipelines. Research Policy, vol. 49, № 3, art. 103928. EDN: MKTDGS, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.103928>
14. Livingstone, D. M. 2003, *Putting science in its place: Geographies of scientific knowledge*, Chicago, University of Chicago Press, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226487243.001.0001>
15. Horta, H. 2018, The declining scientific wealth of Hong Kong and Singapore, *Scientometrics*, № 117, p. 427 — 447. EDN: YJUCJN, <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2845-0>
16. Swianiewicz, P., Niedziółka, M. 2023, Geography of knowledge production in European urban studies, *Studia Litteraria et Historica*, № 12, p. 1 — 19. EDN: YNLOYZ, <https://doi.org/10.11649/slh.2984>
17. Radošević, S., Yoruk, E. 2014, Are there global shifts in the world science base? Analysing the catching up and falling behind of world regions, *Scientometrics*, vol. 101, № 3, p. 1897 — 1924. EDN: VGIFYWV, <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1344-1>
18. Li, Y., Ji, Q., Zhang, D. 2020, Technological catching up and innovation policies in China: What is behind this largely successful story? *Technological Forecasting & Social Change*, № 153, art. 119918. EDN: QPXEZU, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119918>
19. Yigitcanlar, T., Metaxiotis, K., Carrillo, F. J. (eds.). 2012, *Building prosperous knowledge cities: Policies, plans and metrics*, Cheltenham, Edward Elgar, <https://doi.org/10.4337/9780857936042>
20. Choong, K. K., Leung, P. W. 2022, A critical review of the precursors of the knowledge economy and their contemporary research: implications for the computerized new economy, *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 13, № 2, p. 1573 — 1610. EDN: LXBESHZ, <https://doi.org/10.1007/s13132-021-00734-9>
21. Wong, C.-H., Goh, K.-L. 2015, Catch-up models of science and technology: A theorization of the Asian experience from bi-logistic growth trajectories, *Technological Forecasting & Social Change*, № 95, p. 312 — 327, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.02.005>
22. Shashnov, S., Kotsemir, M. 2018, Research landscape of the BRICS countries: Current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners, *Scientometrics*, № 117, p. 1115 — 1155. EDN: VAHKTS, <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2883-7>
23. Geng, D., Saggi, K. 2015, The nature of innovative activity and the protection of intellectual property in Asia, *Asian Economic Policy Review*, № 10, p. 71 — 91, <https://doi.org/10.1111/aep.12084>
24. Zhou, P., Li, J. 2015, Is the word of science moving to the East? What bibliometrics says, in: Archibugi, D., Filippetti, A. (eds.), *The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation*, Malden, MA, John Wiley & Sons, p. 109 — 123, <https://doi.org/10.1002/1978118739044.ch5>
25. Maisonnobe, M. 2020, Regional distribution of research: The spatial polarization in question, *Handbook Bibliometrics*, p. 377 — 396, <https://doi.org/10.1515/9783110646610-036>
26. Muhr, T. 2022, Reclaiming the politics of South-South cooperation, *Globalizations*, vol. 20, № 3, p. 347 — 364. EDN: ORFMTU, <https://doi.org/10.1080/14747731.2022.2082132>
27. Frenken, K. 2020, Geography of scientific knowledge: A proximity approach, *Quantitative Science Studies*, № 1 (3), p. 1007 — 1016. EDN: MJFVVC, https://doi.org/10.1162/qss_a_00058
28. Prytkov, G. V., Tsvetov, N. Y., Balyakin, A. A., Malyshev, A. S., Taranenko, S. B. 2017, Scientific cooperation between Russia and the eu in the development and use of large research infrastructure, *European Research Studies Journal*, vol. 10, № 3, p. 338 — 353. EDN: XNRFEQ, <https://doi.org/10.35808/ersj/713>

29. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки, Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28. EDN: YLTZAY, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
30. Murashova, E., Loginova, V. 2017, University-Industry Interaction Trends in the Baltic Sea Region: A Bibliometric Analysis, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 7, № 2, p. 28—29. EDN: XNQMER, <https://doi.org/10.1515/bjes-2017-0009>
31. Mikhaylov, A. S., Gorochnaya, V. V. 2021, Divergence of coastal cities in the Baltic region by knowledge production capabilities, *European Journal of Geography*, vol. 12, № 1, p. 6—18. EDN: XHBFMZ, <https://doi.org/10.48088/ejg.a.mik.12.1.006.018>
32. Steine, F. S. 2020, Continued growth in Nordic R&D activity, *NIFU Insight*, № 9, p. 1—5.
33. Kirch, A., Mezentsev, V. 2012, Migration of ‘Knowledge Workers’ in the Baltic Sea Macro-Region Countries, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 2, № 2, p. 109—123, <https://doi.org/10.11590/bjes.2012.2.06>
34. Gromov, G., Ovezmyradov, B. 2024, Differences in Research Performance Between Central Asian and Baltic States, in: Kabashkin, I., Yatskiv, I., Prentkovskis, O. (eds.), *Reliability and Statistics in Transportation and Communication*, RelStat 2023, Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 913, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-031-53598-7_47
35. Наумов, А. О., Положевич, Р. С. 2018, «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: история и современность (часть II), *Государственное управление. Электронный вестник*, № 70, с. 291—328. EDN: VKJXWY, <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00095>
36. Андреев, С. Д. 2023, Предпосылки возникновения и эволюция концепции «смотреть на восток» в контексте внешней политики Индии (1990—2010-е гг.), *Современная научная мысль*, № 1, с. 172—178. EDN: AWOHCZ, <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-1-172-178>
37. Елецкий, А. Н. 2017, Специфика инновационного развития Индии как одного из новых глобальных геоэкономических лидеров мировой экономики, *Креативная экономика*, т. 11, № (8), с. 863—874. EDN: ZJUBZJ, <https://doi.org/10.18334/ce.11.8.38203>
38. Шкунов, В. Н. 2011, Конституционно-правовое регулирование образовательных отношений в странах Южной Азии, *Право и образование*, № 3, с. 4—9.
39. Bernard, A. B., Moxnes, A., Saito, Y. U. 2022, The Geography of Knowledge Production: Connecting Islands and Ideas, Dartmouth College.
40. Ерохина, Т. И. 2021, Советский дискурс индийского кинематографа: культурные коды и стереотипы, *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 13 (855), с. 331—347. EDN: VJFKZB, https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_331

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией географии инноваций, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; Лаборатория геополитических исследований, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

Анна Алексеевна Михайлова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-3374-6090>

Максим Михайлович Филатов, эксперт, ООО «Сибур Диджитал», Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

E-mail: filatovmm@sibur.ru

SCIENTIFIC COOPERATION OF RUSSIA (1990–2024): A COMPARATIVE STUDY OF THE BALTIC AND INDIAN REGIONS

A. S. Mikhaylov^{1, 3}

A. A. Mikhaylova¹

M. M. Filatov²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Sibur Digital LLC,
16, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117997, Russia

³ Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny per., Moscow, 119017, Russia

Received 08 December 2024

Accepted 10 April 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-7

© Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A.,
Filatov, M. M., 2025

The article explores the reorientation and transformation of Russia's international scientific cooperation across its eastern and western strategic axes. This study is relevant due to the practical emphasis on international scientific cooperation as a necessary condition for the advancement of modern science. The objective of the research is to evaluate the restructuring of Russia's international scientific ties over the past 30 years at the macroregional level. The methodology employed is based on spatial scientometrics, which enables the geographical analysis of science using extensive bibliometric data. The study focuses on the Baltic and Indian regions and covers the period from 1990 to 2024. The data source is Scopus international database. The results obtained allow for conclusions regarding the position of the macroregions globally, in terms of the growth of scientific knowledge, the contribution of individual countries to the macroregional dynamics of publication activity, and the degree of Russia's integration into the scientific spaces of the Baltic and Indian regions. It is demonstrated that the Baltic region holds a stable global position in terms of the number of academic publications, exhibiting a slight but steady annual increase alongside high scientific productivity. Conversely, the Indian region is more dynamic scientifically but shows a greater centralisation of scientific activity and comparatively lower productivity. Russia participates in scientific collaboration with both macroregions. Collaboration with Baltic region countries has experienced stagnation, which has intensified since 2022. In contrast, joint publication activity with countries in the Indian region has shown notable growth. This underscores the need for further qualitative research to achieve a more comprehensive understanding of the evolving global geography of science and Russia's role within it.

Keywords:

geography of science, spatial scientometrics, scientific publications, scientometric analysis, publication activity, Baltic region, Indian region, Russian-Indian cooperation, turn to the East

References

1. Savchenko, A. E., Zuenko, I. Yu. 2020, The driving forces of Russia's pivot to East, *Comparative Politics Russia*, vol. 11, № 1, p. 111–125 (in Russ.), <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009>

2. Torkunov, A. V., Streltsov, D. V., Koldunova, E. V. 2020, Russia's pivot to the East: Achievements, problems, and prospects, *Polis. Political Studies*, № 5, p. 8–21 (in Russ.), <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>

To cite this article: Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Filatov, M. M. 2025, Scientific cooperation of Russia (1990–2024): a comparative study of the Baltic and Indian regions, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 152–174. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-7

3. Confraria, H., Godinho, M. M., Wang, L. 2017, Determinants of citation impact: A comparative analysis of the Global South versus the Global North, *Research Policy*, № 46, p. 265—279.
4. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., Malygin, V. E. 2023, *The problem of economic sustainability under sanctions: Iran's experience and risks for Russia*, Scientific Report, Moscow, Institute of Economics, RAS (in Russ.).
5. Spartak, A. N., Cheklina, T. N. 2023, Russia's Trade and Economic Cooperation with Europe before and after the Start of the Special Military Operation, *Russian Foreign Economic Journal*, № 2, p. 8—46, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-8-46> (in Russ.).
6. Hassink, R. 2005, How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster, *European planning studies*, vol. 13, № 4, p. 521—535, <https://doi.org/10.1080/09654310500107134>
7. Lambooy, J. 1985, *Development trajectories of regions*, in: Chojnicki, Z. (ed.), Concepts and Methods in Geography, Poznań, Concepts and Methods in Geography.
8. Leonova, O. G. 2023, India and Russia in Modern Geopolitical Conditions: a New Stage of the Relationship? *Russia and the contemporary world*, № 2 (119), p. 64—78 (in Russ.), <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.05>
9. Kapoor, N. 2023, Multi-alignment under Uneven Multipolarity": India's Relations with Russia in an Evolving World Order, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 16, № 2, p. 15—32, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
10. Di, Y., Zhou, Y., Zhang, L., Indraprastha, G. S., Cao, J. 2022, Spatial pattern and evolution of global innovation network from 2000 to 2019: Global patent dataset perspective, *Complexity*, 2022, art. 5912696, <https://doi.org/10.1155/2022/5912696>
11. Wu, Y., Ding, L., Li, N., Yu, X. 2024, Unveiling the influence of global innovation networks on corporate innovation: evidence from the international semiconductor industry, *Scientific Reports*, vol. 14, № 1, art. 11007, <https://doi.org/10.1038/s41598-024-61511-7>
12. Malecki, E. J. 2011, Connecting local entrepreneurial ecosystems to global innovation networks: open innovation, double networks and knowledge integration, *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*, vol. 14, № 1, p. 36—59, <https://doi.org/10.1504/IJEIM.2011.040821>
13. Bathelt, H., Li, P. 2020, Processes of building cross-border knowledge pipelines. *Research Policy*, vol. 49, № 3, art. 103928, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.103928>
14. Livingstone, D. M. 2003, *Putting science in its place: Geographies of scientific knowledge*, Chicago, University of Chicago Press, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226487243.001.0001>
15. Horta, H. 2018, The declining scientific wealth of Hong Kong and Singapore, *Scientometrics*, № 117, p. 427—447, <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2845-0>
16. Swianiewicz, P., Niedziółka, M. 2023, Geography of knowledge production in European urban studies, *Studia Litteraria et Historica*, № 12, p. 1—19, <https://doi.org/10.11649/slh.2984>
17. Radosevic, S., Yoruk, E. 2014, Are there global shifts in the world science base? Analysing the catching up and falling behind of world regions, *Scientometrics*, vol. 101, № 3, p. 1897—1924, <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1344-1>
18. Li, Y., Ji, Q., Zhang, D. 2020, Technological catching up and innovation policies in China: What is behind this largely successful story?, *Technological Forecasting & Social Change*, № 153, art. 119918, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119918>
19. Yigitcanlar, T., Metaxiotis, K., Carrillo, F. J. (eds.). 2012, *Building prosperous knowledge cities: Policies, plans and metrics*, Cheltenham, Edward Elgar, <https://doi.org/10.4337/9780857936042>
20. Choong, K. K., Leung, P. W. 2022, A critical review of the precursors of the knowledge economy and their contemporary research: implications for the computerized new economy, *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 13, № 2, p. 1573—1610, <https://doi.org/10.1007/s13132-021-00734-9>
21. Wong, C.-H., Goh, K.-L. 2015, Catch-up models of science and technology: A theorization of the Asian experience from bi-logistic growth trajectories, *Technological Forecasting & Social Change*, № 95, p. 312—327, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.02.005>
22. Shashnov, S., Kotsemir, M. 2018, Research landscape of the BRICS countries: Current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners, *Scientometrics*, № 117, p. 1115—1155, <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2883-7>
23. Geng, D., Saggi, K. 2015, The nature of innovative activity and the protection of intellectual property in Asia, *Asian Economic Policy Review*, № 10, p. 71—91, <https://doi.org/10.1111/aepr.12084>

24. Zhou, P., Li, J. 2015, Is the word of science moving to the East? What bibliometrics says, in: Archibugi, D., Filippetti, A. (eds.), *The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation*, Malden, MA, John Wiley & Sons, p. 109—123, <https://doi.org/10.1002/19781118739044.ch5>
25. Maisonobe, M. 2020, Regional distribution of research: The spatial polarization in question, *Handbook Bibliometrics*, p. 377—396, <https://doi.org/10.1515/9783110646610-036>
26. Muhr, T. 2022, Reclaiming the politics of South-South cooperation, *Globalizations*, vol. 20, № 3, p. 347—364, <https://doi.org/10.1080/14747731.2022.2082132>
27. Frenken, K. 2020, Geography of scientific knowledge: A proximity approach, *Quantitative Science Studies*, № 1(3), p. 1007—1016, https://doi.org/10.1162/qss_a_00058
28. Prytkov, G. V., Tsvetov, N. Y., Balyakin, A. A., Malyshev, A. S., Taranenko, S. B. 2017, Scientific cooperation between Russia and the eu in the development and use of large research infrastructure, *European Research Studies Journal*, vol. 10, № 3, p. 338—353, <https://doi.org/10.35808/ersj/713>
29. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Baltic Region*, vol. 9, № 4, p. 4—20, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>
30. Murashova, E., Loginova, V. 2017, University-Industry Interaction Trends in the Baltic Sea Region: A Bibliometric Analysis, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 7, № 2, p. 28—29. EDN: XNQMER, <https://doi.org/10.1515/bjes-2017-0009>
31. Mikhaylov, A. S., Gorochay, V. V. 2021, Divergence of coastal cities in the Baltic region by knowledge production capabilities, *European Journal of Geography*, vol. 12, № 1, p. 6—18. EDN: XHBFMZ, <https://doi.org/10.48088/ejg.a.mik.12.1.006.018>
32. Steine, F. S. 2020, Continued growth in Nordic R&D activity, *NIFU Insight*, № 9, p. 1—5.
33. Kirch, A., Mezentsev, V. 2012, Migration of ‘Knowledge Workers’ in the Baltic Sea Macro-Region Countries, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 2, № 2, p. 109—123, <https://doi.org/10.11590/bjes.2012.2.06>
34. Gromov, G., Ovezmyradov, B. 2024, Differences in Research Performance Between Central Asian and Baltic States, in: Kabashkin, I., Yatskiv, I., Prentkovskis, O. (eds.), *Reliability and Statistics in Transportation and Communication*, RelStat 2023, Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 913, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-031-53598-7_47
35. Naumov, A. O., Polozhevich, R. S. 2018, Soft Power of India as a Sovereign State: Yesterday and Today (Part II), *Public Administration. E-journal (Russia)*, № 70, p. 291—328, <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00095>
36. Andreev, S. D. 2023, Background to the origin and evolution of the concept of “looking to the east” in the context of india’s foreign policy (1990—2010s), *Modern scientific thought*, № 1, p. 172—178 (in Russ.), <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-1-172-178>
37. Eletskiy, A. N. 2017, Specificity of innovative development of India as one of a new global geo-economic leaders of the world economy, *Creative Economy*, vol. 11, № 8, p. 863—874 (in Russ.), <https://doi.org/10.18334/ce.11.8.38203>
38. Shkunov, V. N. 2011, Constitutional and Legal Regulation of Educational Relations in Countries of South Asia, *Law and Education*, № 3, p. 4—9 (in Russ.).
39. Bernard, A. B., Moxnes, A., Saito, Y. U. 2022, The Geography of Knowledge Production: Connecting Islands and Ideas, Dartmouth College.
40. Erokhina, T. I. 2021, Soviet discourse of Indian cinema: cultural codes and stereotypes, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, № 13 (855), p. 331—347 (in Russ.), https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_331

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Research Fellow, Head of the Laboratory of the Geography of Innovations, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

Dr Anna A. Mikhaylova, Senior Research Fellow, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Maxim M. Filatov, expert of SIBUR DIGITAL LLC, Russia.

<https://orcid.org/0009-0001-3374-6090>

E-mail: filatovmm@sibur.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

QNSYMN

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ПРИБАЛТИКИ (КОНЕЦ XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)

А. Г. Манаков **Р. Н. Кроток** **И. А. Иванов**

Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию 10.07.2024 г.

Принята к публикации 06.02.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

© Манаков А. Г., Кроток Р. Н., Иванов И. А.,
2025

Процессы секуляризации, развернувшиеся с начала XX в., привели к значительному изменению традиционной религиозной структуры населения многих стран и регионов. Цель исследования — выявление сдвигов в конфессиональной структуре населения Северо-Запада России, Эстонии, Латвии и Литвы с конца XIX в. по настоящее время. Для этого использовались итоги переписей населения, проведенных в 1897 и 2021 гг., а также результаты социологических опросов, в которых задавался вопрос о религиозной принадлежности населения. В соответствии с динамикой конфессиональной структуры населения на территории Северо-Запада России и Прибалтики было выделено 24 историко-конфессиональных района. Осуществлена типологизация районов с опорой на изменение степени сложности конфессиональной структуры населения, а также на динамику доли четырех основных конфессиональных групп в регионе исследования — протестантов, католиков, восточных христиан и иудеев. Первый тип характеризуется гомогенизацией религиозной части населения в пользу православных и католиков при гетерогенизации общей конфессиональной структуры (включающей нерелигиозное население). В этот тип вошли все районы Северо-Запада России, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, Латгалия в Латвии и часть Литвы. Второй тип районов, представленный наиболее полно в Эстонии и Латвии, характеризуется гетерогенизацией как общей конфессиональной структуры населения, так и ее религиозной части. Спецификой третьего типа является гомогенизация общей конфессиональной структуры — в пользу католиков в Литве и в пользу протестантов и нерелигиозного населения — на юго-западе Эстонии.

Ключевые слова:

конфессиональная структура, христианские конфессии, иудаизм, секуляризация, историко-конфессиональные районы

Введение

Изучение динамики конфессиональной структуры населения в настоящее время приобретает особую значимость в связи со значительными изменениями в религиозной сфере многих стран мира, связанными с процессами секуляриза-

Для цитирования: Манаков А. Г., Кроток Р. Н., Иванов И. А. Трансформация конфессиональной структуры населения Северо-Запада России и Прибалтики (конец XIX — первая четверть XXI века) // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 175–192. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

ции, начавшимися в XX в. и активизировавшимися в XXI столетии. Как отмечает С. А. Горохов [1], все страны, расположенные к востоку от Балтийского моря, испытывали волну политической секуляризации в советский период своей истории, которая в конце XX в. сменилась кратковременной волной десекуляризации, особенно проявившейся в России и Литве, в меньшей степени — в Латвии и Эстонии. Но в начале XXI в. в странах Прибалтики, особенно в Эстонии, ускорилась укладывающаяся в общеевропейские тренды социальная секуляризация, в первую очередь охватывающая протестантские страны. В итоге Эстония сейчас входит в группу наименее религиозных стран мира [2—4].

Так, в меньшей степени общеевропейская секуляризация коснулась Литвы, конфессиональная структура населения которой гомогенна и состоит преимущественно из католиков латинского обряда. В большей степени это явление заметно в лютеранских странах Эстонии и Латвии, имеющих крупные православные общины. В последнем из названных государств имеются также крупные сообщества представителей Римской католической церкви [5].

На Северо-Западе России в прошлом в целом ряде районов также была достаточно сложная конфессиональная структура населения, в северной части — со значительным присутствием протестантов, в южной части — иудеев [6]. Хотя в настоящее время, с учетом доминирования потенциально православного населения на Северо-Западе России, можно говорить о преимущественно гомогенной структуре конфессионального пространства в данном регионе страны. По сравнению с конфессиональной географией по итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. изменения в религиозной структуре населения произошли не только на Северо-Западе России [7], но на территории стран Прибалтики [8].

Таким образом, в изменении конфессиональной структуры населения стран, расположенных к востоку от Балтийского моря, имеются значительные различия, связанные с их традиционными религиями.

Цель работы — выявление сдвигов в конфессиональной структуре населения Северо-Запада России, Эстонии, Латвии и Литвы (на уровне выделенных в ходе исследования историко-конфессиональных районов) с 1897 г. по настоящее время.

Степень изученности проблемы и обзор источников

Наиболее изученной в настоящее время является конфессиональная география Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в., так как в 1897 г. была проведена единственная перепись, на которой фиксировалась религиозная принадлежность населения одновременно на всех обозначенных территориях. Территориальные различия конфессиональной структуры населения по результатам данной переписи рассмотрены в работе С. Г. Сафронова [9] и в целом ряде наших исследований [6; 8; 10; 11]. Также заслуживает внимания труд В. М. Кабузана [12], где проанализирована конфессиональная статистика на уровне губерний Российской империи по итогам ревизий населения на протяжении XVIII—XIX вв.

Рассмотрение последующих изменений в конфессиональной структуре населения региона исследования опиралось на работы, посвященные религиозной политике Российской империи в прибалтийских губерниях [13], истории Эстонской евангелическо-лютеранской церкви [14] и православной церкви в Прибалтике в XIX — начале XX в. [15—17], изменению конфессиональной структуры населения белорусско-прибалтийского региона в начале XX в. [18] и современной конфессиональной структуре населения стран Прибалтики [3; 5; 19 и др.].

Ранее нами предпринимались попытки оценки современной конфессиональной структуры населения Северо-Запада России как с помощью методики расче-

та потенциального конфессионального состава населения [9], так и с опорой на результаты опроса населения регионов России, проведенного в 2012 г. [20; 21]. Аналогичные задачи приходится решать при изучении конфессиональной структуры населения на уровне регионов Латвии, так как в современных переписях населения в этой стране не задается вопрос о религиозной принадлежности населения.

Изучение трансформации конфессионального пространства в регионе исследования в период с конца XIX в. по настоящее время сталкивается с проблемой несоответствия сеток административно-территориального деления в период существования Российской империи и в наши дни. Эту проблему решает осуществленное в исследовании историко-конфессиональное районирование Северо-Запада России и Прибалтики, учитывающее специфику конфессионального состава населения территорий в конце XIX в. и в настоящее время.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются итоги переписей и социологических опросов населения. В частности, это Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., переписи населения России, Эстонии, Латвии и Литвы, проведенные в 2021 г., результаты которых размещены на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹. Вместе с национальным составом населения в Эстонии и Литве в ходе данных переписей фиксировалась еще и его религиозная принадлежность.

Кроме того, использованы итоги социологических опросов населения России и Латвии, где задавался вопрос о вероисповедании. В России такой опрос, позволивший достаточно объективно оценить конфессиональный состав населения почти всех регионов страны, был осуществлен некоммерческой исследовательской службой «Среда» в рамках проекта «Арена» в 2012 г.² С учетом проведенных нами ранее исследований, где были проанализированы итоги этого опроса [20; 21], к восточнохристианскому населению (православным и старообрядцам) отнесены респонденты, давшие ответы «Исповедую православие...» и «Исповедую христианство...», к нерелигиозному населению — респонденты, ответившие «Не верю в Бога» и «Верю в Бога, но конкретную религию не исповедую».

В Латвии взяты за основу итоги социологического опроса населения страны, проведенного Латвийским агентством SKDS в 2018 г. (опрос проводился среди жителей Латвии в возрасте от 18 до 74 лет, всего около 1000 респондентов; задавался вопрос «К какой вере вы принадлежите?»)³.

В связи с отсутствием современной конфессиональной статистики на уровне низовых административно-территориальных единиц России и Латвии в исследовании дана оценка конфессиональной структуры на основе этнического состава населения. А точнее, рассчитывалась потенциальная конфессиональная структура населения исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов, проживающих в данных административно-территориальных единицах. Такой подход был использован, например, в работах Р. Н. Сафронова [9], А. Г. Манакова и В. С. Дементьева [8], Н. Н. Терениной и Р. Н. Кротока [21].

¹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR, URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 12.06.2024).

² Арена (Атлас религий и национальностей России), Некоммерческая исследовательская служба «Среда», URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 14.06.2024).

³ Kaktiņš, A. 2018, Lūk, kā izskatās Latvijas iedzīvotāju reliģiskās un konfesionālās piederības pēdējās 3 aptaujās, kur tas ir ticis prasīts, URL: <https://twitter.com/arniskaktins/status/1044214761557282816?lang=he> (дата обращения: 14.06.2024).

Из-за наличия в настоящее время достаточно многочисленной категории нерелигиозного населения требуется предварительная оценка религиозности разных этнических групп [22]. Так, в России результаты опроса населения, проведенного некоммерческой исследовательской службой «Среда» в рамках проекта «Арена», фактически позволяют определить религиозность потенциально православного населения в регионах Северо-Запада по причине их моноэтничности. Оценка численности других конфессиональных групп в случае, если в ходе опроса были получены результаты, укладывающиеся в рамки погрешности выборки, дана на основе этнической структуры населения.

Более сложной является оценка современной конфессиональной структуры населения регионов Латвии. Она опирается, во-первых, на потенциальную конфессиональную структуру населения регионов страны исходя из их этнического состава в 2021 г., во-вторых, на результаты социологического опроса в стране, позволившего оценить степень религиозности каждой потенциально конфессиональной группы, в-третьих, на итоги предыдущих переписей населения Латвии (в период с 1920 по 1935 г., когда фиксировалась религиозная принадлежность населения). Последние позволили скорректировать конфессиональную структуру населения регионов с учетом различия между потенциальной и реальной конфессиональной структурой, а точнее, определить долю латышей-католиков и православных латышей, которая характеризовалась достаточно большой стабильностью независимо от года проведения переписи.

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве основного показателя, который в исследовании служит для оценки степени гомогенности / гетерогенности конфессиональной структуры населения, выступает индекс конфессиональной мозаичности (ИКМ). Данный показатель рассчитывается по формуле $ИКМ = \sum p_i (1 - p_i)$, где p_i — доля представителей i -й конфессиональной группы в стране или регионе. ИКМ является аналогом индекса этнической мозаичности (ИЭМ) [23], широко используемого в российской этнической географии и этнодемографии. В зарубежной науке данный показатель называют индексом этнической фракционализации [24] или же, как в первоначальном варианте, — индексом этнолингвистической фракционализации [25]. Чаще всего в зарубежной науке индекс используется для выявления связи между этнической неоднородностью населения стран и регионов и их экономическим развитием [26—28]. Это название показателя было заимствовано у зарубежных коллег российскими экономистами, занимающимися аналогичной исследовательской тематикой [29—31].

Величина ИКМ изменяется от нуля (в случае если в стране или регионе все население исповедует одну религию) до $1 - 1/n$ (что свидетельствует о максимальной гетерогенности конфессиональной структуры населения определенной территории), то есть существует неявная зависимость величины индекса от количества используемых для его расчета конфессиональных групп в стране или регионе. Чтобы нивелировать влияние этого фактора, С. А. Горохов [1, с. 102] предложил модифицированный вариант индекса, значения которого укладываются в интервал от нуля до единицы. Если известна величина ИКМ, модифицированный вариант индекса мозаичности ($ИКМ_m$) можно рассчитать следующим образом: $ИКМ_m = ИКМ / (1 - 1/n)$.

$ИКМ_m$ позволяет оценить степень гомогенности/гетерогенности конфессиональной структуры населения территорий. Так, С. А. Горохов [1, с. 106] предложил следующую шкалу значений $ИКМ_m$, дающую возможность выделять территории с разной степенью конфессиональной гомогенности / гетерогенности: 1) крайне го-

могенные ($ИКМ_m$ от 0,000 до 0,280); 2) относительно гомогенные ($ИКМ_m$ от 0,281 до 0,556); 3) относительно гетерогенные ($ИКМ_m$ от 0,557 до 0,820); 4) крайне гетерогенные ($ИКМ_m$ от 0,821 до 1,000).

$ИКМ_m$ может быть использован и для оценки сдвигов в конфессиональной структуре населения территорий за определенный временной интервал. Уменьшение величины $ИКМ_m$ за исследуемый период свидетельствует о гомогенизации конфессиональной структуры населения административно-территориальных единиц, соответственно, увеличение $ИКМ_m$ — об ее гетерогенизации. Так, по аналогичной методике было проведено исследование в Латвии [32], где на основе расчета динамики индекса этнической фракционализации между 1925 и 1935 гг., а также между 1989 и 2009—2011 гг., с учетом изменения доли латышского населения была дана оценка степени этнической гомогенизации или гетерогенизации низовых административно-территориальных единиц страны в эти периоды.

В связи с тем что в современной структуре общества высока доля атеистов и лиц, не причисляющих себя ни к каким религиям или же не отвечающих на вопрос о религии (в сумме их можно обозначить как нерелигиозное население), существует проблема, нужно ли учитывать эту категорию населения при расчете индекса конфессиональной мозаичности. Правильнее рассчитывать $ИКМ_m$ только для религиозной части населения, приняв за 100 % долю лиц, обозначивших свою религиозную принадлежность. Так, например, С. А. Горохов [1] предлагает рассчитывать отдельно индексы общей и религиозной мозаичности. Индекс мозаичности для всего населения, включая его нерелигиозную часть, чтобы его не путать с $ИКМ_m$, нами предлагается обозначить как модифицированный общий индекс конфессиональной мозаичности ($ИКМ_{mo}$).

Регион исследования охватывает историческую часть Северо-Запада России и Прибалтики. Однако из него были исключены Калининградская область и северная часть Карельского перешейка (в 1897 г. входившая в состав Выборгской губернии, а ныне в Ленинградскую область) по причине полной замены на их территории населения в течение периода исследования. На данной территории выделено 20 историко-конфессиональных районов и 4 города (Санкт-Петербург, Таллин, Рига и Вильнюс), характеризующихся специфической конфессиональной структурой населения на рубеже XIX и XX вв. или в настоящее время.

Опираясь на итоги переписей населения 1897 и 2021 гг. по всем историко-конфессиональным районам региона исследования был рассчитан $ИКМ_m$, а для 2021 г. также и $ИКМ_{mo}$ (с учетом нерелигиозного населения). Результаты расчета индексов представлены в таблице.

**Величина индексов конфессиональной мозаичности
по историко-конфессиональным районам Северо-Запада России и Прибалтики,
рассчитанных за 1897 и 2021 гг.**

Регион исследования	$ИКМ_m$ 1897 г.	$ИКМ_m$ 2021 г.	$ИКМ_{mo}$ 2021 г.
<i>Весь</i>	<i>0,896</i>	<i>0,772</i>	<i>0,875</i>
<i>Северо-Запад России</i>	<i>0,245</i>	<i>0,037</i>	<i>0,696</i>
Санкт-Петербург	0,336	0,031	0,701
Ингерманландия	0,618	0,044	0,687
Прилужье	0,347		
Ладожско-Онежский	0,018		
Новгородский	0,076		
Восточное Причудье	0,216	0,027	0,683
Псковский	0,082		
Прибелорусский	0,199		
		0,066	0,658

Окончание табл.

Регион исследования	ИКМ _м 1897 г.	ИКМ _м 2021 г.	ИКМ _{мо} 2021 г.
Эстония	0,369	0,676	0,567
Таллин	0,490	0,592	0,647
Северная Эстония	0,188	0,682	0,438
Ида-Вирумаа	0,400	0,245	0,692
Юго-Восточная Эстония	0,330	0,641	0,440
Юго-Западная Эстония	0,606	0,594	0,428
Латвия	0,777	0,879	0,926
Рига	0,710	0,747	0,860
Видземе	0,287	0,728	0,846
Латгале	0,808	0,723	0,837
Земгале	0,377	0,851	0,900
Курземе	0,432	0,735	0,846
Литва	0,530	0,170	0,510
Вильнюс	0,874	0,314	0,659
Дзукия	0,394	0,140	0,412
Восточная Аукштайтия	0,583	0,497	0,701
Аукштайтия	0,540	0,080	0,452
Жемайтия	0,449	0,213	0,540
Сувалкия	0,470	0,027	0,300

Так, в 1897 г. по величине ИКМ_м историко-конфессиональные районы распределились по степени гомогенности / гетерогенности конфессиональной структуры населения следующим образом: 1) крайне гомогенные — большинство районов Северо-Запада России, а также Северная Эстония; 2) относительно гомогенные — Санкт-Петербург, Прилужье, большая часть территорий Эстонии, Латвии и Литвы; 3) относительно гетерогенные — Ингерманландия, юго-запад Эстонии, г. Рига, Латгалия и Восточная Аукштайтия; 4) крайне гетерогенные — г. Вильнюс.

В настоящее время почти во всех историко-конфессиональных районах высока степень гетерогенности общей конфессиональной структуры населения (по причине высокой доли нерелигиозного населения). Но при этом немного уменьшилась степень гетерогенности религиозной части структуры населения. Наиболее повысилась гомогенность этой части конфессиональной структуры населения в регионах Северо-Запада России и в Литве. Однако немного более гетерогенной стала структура религиозной части населения в большинстве историко-конфессиональных районов Эстонии (за исключением уезда Ида-Вирумаа и Юго-Западной Эстонии) и Латвии (за исключением Латгале). Причины обозначенной динамики индекса конфессиональной мозаичности можно выявить, проследив изменения в соотношении разных конфессиональных групп за данный период.

В качестве основных конфессиональных групп населения, выбранных для анализа в регионе исследования, выступают протестанты (лютеране в сумме с представителями других протестантских деноминаций), католики, восточные христиане (православные в сумме со старообрядцами) и иудеи. Во-первых, они соответствуют отдельным религиям (иудаизм) или трем основным направлениям христианства. Во-вторых, эти конфессиональные группы имели наибольшее представительство в религиозной структуре населения в регионе исследования в конце XIX в. В-третьих, их количественно можно сопоставить с результатами расчета потенциальной конфессиональной структуры населения исходя из традиционной религиозной принадлежности этнических групп.

В настоящее время, согласно данным, используемым в исследовании, доля нерелигиозного населения (включая, кроме атеистов, также и лиц, не указавших в ходе проведения переписей и опросов населения своей религиозной принадлежности) составляет в Эстонии — 71 %, в Латвии — 32 %, в Литве — 20 %, в регионах Северо-Запада России — 43 % (в том числе Новгородская область — свыше 48 %, Санкт-Петербург — 44 %, Псковская область — более 40 %, Ленинградская область — 39 %).

С процессами социальной секуляризации, развернувшейся в XX — начале XXI в., напрямую связано уменьшение удельного веса протестантов в общей конфессиональной структуре населения государств Прибалтики, так как секуляризация охватила в первую очередь протестантские страны. В период между переписями населения 1897 и 2021 гг. наиболее значительное сокращение доли протестантов (свыше 70 %) произошло на территории Эстонии (рис. 1) — ныне одной из наименее религиозных стран мира.

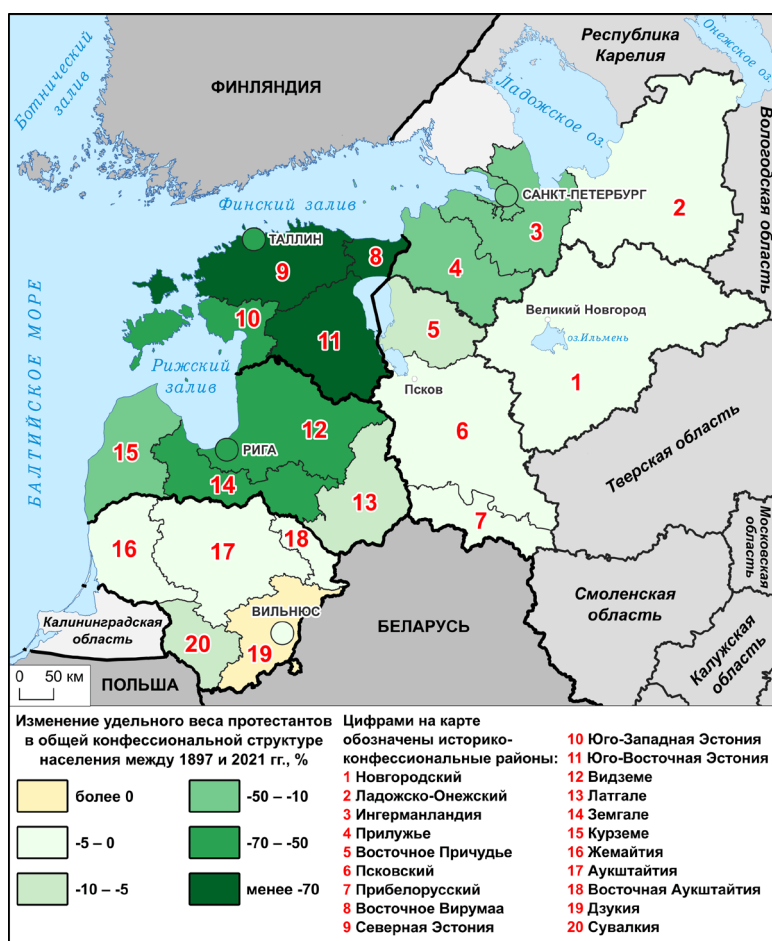

Рис. 1. Изменение доли протестантов в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

Уменьшение доли протестантов на 50—70 % характеризует исторически лютеранские регионы Латвии (Видземе и Земгале), г. Ригу, а также юго-запад Эстонии и г. Таллин. В России наиболее значительное сокращение доли протестантов про-

изошло на территории Ингерманландии (по причине депортации финнов-ингерманландцев в 1930—1940-е гг.), в Прилужье и Восточном Причудье (покинутые в 1943 г. эстонцами и латышами, прибывшими на эти территории во второй половине XIX в.) [6]. Минимальное уменьшение удельного веса протестантов характеризует территории России и Литвы, где доля лютеран была низка изначально. Единственный исторический район, где выросла доля протестантов за период исследования, — это Дзукия в Литве.

Удельный вес католиков в общей конфессиональной структуре населения в основном рос на территории стран Прибалтики и уменьшался на Северо-Западе России (рис. 2). При этом наибольший прирост доли католиков на период исследования наблюдался в Вильнюсе и Риге, менее значительный — на большей части территорий Эстонии, Латвии и Литвы. Исключение составил ряд регионов, где доля католиков уменьшилась из-за роста удельного веса православных (в Латгалии, Восточной Аукштайтии, Жемайтии) или же нерелигиозного населения.

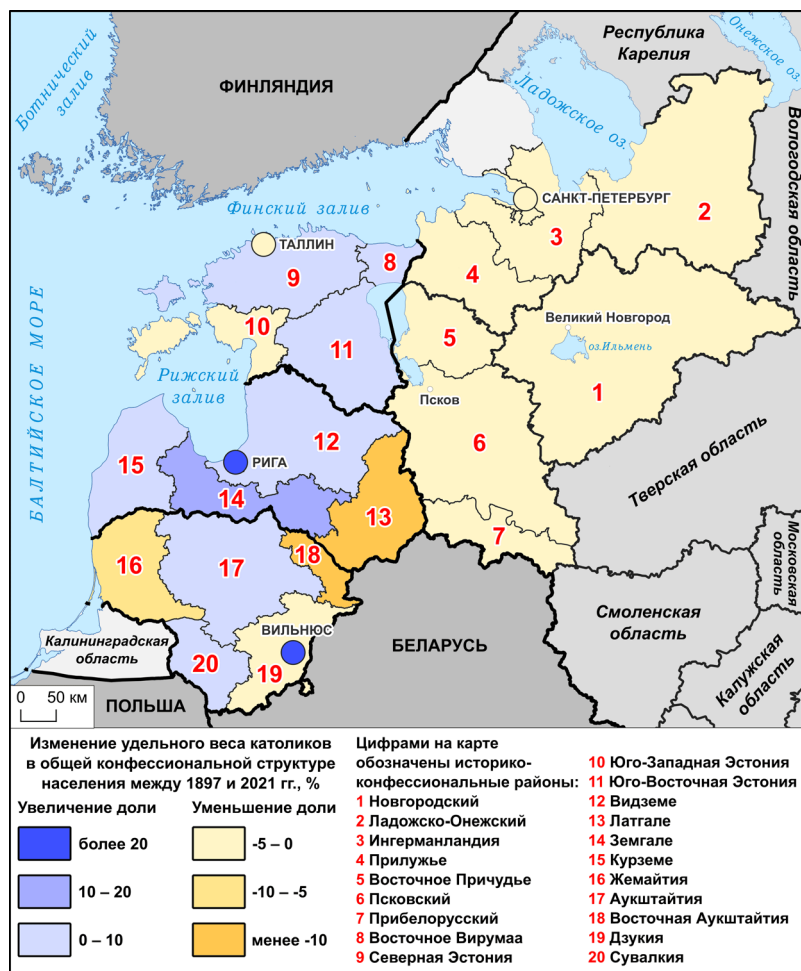

Рис. 2. Изменение доли католиков в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

Наиболее значительный рост удельного веса православных и старообрядцев (в сумме) в общей конфессиональной структуре населения наблюдался в Восточном

Вирумаа (Эстония) и г. Риге (свыше 20 %), а также во всех регионах Латвии (от 10 до 20 %), небольшой рост — в Северной Эстонии и г. Таллине, в Восточной Аукштайтии и Жемайтии. Уменьшение доли восточных христиан произошло во всех регионах Северо-Западной России (по причине роста удельного веса нерелигиозного населения), в южной части Эстонии и в большинстве регионов Литвы.

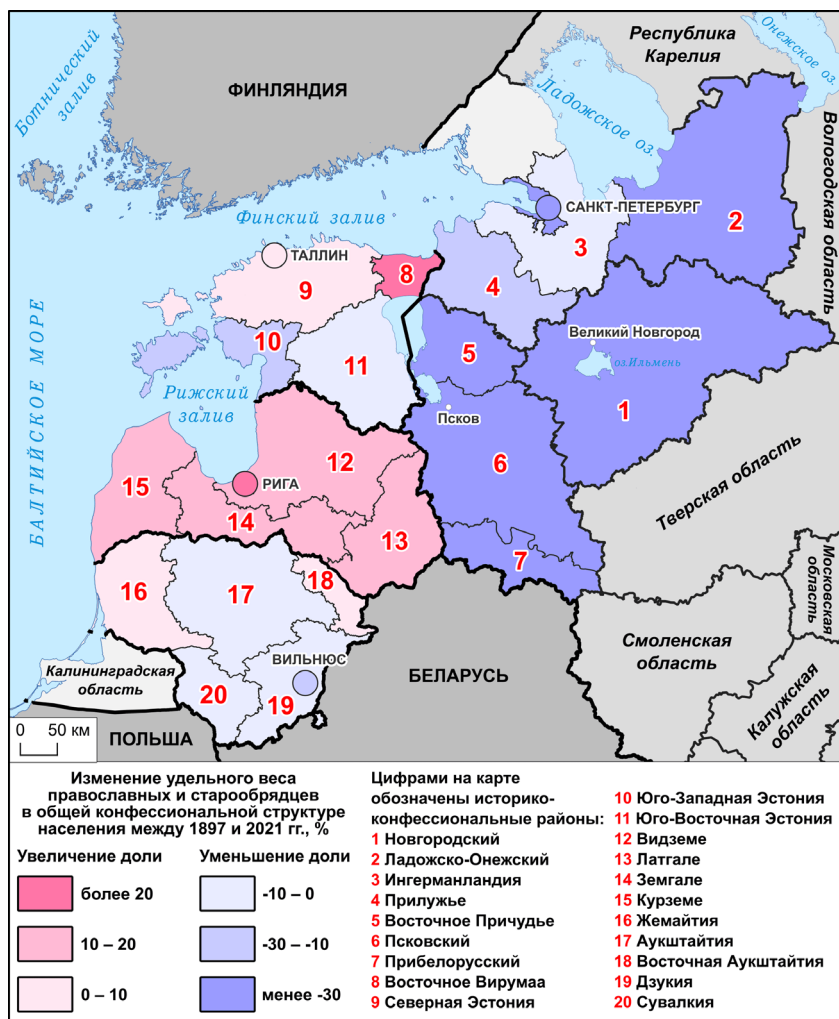

Рис. 3. Изменение доли православных и старообрядцев в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

Падение доли православных и старообрядцев в Литве связано преимущественно с сокращением доли потенциально православного населения (главным образом из-за его частичного миграционного оттока в конце XX — начале XXI в.). При этом сокращение доли восточных христиан на юге Эстонии, и особенно в ее юго-западной части, имеет совсем иную причину. Дело в том, что православие («царскую веру») здесь активно принимало местное эстонское население в середине и конце XIX в., рассчитывая на получение земли после отмены крепостного права в прибалтийских губерниях [15—17]. Особенно в этом плане выделялся остров Сааремаа (в то время Эзель), где в 1897 г. доля православных превышала 38 % местного населе-

ния. Аналогичные процессы происходили в других уездах Лифляндской губернии (ныне юг Эстонии и север Латвии), но в них принятие эстонцами и латышами православия не было столь массовым явлением.

Картосхема, где показано сокращение доли иудеев в общей конфессиональной структуре населения (рис. 4), по своей сути отражает географию проживания евреев в конце XIX в. (в пределах так называемой черты оседлости), так как к настоящему времени в регионе исследования еврейское население стало крайне малочисленным. Это произошло, во-первых, по причине геноцида евреев на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны, во-вторых, из-за миграционного оттока уже сильно сократившегося еврейского населения в послевоенный период. В конце XIX в. в черту оседлости входили Витебская губерния (в том числе Латгалия и современный юг Псковской области), Ковенская, Виленская и Сувалкская губернии, в дальнейшем полностью или частично вошедшие в состав Литвы. Также особые правила проживания евреев были приняты в Курляндской губернии (Курземе и Земгале). На остальных территориях, кроме крупных городов (включая Санкт-Петербург, Ревель и Ригу), доля евреев, а значит и иудеев, была незначительной.

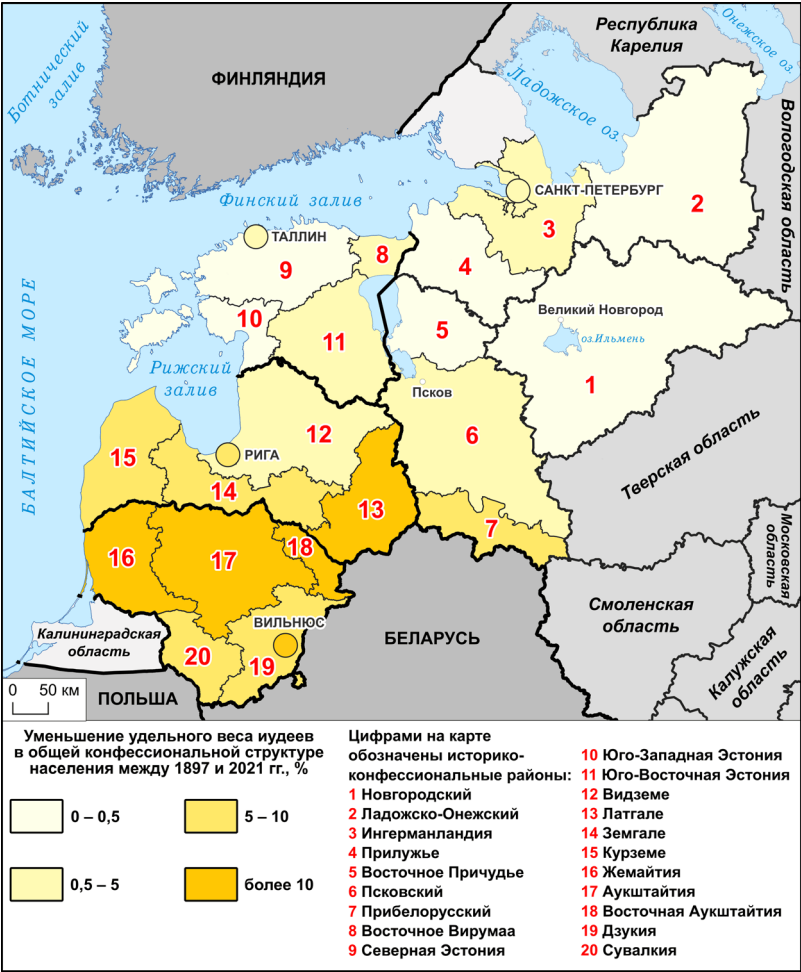

Рис. 4. Изменение доли иудеев в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

С опорой на разность значений ИКМ_м и ИКМ_{мо} между 1897 и 2021 гг., а также на изменения в этот период в общей конфессиональной структуре населения удельного веса протестантов, католиков, восточных христиан, иудеев и нерелигиозного населения была разработана типология историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и стран Прибалтики по конфессиональной динамике в данный период (рис. 5).

Рис. 5. Типология историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и стран Прибалтики по динамике конфессиональной структуры населения между 1897 и 2021 гг.

Всего выделено три типа и восемь подтипов историко-конфессиональных районов. В первую очередь районы были разделены на 2 основных группы по характеру изменения общей конфессиональной структуры населения (включая нерелигиозное

население). Чаще всего увеличение доли нерелигиозного населения вело к гетерогенизации общей конфессиональной структуры (росту ИКМ_{мо}), но она сопровождалась или гомогенизацией структуры религиозного населения (падению ИКМ_м), или ее гетерогенизацией (росту ИКМ_м). Это и есть первые два типа историко-конфессиональных районов, в каждом из которых выделено по три подтипа в зависимости от динамики удельного веса отдельных конфессиональных групп.

Первый подтип первого типа включает историко-конфессиональные районы, испытывающие гомогенизацию структуры религиозного населения (несмотря на рост удельного веса нерелигиозного населения) за счет сокращения представительства иных конфессиональных групп. Эти районы охватывают всю территорию Северо-Запада России, а также Восточное Вирумаа в Эстонии и Латгалию в Латвии, где православие за период исследования сохранило или установило доминирование в структуре религиозного населения, в том числе за счет уменьшения доли иудеев (в Латгалии и на юге современной Псковской области, в прошлом бывших частями Витебской губернии, входившей в пределы черты оседлости еврейского населения) и протестантов (в Восточном Вирумаа, Прилужье, Восточном Причудье, Ингерманландии и Санкт-Петербурге, где ранее была высокой доля эстонцев и финнов).

Второй подтип первого типа, хотя и характеризуется ростом доли православных, но последние не стали лидерами в структуре религиозного населения, где сохранилось доминирование католиков. Гомогенизация структуры религиозного населения здесь сопровождалась выпадением из нее достаточно большой в прошлом доли иудеев. Два историко-конфессиональных района этого подтипа выделены в Литве — Жемайтия и Восточная Аукштайтя.

Третий подтип первого типа также характеризуется гомогенизацией структуры религиозного населения в пользу католиков, опять же за счет значительного сокращения доли иудеев, но без роста доли православных. Данный подтип представлен в восточной части Литвы (г. Вильнюс и окружающий ее район Дзукья).

Второй тип историко-конфессиональных районов в целом характеризуется гетерогенизацией как общей конфессиональной структуры населения, так и религиозной ее части. Но при этом в данном типе районов наблюдается небольшой прирост доли двух конфессиональных групп — католиков (первый подтип, представленный на юго-востоке Эстонии), православных (второй подтип, включающий г. Таллин) и одновременно католиков и православных (третий подтип, охватывающий Северную Эстонию и все исторические районы Латвии, кроме Латгалии).

Третий тип историко-конфессиональных районов характеризуется одновременной гомогенизацией общеconfессиональной и религиозной структур населения. Первый подтип представлен двумя историческими районами Литвы (Аукштайтя и Сувалкия), где произошла гомогенизация структуры религиозного населения в пользу католиков, которые укрепили свое лидерство не только в религиозной структуре населения, но и в общей конфессиональной структуре (несмотря на рост доли нерелигиозного населения) по причине выпадения из нее иудеев.

Во второй подтип третьего типа вошла юго-западная часть Эстонии. Это единственный историко-конфессиональный район, где произошла одновременно гомогенизация структуры религиозного населения в пользу протестантов (из-за падения доли восточных христиан) и общей конфессиональной структуры в пользу нерелигиозного населения.

Выводы

Предложенная в исследовании методика, опирающаяся на динамику удельного веса основных конфессиональных групп и индекса мозаичности на уровне выделенных в работе историко-конфессиональных районов, позволила выявить

территориальные различия в изменении конфессиональной структуры населения Северо-Запада России и стран Прибалтики в период с конца XIX в. по настоящее время. Всего было выделено 24 района, характеризующихся спецификой конфессиональной структуры населения в конце XIX в. или в начале XXI в.

Осуществлена типологизация историко-конфессиональных районов по особенностям динамики конфессиональной структуры населения за обозначенный период. Выделены три типа и восемь подтипов районов, учитывая изменение степени сложности религиозной и общеконфессиональной (включая лиц, не обозначивших свою религиозную принадлежность) структуры населения, а также динамику удельного веса четырех основных конфессиональных групп в регионе исследования (протестантов, католиков, восточных христиан и иудеев).

Первый тип характеризуется гомогенизацией религиозной структуры населения (в пользу православных или католиков) при гетерогенизации общей конфессиональной структуры (за счет роста нерелигиозного населения). В этот тип попали все историко-конфессиональные районы Северо-Запада России, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, Латгалия в Латвии (гомогенизация в пользу православных) и большая часть Литвы (гомогенизация в пользу католиков). Росту православных и католиков в структуре религиозного населения здесь способствовало падение доли протестантов в северной части региона исследования и иудеев в его южной части.

Второй тип характеризуется одновременной гетерогенизацией религиозной и общеконфессиональной структуры населения. Эти районы охватывают большую часть Эстонии и Латвии. Здесь на фоне массового перехода протестантов в категорию нерелигиозного населения немного выросла доля православных и католиков.

Спецификой третьего типа является одновременная гомогенизация религиозной и общеконфессиональной структуры населения. В Литве в районах этого типа (Аукштайтя и Сувалкия) укрепились позиции католиков. Но наиболее интересным примером районов этого типа является Юго-Западная Эстония, где на фоне значительного роста доли нерелигиозного населения произошло уменьшение доли православных (местные эстонцы активно принимали православие в XIX в.), в результате чего в структуре религиозного населения укрепились доминирование лютеран.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтность».

Список литературы

1. Горохов, С. А. 2020, *География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства*, М., ЮНИТИ-ДАНА, 235 с. EDN: VMXIPN
2. Старостенко, В. В. 2017, Религиозность в странах мира и индексы общественного развития, *Религия и общество — 11*, сборник научных статей, под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, с. 76—80. EDN: ZETSEX
3. Старостенко, В. В. 2018, К вопросу о специфике религиозности населения на постсоветском пространстве: страны Балтии, *Религия и общество — 12*, сборник научных статей, под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, с. 102—105. EDN: XXAMMX
4. Балабейкина, О. А., Мартынов, В. Л., Янковская, А. А. 2020, Экономическая деятельность ведущих религиозных организаций Эстонии, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 4, с. 96—111. EDN: ZJLLQV

5. Alisauskiene, M. 2011, Freedom of Religion in the Baltic States: Sociological and Legal Analysis, in: Mate-Toth, A., Rughinish, C. (eds.), *Spaces and Borders. Current Research on Religion in Central and Eastern Europe*, p. 133—151. <https://doi.org/10.1515/9783110228144.133>
6. Манаков, А. Г. 2002, *Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия*, Псков, Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 300 с. URL: <http://st.volny.edu/> (дата общения: 11.11.2024).
7. Дементьев, В. С. 2021, Подходы к изучению структурных элементов конфессионального пространства Северо-Запада России на рубеже XIX—XX вв., *Псковский регионологический журнал*, т. 2, № 46, с. 117—131. EDN: NGHOMS, <https://doi.org/10.37490/8221979310014074-4>
8. Manakov, A. G., Dementiev, V. S. 2019, Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic, *Baltic Region*, vol. 11, № 1, p. 92—108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-7>
9. Сафронов, С. Г. 2001, Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века, в: Нефедова Т., Полян, П., Трейвиш, А. (ред.), *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен* Нефедова Т., Полян, П., Трейвиш, А. (ред.), М., с. 443—460. EDN: LXBEVY
10. Дементьев, В. С., Кроток, Р. Н. 2023, Конфессиональная структура населения Российской империи на рубеже XIX—XX вв.: статистико-географический анализ, *Псковский регионологический журнал*, т. 19, № 4, с. 62—80. EDN: GVLWNR, <https://doi.org/10.37490/S221979310027418-2>
11. Дементьев, В. С., Кроток, Р. Н. 2024, Конфессиональные контактные зоны Российской империи в разрезе уездов и округов по итогам переписи 1897 года, *Псковский регионологический журнал*, т. 20, № 1, с. 91—106. EDN: ZZRAYB, <https://doi.org/10.37490/S221979310029977-7>
12. Кабузан, В. М. 2008, *Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719—1917 гг.)*. М., Институт российской истории РАН, 272 с. EDN: QUPRSX
13. Фриз, Гр. 2017, Религиозная политика Российской империи в Прибалтике, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, т. 62, № 4, с. 777—806. EDN: YNFDUF, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>
14. Altnurme, R. (ed.). 2018, *Eesti kiriku — ja religioonilugu* [The History of Estonian Church and Religion], Tartu, Ülikooli kirjastus, 390 lk.
15. Пярт, И. (ред.). 2019, *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840—1930-е гг.*, Тарту, Изд-во Тартусского университета, 527 с. <https://doi.org/10.30965/25386565-02301015>
16. Lebedev, S. V., Lebedeva, G. N. 2021, The struggle for the transition to the “royal faith”. From the History of Orthodoxy in the Baltic States., *Rethinking of history: conflict of facts and hypotheses. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal*, № 7 (13), p. 52—79. EDN: CZWBYS, <https://doi.org/10.47451/his2021-09-002>
17. Лебедев, С. В., Лебедева, Г. Н. 2022, Народное движение в Прибалтике за переход в «царскую веру», *Тетради по консерватизму*, № 2, с. 60—77. EDN: LPLWKM, <https://doi.org/10.24030/24092517-2022-0-2-60-77>
18. Лисовская, Т. В. 2022, Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века, *Белорусский исторический обзор*, № 1 (6), с. 57—65. EDN: TLPWSY
19. Робберс, Г. (сост.). 2009, *Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений)*, М., Институт Европы РАН, 719 с.
20. Манаков, А. Г. 2019, Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX — начале XXI в., *Географический вестник*, № 2 (49), с. 13—24. EDN: RSTSQF, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-2-13-24>
21. Теренина, Н. К., Кроток, Р. Н. 2023, Опыт расчета коэффициента религиозной контрастности по регионам России, *Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки*, т. 16, № 4, с. 82—94. EDN: GEQAKG
22. Филимонова, И. Ю. 2006, Изучение уровня религиозности населения (на примере Оренбургской области), *Экономико-географический вестник Ростовского госуниверситета*, № 3, с. 128—133. EDN: SBSEOT

23. Эккель, Б. М. 1976, Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР, *Советская этнография*, № 2, с. 33—39.
24. Posner, D. N. 2004, Measuring Ethnic Fractionalization in Africa, *American Journal of Political Science*, vol. 48, № 4, p. 849—863. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>
25. Greenberg, J. H. 1956, The Measurement of Linguistic Diversity, *Language*, vol. 32, № 1, p. 109—115. <https://doi.org/10.2307/410659>
26. Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. 2011, Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 20, № 2, p. 129—152. <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
27. Boudreaux, C. J. 2020, Ethnic diversity and small business venturing, *Small Business Economics*, vol. 54, p. 25—41. EDN: PIISUI, <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0087-4>
28. Dinku, Y., Regasa, D. 2021, Ethnic Diversity and Local Economies, *South African Journal of Economics*, vol. 89, № 3, p. 348—367. EDN: BJSXYB, <https://doi.org/10.1111/saje.12286>
29. Буфетова, А. Н., Коломак, Е. А. 2017, Национальная неоднородность в регионах России, *ЭКО*, № 4 (514), с. 110—123. EDN: YIBHPJ
30. Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. 2020, Cultural heterogeneity and economic development in Russia, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, № 4, p. 453—463. EDN: KRJFOQ, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
31. Рожина, Е. А., Васильева, Р. И. 2024, Этническое разнообразие и экономическая диверсификация: анализ регионов России, *Народонаселение*, т. 27, № 1, с. 82—94. EDN: LJNPHYB, <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-82-94>
32. Németh, Á. 2013, Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897—2011, *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, p. 404—438. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.807604>

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

E-mail: region-psk@yandex.ru

Роман Николаевич Кроток, младший научный сотрудник молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5111-0686>

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

Иван Андреевич Иванов, младший научный сотрудник молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, Псковский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

E-mail: ii60@bk.ru

TRANSFORMATION OF THE CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF NORTHWEST RUSSIA AND THE BALTICS (LATE 19th CENTURY – FIRST QUARTER OF THE 21st CENTURY)

A. G. Manakov

R. N. Krotok

I. A. Ivanov

Pskov State University,
2, Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

Received 10 July 2024

Accepted 06 February 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

© Manakov, A. G., Krotok, R. N. Ivanov, I. A.,
2025

The secularization processes that have unfolded since the early 20th century have profoundly transformed the traditional religious structure of populations in many countries and regions. This study aims to trace the shifts in the confessional composition of the population in Northwest Russia, Estonia, Latvia, and Lithuania from the late 19th century to the present. The analysis is based on data from the 1897 and 2021 population censuses, as well as sociological surveys that included questions on religious affiliation. Drawing on the dynamics of confessional change, the study identifies 24 historical-confessional districts across Northwest Russia and the Baltics States. A typology of these districts is developed according to two principal criteria: the degree of complexity in the confessional structure and the changing proportions of the region's four major religious groups — Protestants, Catholics, Eastern Christians, and Jews. The first type of district is characterized by a homogenization of the religious population in favour of Orthodox and Catholic groups, accompanied by a general heterogenization of the broader confessional structure, including the non-religious population. This type encompasses all districts of Northwest Russia, Ida-Virumaa County in Estonia, Latgale in Latvia, and parts of Lithuania. The second type, most extensively represented in Estonia and Latvia, exhibits heterogenization in both the overall confessional structure and its religious component. The third type is marked by the homogenization of the general confessional structure, with a predominance of Catholics in Lithuania, and of Protestants and the non-religious population in southwestern Estonia.

Keywords:

confessional structure, Christian confessions, Judaism, secularization, historical-confessional regions

The study was supported by the Russian Science Foundation within project № 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.

References

1. Gorokhov, S. A. 2020, *Geography of religions: development cycles of the global religious landscape*, M., UNITI-DANA, 235 p. (in Russ.). EDN: VMXIPN

To cite this article: Manakov, A. G., Krotok, R. N., Ivanov, I. A. 2025, Transformation of the confessional structure of the population of Northwest Russia and the Baltics (late 19th – first quarter of the 21st centuries), *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 175–192. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

2. Starostenko, V.V. 2017, Religiosity in the countries of the world and indices of social development, *Religion and Society* — 11, Starostenko, V.V., Dyachenko, O.V. (eds.), Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, p. 76—80 (in Russ.). EDN: ZETSXZ
3. Starostenko, V.V. 2018, On the Specifics of Population Religiosity in the Post-Soviet Space: The Baltic States, *Religion and Society* — 12, Starostenko, V.V., Dyachenko, O.V. (eds.), Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, p. 102—105 (in Russ.). EDN: XXAMMX
4. Balabeikina, O.A., Martynov, V.L., Iankovskaia, A.A. 2020, Economic activity of the leading religious organizations in Estonia, *Vestnik of the IKBFU. Series: Humanities and social sciences*, №4, p. 96—111. EDN: ZJJLQV
5. Alisauskiene, M. 2011, Freedom of Religion in the Baltic States: Sociological and Legal Analysis, in: Mate-Toth, A., Rughinis, C. (eds.), *Spaces and Borders. Current Research on Religion in Central and Eastern Europe*, p. 133—151, <https://doi.org/10.1515/9783110228144.133>
6. Manakov, A.G. 2002, *Geocultural Space of the North-West Russian Plain: Dynamics, Structure, Hierarchy*, Pskov, Center “Vozrozhdenie” with the assistance of UCST, 300 p., URL: <http://st.volny.edu/> (in Russ.) (accessed 11.11.2024).
7. Dementiev, V.S. 2021, Approaches to the study of structural elements of the confessional space of the North-West of Russia at the turn of the XIX—XX centuries, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 2, №46, c. 117—131. EDN: NGHOMS, <https://doi.org/10.37490/8221979310014074-4>
8. Manakov, A.G., Dementiev, V.S. 2019, Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic, *Baltic Region*, vol. 11, №1, p. 92—108, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-7>
9. Safronov, S.G. 2001, Confessional Space of Russia at the Beginning and End of the Twentieth Century, in: Nefedova, T., Polyan, P., Trayvish, A. (eds.), *Town and Village in European Russia: One Hundred Years of Change*, M., p. 443—460 (in Russ.). EDN: LXBEVY
10. Dementiev, V.S., Krotok, R.N. 2023, Confessional structure of the population of the Russian empire at the turn of the 19—20 centuries: statistical and geographical analysis, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, №4, p. 62—80. EDN: GVLWNR, <https://doi.org/10.37490/S221979310027418-2>
11. Dementiev, V.S., Krotok, R.N. 2024, Confessional contact zones of the Russian empire by counties and districts according to the results of the 1897 census, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, №1, p. 91—106. EDN: ZZRAYB, <https://doi.org/10.37490/S221979310029977-7>
12. Cabuzan, V.M. 2008, *Spread of Orthodoxy and other confessions in Russia in the 18th — early 20th centuries (1719—1917)*, M., Institute of Russian History RAS, 272 p. (in Russ.). EDN: QUPRSX
13. Freeze, Gr. 2017, Religious policy of the Russian Empire in the Baltics, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, №4, p. 777—806. EDN: YNFDUF, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>
14. Altnurme, R. (ed.). 2018, *Eesti kiriku — ja religioonilugu* [The History of Estonian Church and Religion], Tartu, Ülikooli kirjastus, 390 lk.
15. Pyart, I. (ed.). 2019, *Orthodoxy in the Baltics: religion, politics, education 1840s — 1930s*, Tartu: Tartu University Press, 527 p. (in Russ.), <https://doi.org/10.30965/25386565-02301015>
16. Lebedev, S.V., Lebedeva, G.N. 2021, The struggle for the transition to the “royal faith”. From the History of Orthodoxy in the Baltic States., *Rethinking of history: conflict of facts and hypotheses. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal*, №7 (13), p. 52—79. EDN: CZWBYY, <https://doi.org/10.47451/his2021-09-002>
17. Lebedev, S.V., Lebedeva, G.N. 2021, Popular Movement in the Baltic States for Conversion to the “Tsar Faith”, *Tetrad po konservatizmu*, №2, p. 60—77 (in Russ.). EDN: LPLWKM, <https://doi.org/10.24030/24092517-2022-0-2-60-77>
18. Lisovskaya, T.V. 2022, Changes in the confessional structure of the society of the Belarusian-Baltic Region at the beginning of the twentieth century, *Belarusian Historical Review*, №1 (6), p. 57—65 (in Russ.). EDN: TLPWSY
19. Robbers, G. (co-ed.). 2009, *States and Religions in the European Union (experience of state-confessional relations)*, Moscow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 719 p. (in Russ.).
20. Manakov, A.G. 2019, Transformation of the territorial structure of the confessional space of Russia in the XX — the beginning of the XXI century, *Geographical bulletin*, №2 (49), p. 13—24 (in Russ.). EDN: RSTSQF, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-2-13-24>

21. Terenina, N., Krotok, R. 2023, Experience of calculating the coefficient of religious contrast by regions of Russia, *Bulletin of Pskov State University. Series: Natural and Physical and Mathematical Sciences*, vol. 16, № 4, p. 82—94 (in Russ.). EDN: GEQAKG
22. Filimonova, I. Yu. 2006, Study of the level of religiosity of the population (on the example of the Orenburg region), *Vestnik of Rostov State Economic University (RINH)*, № 3, p. 128—133 (in Russ.). EDN: SBSEOT
23. Eckel, B. M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, krays and regions of the USSR, *Soviet Ethnography*, № 2, p. 33—39 (in Russ.).
24. Posner, D. N. 2004, Measuring Ethnic Fractionalization in Africa, *American Journal of Political Science*, vol. 48, № 4, p. 849—863, <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>
25. Greenberg, J. H. 1956, The Measurement of Linguistic Diversity, *Language*, vol. 32, № 1, p. 109—115. <https://doi.org/10.2307/410659>
26. Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. 2011, Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 20, № 2, p. 129—152, <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
27. Boudreaux, C. J. 2020, Ethnic diversity and small business venturing, *Small Business Economics*, vol. 54, p. 25—41. EDN: PIISUI, <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0087-4>
28. Dinku, Y., Regasa, D. 2021, Ethnic Diversity and Local Economies, *South African Journal of Economics*, vol. 89, № 3, p. 348—367. EDN: BJSXYB, <https://doi.org/10.1111/saje.12286>
29. Bufetova, A. N., Kolomak, E. A. 2017, National diversity in Russian regions, *ECO*, № 4 (514), p. 110—123. EDN: YIBHPJ
30. Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. 2020, Cultural heterogeneity and economic development in Russia, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, № 4, p. 453—463. EDN: KRJFOQ, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
31. Rozhina, E. A., Vasilyeva, R. I. 2024, Ethnic diversity and economic diversification: the case of Russian regions, *Narodonaselenie [Population]*, vol. 27, № 1, p. 82—94, <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-82-94>
32. Németh, Á. 2013, Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897—2011, *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, p. 404—438, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.807604>

The authors

Dr Andrei G. Manakov, Professor, the Department of Geography, Pskov State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

E-mail: region-psk@yandex.ru

Roman N. Krotok, Junior Research Fellow, Youth Research Laboratory for Cross-Regional and Transboundary Studies; PhD Student, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5111-0686>

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

Ivan A. Ivanov, Junior Research Fellow, Youth Research Laboratory for Cross-Regional and Transboundary Studies; PhD Student, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

E-mail: ii60@bk.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

5) приставные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules>=====

BALTIC REGION

2025
Volume 17
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2025.
197 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236041

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Lomonosov Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriagevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Politics and Economics

Baykov, A. A., Crowley-Vigneau, A. C., Neklyudov, N. Ya., Zhang, T. Integration in crisis: towards a new explicative model 4

Voynikov, V. V. Legal aspects of the use of profits from Russian sovereign assets by EU countries 30

Trunov, Ph. O. Germany’s approach to security and defence cooperation with Poland by the mid-2020s 49

Spatial Development

Zhukovskii, A. D. Rural development in the Baltic States: assessment of the current state 73

Komarova, V. F., Ruza, O. P., [†]Heimanis, B. M., Arbidane, I., Ostrovska, I. State of automobile transport development of Latvian territories in the context of spatial inequality 100

Logvinov, I. A., Lachininskii, S. S., Belozеров, S. A. Adaptation of spatial strategies of the largest developers of residential real estate in St. Petersburg to anti-Russian sanctions 122

Society

Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Filatov, M. M. Scientific cooperation of Russia (1990—2024): a comparative study of the Baltic and Indian regions 152

Manakov, A. G., Krotok, R. N., Ivanov, I. A. Transformation of the confessional structure of the population of Northwest Russia and the Baltics (late 19th — first quarter of the 21st centuries) 175

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025

Том 17

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 27.06.2025 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,2
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 68
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14